

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL

2023 Том 29 № 1

Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным

Выходит четыре раза в год

Москва

Журнал издается при поддержке

Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

П.М. Козырева
главный редактор,
доктор социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Л.А. Козлова
зам. главного редактора,
кандидат философских наук, доцент

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Донна Бари, доктор философии, профессор,
Университет штата Пенсильвания, США

Т.Ю. Богомолова, кандидат социол. наук, Новосибирский государственный университет, ЭОПП СО РАН, Россия

Франк Вельц, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

М.К. Горшков, доктор филос. наук, академик РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Б.З. Докторов, доктор филос. наук, профессор, независимый исследователь, США

Томаш Зарицкий, профессор, Институт социальных наук,
Университет Варшавы, Польша

Д.Л. Константиновский, доктор социол. наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Томаш Костелецкий, профессор, директор Института социологии Академии наук Чешской Республики, Чехия

А.Ю. Мягков, доктор социол. наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет, Россия

О.А. Оберемко, кандидат социол. наук, доцент,
НИУ «Высшая школа экономики», Россия

А.А. Ослон, кандидат техн. наук, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Россия

Эдвард Свидерски, почетный профессор, Университет Фрибурга, Швейцария

В.В. Федоров, кандидат полит. наук, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

Б.М. Фирсов, доктор филос. наук, профессор,
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

М.Ф. Черныш, доктор социол. наук, член-корр. РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия

С.В. Чесноков, кандидат техн. наук, независимый исследователь, Израиль

EDITORIAL BOARD

P.M. Kozyreva
Editor in Chief,
Doctor of Sociological Sciences

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
NRU "Higher School of Economics",
Russian Federation

L.A. Kozlova
Deputy Editor in Chief,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Russian Federation

Donna Bahry, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University,
USA

Tatiana Yu. Bogomolova, Candidate of Sociological Sciences, Novosibirsk State
University; Institute of Economics and Industrial Engineering of
the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Frank Welz, Professor, University of Innsbruck, Austria

Mikhail K. Gorshkov, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian Federation

Boris Z. Doctorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent
Researcher, USA

Tomasz Zarycki, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS),
University of Warsaw (UW), Poland

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences, Institute of Sociology
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Tomáš Kostecký, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology, Czech
Academy of Sciences, Czech Republic

Alexander Yu. Miagkov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ivanovo State
Power Engineering University, Russian Federation

Oleg A. Oberemko, Candidate of Sociological Sciences, National Research
University Higher School of Economics, Russian Federation

Alexander A. Oslon, Candidate of Engineering Sciences, Foundation "Public
Opinion" (FOM), Russian Federation

Edward M. Swiderski, Professor em., Dr., University of Fribourg, Switzerland

Valery V. Fedorov, Candidate of Political Sciences, All-Russian Public Opinion
Research Center (VCIOM), Russian Federation

Boris M. Firsov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, European
University in St Petersburg, Russian Federation

Mikhail F. Chernysh, Corresponding Member of RAS, Doctor of Sociological
Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of
the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Sergey V. Chesnokov, Candidate of Chemical Sciences, Independent Researcher,
Israel

К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Иницилируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с. 37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания:

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 499. Оп. 1. Д. 276. Л. 126–127.
2. *Липпман У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой; Под ред. К.А. Левинсона, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.
3. *Харламов Н.А.* Новое общество или новая наука об обществе? Социология мобильностей Джона Урри // Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева; Вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Издат. и консалт. группа «Праксис», 2012. С. 7–58.
4. *Калинин С.Ю.* Библиографический аппарат научной работы // Библиография. 1993. № 2. С. 36–45.
5. *Silverman D.* Telling convincing stories: A plea for cautious positivism in case-studies // The qualitative-quantitative distinction in the social sciences / Ed. by V. Glassner, J. Moreno. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 57–77.
6. *Utz S.* Social information processing in MUDs: The development of friendships in virtual worlds // Journal of Online Behavior. 2000. Vol. 1. No. 1 [online]. Accessed 10.04.2001. URL: <<http://www.behavior.net/JOB/v1n1/utz.html>>.
7. *Яницкий О.Н.* Природоохранные сети России и их социальный капитал (гносеологические и теоретические проблемы) / Институт социологии РАН; О.Н. Яницкий // Официальный сайт ИС РАН 2012 [электронный ресурс]. Дата обращения 21.12.2012. URL: <<http://www.isras.ru/publ.html?id=2446>>.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» — 86306.

Адрес интернет-магазина «Пресса по подписке» — <http://www.akc.ru/>

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. Факс: +7 (495) 719-07-40.

Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2023. ТОМ 29. № 1

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2023.29.1

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Б. Звоновский, А.В. Ходыкин

- 8–35 Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области)

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

К 90-летию со дня рождения

Леокадии Михайловны Дробижевой (1933–2021)

С.В. Рыжова

- 36–54 Этносоциологическая школа Л.М. Дробижевой: формирование подходов к изучению российской идентичности

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Д.С. Попов, А.В. Стрельникова, Е.А. Григорьева

- 55–77 Учителя в условиях «кризисной цифровизации»: на пороге «нового луддизма»?

Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова

- 78–96 Мобилизация ресурсности научно-педагогического сообщества в российских вузах: от проблемы к концепции

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

М.В. Масловский

- 97–112 Анализ «переплетения» советской и китайской моделей альтернативного модерна в исторической социологии Й. Арнасона

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

М.В. Богданова

- 113–129 «Значение имеет не столько радиус, сколько орбита»: о стиле научной коммуникации профессора Батыгина / Интервью и публикацию писем подготовил *Д.М. Rogozin*

ИССЛЕДОВАНИЯ СМЕРТИ (DEATH STUDIES)

В.В. Солодников

- 130–140 Похороны и социальные представления о семье

Т. Уолтер, Т. Бейли

- 141–160 Как похороны воплощают понимание семьи: данные массового наблюдения / Пер. с англ. *А.А. Зайцевой, У.А. Ивановой*

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

А.Ю. Согмонов

- 161–176 Идеино-терминологический трансфер и генезис российского модерна (отклик на книгу: Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века / Под ред. С.В. Польского и В.С. Ржеуцкого. М.: НЛО, 2022)

С.В. Козин, Т.П. Жидяева

- 177–191 [Рец. на кн.] От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2022

CONTENTS

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL

= SOCIOLOGICAL JOURNAL

2023. VOL. 29. No. 1

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2023.29.1

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

Zvonovsky, B.V., Khodykin, A.V.

- 8–35 Adaptation Strategies of Opponents and Supporters
of the Special Military Operation to the Current
Situation (Based on Residents of Samara Region)

ETHNOSOCIOLOGY

*ON THE 90TH ANNIVERSARY OF
LEOKADIA M. DROBIZHEVA (1933–2021)*

Ryzhova, S.V.

- 36–54 The Ethno-sociological School of L. Drobizheva:
Developing Approaches towards the Study
of all-Russian Identity

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Popov, D.S., Strelnikova, A.V., Grigoreva, E.A.

- 55–77 Russian High School Teachers
in the Face of Ongoing Technological Change:
Heading Towards a new Luddism?

Zborovsky, G.E., Ambarova, P.A.

- 78–96 Mobilizing the Resource Potential of the Scientific and
Pedagogical Community in Russian Universities:
From Problem to Concept

HISTORICAL SOCIOLOGY

Maslovskiy, M.V.

- 97–112 Analyzing the “Entanglement” of the Soviet and Chinese Models of Alternative Modernity in J. Arnason’s Historical Sociology

SOCIOLOGISTS ABOUT SOCIOLOGISTS

Bogdanova, M.V.

- 113–129 “It’s not so much the Radius, but rather the Orbit that Matters”: on Professor Batygin’s Style of Scientific Communication. Interview and publication of letters prepared by *D.M. Rogozin*

DEATH STUDIES

Solodnikov, V.V.

- 130–140 Funerals and Social Representations of the Family

Walter, T., Bailey, T.

- 141–160 How Funerals accomplish Family: Findings from a Mass-Observation Study. Transl. from Eng. by *A.A. Zaitseva, Yu.A. Ivanova*

REVIEWS, SUMMARIES

Sogomonov, A.Yu.

- 161–176 Conceptual Transfer and Early Russian Modernity (Reflection on: Laboratory of Concepts: Translation and Languages of Politics in Russia in the 18th Century. Ed. by S.V. Pol’skoy and V.S. Rzhetskiy. Moscow: NLO publ., 2022)

Kozin, S.V., Zhidyaeva, T.P.

- 177–191 [Rev.] From precarious employment to precarization of life. Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves’ Mir publ., 2022

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.1

EDN: DJLKYS

В.Б. ЗВОНОВСКИЙ¹, А.В. ХОДЫКИН²

¹ Самарский государственный экономический университет.
443090, Самара, ул. Советской Армии, д. 141.

² Фонд социальных исследований.
443041, Самара, ул. Красноармейская, д. 70, офис 1.

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ СТОРОННИКОВ И ПРОТИВНИКОВ СПЕЦОПЕРАЦИИ К ЖИЗНИ В ЕЕ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Стратегии адаптации к таким травмирующим событиям, как военные конфликты, во многом определяются оценками этих событий. Цель этой статьи — описать сходства и различия адаптационных стратегий сторонников и противников специальной военной операции (СВО) на Украине. Для ее достижения авторами в апреле 2022 г. были проведены 4 фокус-группы по 6 участников из Самарской области, рекрутированных по полу и возрасту. Установлено, что адаптационные стратегии сторонников и противников СВО имеют ряд сходств и различий. Как сторонники, так и противники приспособливают повседневные бытовые практики к изменившимся условиям жизни. И те и другие с осторожностью смотрят в будущее, стараются отвлекаться от переживаний с помощью работы и досуга, избегают обсуждений украинской тематики для предотвращения конфликтов. В то же время сторонники СВО легче восприняли связанные с ней трудности, поскольку для них они имеют преимущественно экономический характер, тогда как противники помимо экономических столкнулись с психологическими проблемами из-за несогласия с решением ввести войска на Украину. Показано, что адаптационная стратегия сторонников состоит в том, чтобы заниматься решением собственных повседневных проблем, веря в лучшее и доверяя официальной точке зрения, абстрагируясь от политических проблем и оставляя решение их власть имущим. Главной адаптационной стратегией противников СВО становится избегание — политических новостей, темы СВО в разговорах, поддерживающих ее людей. Они не чувствуют в себе сил изменить ситу-

ацию, поэтому так же, как и сторонники спецоперации, стараются углубиться в решение собственных повседневных проблем, но делают это не с надеждой на лучшее будущее и верой в возможности своего государства, а с пессимистичным неприятием ситуации, отсутствием привлекательных образов будущего, осознанием несправедливости сложившейся ситуации и чувством несогласия с ней.

Ключевые слова: Украина; специальная военная операция; адаптация; фокус-группа; политический конфликт.

Для цитирования: Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области) // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 8–35. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.1 EDN: DJLKYS

Введение

Чрезвычайные политические события, вторгающиеся в повседневность обычных людей, вынуждают адаптироваться к ним. При этом стратегии адаптации во многом определяются политическими взглядами человека и его оценками происходящих событий. Социальная реальность конструируется людьми в их взаимоотношениях с окружением (со «значимыми другими» и «хором» в микросоциологической терминологии) и под влиянием доминирующих в коллективных представлениях нарративов. Наше понимание стратегий адаптации базируется на исследованиях И.П. Поповой, Н.Н. Седовой и Л.Ф. Каримовой [5; 6]. Под успешной адаптационной стратегией мы понимаем «поведение социальных субъектов, обусловленное ценностно-мотивационными установками, имеющимися ресурсами и направленное на приспособление к изменяющимся социальным условиям» [5, с. 134]. Военные действия, безусловно, относятся к сильнейшим факторам изменения социальных условий. Поэтому адаптация к условиям рассматриваемой нами специальной военной операции (СВО) на Украине — это такая поведенческая модель, которая позволяет человеку продолжать выполнять социальные функции в условиях военного времени и пережить его с минимальными финансовыми и психологическими потерями. Уровнем адаптивности становится показатель того, насколько человеку удастся сохранять социальные функции и психологическое благополучие в условиях чрезвычайных внешних обстоятельств.

Специфику повседневной реальности и ее конструирования в контексте социализации проанализировали П. Бергер и Т. Лукман в своем самом известном труде: «Реальность повседневной жизни представляется мне как интересубъективный мир, который я разделяю с другими людьми. Именно благодаря интересубъективности повседневная жизнь резко отличается от других осознаваемых мной реальностей. <...> Действительно, в повседневной жизни я не могу существовать без постоянного взаимодействия и общения с другими людьми. Я знаю, что

моя естественная установка по отношению к этому миру соответствует естественной установке других людей, что они тоже понимают объективации, с помощью которых этот мир упорядочен, и, в свою очередь, также организует этот мир вокруг “здесь-и-сейчас”, их бытия, и имеют свои проекты действий в нем» [1, с. 43]. В ряде исследований правовед Дэна Кахана и его коллег показано, что политические убеждения оказывают сильное влияние на способность людей воспринимать факты объективной реальности и адаптироваться к ним [7–11]. Стивен Пинкер приводит обзор ряда других исследований влияния политических убеждений на восприятие фактов: ученые сравнивали ответы либералов и консерваторов на простые вопросы, бросающие вызов их убеждениям, и пришли к выводу, что и те и другие дают в равной степени ошибочные ответы, когда признание истины угрожает устойчивости аксиоматики политической доктрины, к которой относятся испытуемые. В результате американские леволлибералы считали, что «компания с самой большой долей на рынке — это монополия», тогда как консерваторы и либертарианцы не соглашались с утверждением, что «один доллар значит для бедняка больше, чем для богатого человека». Такие элементарные ошибки политически ангажированных испытуемых Кахан объясняет групповым конструированием политических идентичностей, приводящим к «трагедии интеллектуальных общин», когда «точка зрения, которой разумно придерживаться каждому по отдельности (с позиции репутации), отличается от точки зрения, на основе которой разумно действовать обществу в целом (с позиции реальности)» [4, с. 419]. Поэтому особо актуальным представляется социологический анализ влияния политической позиции на конструирование стратегий адаптации к чрезвычайной политической ситуации, в которую наша страна попала в 2022 г. Странники и противники спецоперации на Украине с помощью разных политических нарративов конструируют разные intersубъективные миры, определяющие их адаптационные стратегии. Данная статья посвящена исследованию сходств и различий между адаптационными стратегиями сторонников и противников специальной военной операции к жизни в новой экономической и политической реальности.

Методология исследования

Объект исследования: жители Самарской области, поддерживающие и не поддерживающие СВО.

Предмет исследования: адаптационные стратегии сторонников и противников СВО.

Цель исследования: описать сходства и различия адаптационных стратегий сторонников и противников СВО.

Задачи исследования:

- 1) выявить сходства и различия в описании сторонниками и противниками СВО жизни в военное время;
- 2) проанализировать стратегии приспособления сторонников и противников СВО к жизни в военное время;
- 3) исследовать восприятие сторонников и противников СВО их политическими оппонентами.

Метод исследования: фокус-групповые интервью. Проведены 4 фокус-группы по 6 участников, участники подобраны по полу и возрасту. Во всех группах соотношение мужчин и женщин 50/50. Все участники групп имеют средние доходы и проживают на территории Самарской области. Каждая группа представляет свою возрастную категорию: 1-я группа (18–22 года), 2-я группа (23–35 лет), 3-я группа (36–45 лет), 4-я группа (46–60 лет). Место проведения групп: Фонд социальных исследований (Самара). Модератор: доктор социологических наук, профессор В.Б. Звоновский. Время проведения групп: начальный этап спецоперации, апрель 2022 г. Рекрут информантов осуществлялся через социальные сети методом «снежного кома». От участников требовалось соответствовать половозрастному составу групп и обладать средними доходами (то есть всем им, как минимум, хватает на покупку одежды и обуви, но никто не мог бы на момент опроса купить новую машину, не откладывая на нее денег). Вопрос о принадлежности к сторонникам или противникам СВО на этапе рекрута не задавался, но обозначалась тема обсуждения. Деление респондентов на сторонников и противников СВО осуществлено на основании их ответов на соответствующий вопрос уже в ходе проведения групп. Выбор метода фокус-групповых интервью обоснован сочетанием двух задач: получить подробное описание адаптационных стратегий к жизни в воюющей стране; описать различные нарративы жизни в условиях СВО в диалоге ее сторонников и противников.

Описание жизни в военное время сторонниками и противниками СВО

Экономическая ситуация. Как сторонники, так и противники спецоперации восприняли ее начало и связанные с ним проблемы как чрезвычайную ситуацию. Участники групп отмечают негативные изменения в своих повседневных практиках. В первую очередь люди жаловались на экономические трудности, которые стали для них большим потрясением. Рост цен и дефицит товаров в начале СВО назывались респондентами основными спутниками новой повседневности. «Цены выросли сразу, скачок доллара»¹ (Ж., 52 года). Однако участники групп паники не испытали. Были, скорее, тревога, неуверенность в завтрашнем дне, снижение уровня жизни: «Жить стало дороже оцутимо, и стало трево-

¹ Цитаты из фокус-групп приводятся с сохранением языка респондентов. — Прим. ред.

жнее» (Ж., 46 лет). Но ощущения, что привычный уклад жизни рухнул, что люди перешли на другой уровень повседневности, у респондентов не появилось. Общее ощущение таково: плохо, но терпимо; стало хуже, но привычный уклад жизни не рухнул. Есть тревога, но паники нет. Негативные изменения примерно в одинаковой степени повлияли на уровень жизни респондентов разного возраста. Информанты независимо от политической позиции столкнулись также с усложнением трудовой деятельности и, как следствие, с падением доходов и уровня жизни: *«Покупательская способность людей просто на нет упала»* (М., 58 лет); *«Мы стали в 2 раза беднее за этот месяц <...> жизнь теряет свои краски»* (М., 58 лет); *«Рынок недвижимости встал, в целом осознание, что жизнь стала страшнее»* (М., 48 лет). Ухудшение ситуации также отмечается и сторонниками и противниками СВО во всех сегментах потребления: от цен на продукты питания и обеспечения жизненно необходимыми лекарствами до невозможности поездок за границу: *«На питание траты возросли»* (М., 29 лет); *«Запас лекарств начал исчезать с прилавков, но он жизненно важен»* (Ж., 52 года); *«Раньше летали за границу отдохнуть, а сейчас места для отдыха ограничены»* (М., 58 лет).

При этом отношение к уходу международных брендов неоднозначное и зависит от степени неудобства и повышения стоимости необходимых товаров, с которым придется столкнуться из-за потери данного бренда: об уходе сети магазинов «ИКЕА» участники групп жалеют, а уход «Макдоналдса» не составил для них проблемы, поскольку поход в «Макдоналдс» воспринимается скорее не как необходимость, а как вредная привычка. *«Вот “ИКЕА” жалко, а “Макдоналдс” — ну и ладно»* (М., 45 лет). *«Н&М жалко — там хорошие такие вещи, качественные были»* (Ж., 41 год). Самые молодые респонденты легче всех пережили и связанный с военными действиями кризис, и сопутствующие ему проблемы, в том числе в виде потери брендов. Одна из участниц самой младшей группы нашла для себя выгоду от потери брендов: *«Несколько ограничения повлияли, но я думаю, в лучшую сторону. Пересматриваешь приоритеты. Допустим, блокировка “Инстаграм” — я пересмотрела, что, действительно, я слишком много времени трачу на социальные сети, удалилась из “Инстаграма”, удалилась из “Тик-тока”, стала читать книги, стала больше времени с друзьями проводить, стала меньше денег тратить на одежду, перестала есть фастфуд. Мне кажется, для меня это скорее плюсы. Не в том, что происходит, а в том, как ограничения на меня влияют»* (Ж., 18 лет).

Психологические трудности. Между сторонниками и противниками ввода войск на Украину имеются существенные различия. Сторонники акцентируют внимание на экономических проблемах и личных трудностях, привнесенных в жизнь спецоперацией. *«В плане поездок только пришлось отложить, перенести»* (Ж., 31 год). Для них первоочередными стали изменения в их собственной жизни, а не нрав-

ственное восприятие случившихся военных действий: *«Изменились только цены»* (Ж., 41 год); *«Пошли в храм, я понимаю, что везде цены растут, да. Но почему они растут в храме? Мне это не понятно совсем»* (Ж., 43 года); *«Помимо цен, пока еще не ощутил никаких изменений, только на кошелек пока давит»* (М., 36 лет).

В то же время противники СВО в большей степени восприняли события не только как источник экономических трудностей, но и как что-то плохое, неправильное, как какую-то пришедшую беду. Они не готовы протестовать против военных действий, но переживают психологический дискомфорт из-за сопутствующих им бедствий и своего бессилия изменить ситуацию. *«Внутри, вот, что-то какое-то вот...»* (Ж., 52 года). Невозможность повлиять на ситуацию порождает фатализм и желание абстрагироваться от тревожных мыслей. *«У меня точкой расслабления стал такой момент, когда я отказалась от чтения СМИ. Я дала себе установку не смотреть, что сейчас происходит, потому что повлиять на это как-то кардинально я все равно не смогу»* (Ж., 26 лет). Среди противников СВО получил распространение депрессивный взгляд на мир. Лично не столкнувшись с чем-то ужасным, они ощущают общий негатив ситуации, общую нервозность, напряженность и разрушение чего-то важного. Они стали испытывать больше негативных эмоций, связанных с неопределенностью, стрессом и изоляцией. Они не уверены в завтрашнем дне и боятся будущего. *«Меня, вообще, раздавило просто. <...> Мы всегда не были агрессорами, как сейчас нас называют. Ощущение такое, что что-то я не знаю, видимо, что-то мы все не знаем, какие-то, возможно, были поводы туда влезть, но ощущение, вот реально вот, что не будет, как раньше. Ощущение такое, что весь мир смотрит на тебя, то, что ты живешь на этой территории, типа русский, это уже как приговор, то есть я начал ощущать к себе такую вот обезличенную черноту, какой-то негатив. <...> Поначалу, было, я не мог себя с кровати оторвать»* (М., 45 лет). Кроме тех объективных экономических трудностей, с которыми противники СВО столкнулись, у них появилось ощущение, что случилось страшное событие исторического масштаба. У сторонников военных действий таких трудностей не возникло. Один из противников назвал 24 февраля страшной датой и провел аналогию с 22 июня 1941 г.: *«Мое ощущение именно, что ситуация изменилась в принципе. <...> Всю жизнь мы были, 22 июня — это для нас был страшный день. И здесь для меня страшно. Причем сложно было осознать, и по сравнению с этим осознанием жизнь изменилась. Да, цены, они всегда росли. Но люди, я смотрю на людей: как будто я в новой жизни, а они — в прошлой»* (М., 48 лет). В целом сторонники вторжения на Украину оказались более адаптированными к его последствиям и экономически, и психологически: если сторонникам приходится бороться исключительно с экономическими проблемами, то противники вынуждены делать это на фоне психологического дискомфорта

от несогласия с действиями Российской армии на Украине. Влияние возраста и пола на адаптационные стратегии минимально. Разница лишь в том, что молодые мужчины больше надеются на возможности дополнительного заработка в случае трудностей, в то время как все остальные чаще рассчитывают на финансовые запасы, подсобные хозяйства и продажу вещей в крайнем случае. Несмотря на множество возникших проблем в повседневных практиках и организации быта, мечты противников вторжения на Украину сосредоточились не только на преодолении бытовых неурядиц, но и на восстановлении мирной жизни и имиджа России и ее граждан в мире. *«Чтобы перестали гибнуть люди, открылись границы и возвращались люди. Работать, образовывать людей, чтобы не снизилась планка великой державы. Чтобы все знали, что в России живут умные и образованные люди»* (Ж., 52 года). Среди сторонников, напротив, преобладают эгоистические мотивы: они мечтают в первую очередь о восстановлении собственного уровня жизни до показателей 2019 г.: *«Я мечтаю, чтобы все было как в 2019 г., чтобы не было вот этих проблем, когда не знаешь, куда можно поехать, чтобы не было QR-кода, ПЦР-теста <...> чтобы накопил — поехал <...> не хватает свободы передвижения»* (Ж., 30 лет).

Страхи и опасения. Хотя люди отмечают общее тревожное состояние, но паники или иных острых переживаний сейчас уже нет. Можно сказать, что на момент проведения исследования люди адаптировались, но на новом — менее приятном и более тревожном — уровне. То есть новые условия не выбросили информантов из привычного ритма и практик жизни, но вынуждают их совершать привычные действия с большей тревожностью и неуверенностью в завтрашнем дне, откладывать планы на неопределенный срок, сужать круг интересов проблемами своей семьи. *«Ощущение какой-то обкладывающей тебя тревожности»* (М., 45 лет); *«Вначале были шок и тоже тревога какая-то, даже страх какой-то был. <...> Понимаешь, что вокруг тебя что-то меняется, поэтому живешь, как обычно живешь»* (Ж., 44 года). Если противники СВО переживают за имидж России и ухудшение отношений с другими странами, то среди сторонников сильно выражена тревога, что боевые действия могут перейти на российскую территорию: *«А вдруг сейчас тут будет?!»* (Ж., 43 года). Как сторонники, так и противники спецоперации переживают из-за ухудшения отношения к россиянам и в социальных сетях, и со стороны живущих за границей знакомых. При этом некоторые противники СВО чувствуют определенную ответственность за такие изменения. *«У многих знакомые, друзья, родственники есть оттуда, и, естественно, чувствуешь себя какой-то белой вороной сейчас, потому что ты здесь, и так вышло. Много ссор, скандалов...»* (М., 37 лет). Сторонники же, отмечая ухудшение отношения к России и россиянам, называют это неадекватным поведением и считают такое ухудшение отношений инспирированным

западными СМИ. *«При чем тут вообще простой народ?! Обращайтесь, там, к Путину. Это вообще политика. Зачем вот это давление?»* (Ж., 41 год). По мнению некоторых, плохо относятся к России только политики и обманутые ими люди, в то время как большинство европейцев, например, относились и будут относиться к россиянам нормально.

В отличие от сторонников СВО, ее противники опасаются потери прав и свобод человека. Потеря свободы слова, возможностей общаться с родственниками за границей, путешествовать и ухудшение отношений с другими странами — ключевые опасения нынешнего времени, с точки зрения противников СВО. Они больше всего боятся трудностей для бизнеса, лишиться свободы слова и дохода. *«Мои коллеги-адвокаты — они реально говорят, что это [преследование за высказывания в соцсетях] происходит реально, вплоть до уголовной и административной ответственности»* (М., 48 лет). *«В кулуарах Думы промелькнуло, что нужно запретить предпринимательство. Вот этого лично я боюсь»* (М., 58 лет). Сторонники СВО нарушений свободы слова не заметили. Они боятся потерять доход, работу, привычный комфорт жизни и возможность путешествовать.

Планы на будущее. Наличие планов на будущее влияет на адаптивность человека постольку, поскольку это побуждает его тратить ресурсы на долгосрочные проекты, делающие более выгодным и устойчивым его социальное положение (например, образование, покупка недвижимости, рождение детей и т. п.). Сторонников и противников СВО объединяют признание невозможности долгосрочного планирования в условиях военных действий и перенос планов на краткосрочную перспективу и на уровень собственной повседневности. *«Планы только сиюминутные, сейчас невозможно строить планы дальше»* (М., 48 лет); *«Что-то планировать на долгосрок сейчас невозможно. <...> Мы думаем, как выживать в данной ситуации. <...> Какой-то режим сохранения того, что осталось»* (Ж., 46 лет). Респонденты в целом затрудняются строить планы ввиду быстро меняющейся обстановки: их планы в большей степени напоминают пожелания на будущее или разговоры о повседневности. *«Мои планы — работать, образовывать детей»* (Ж., 52 года).

Эмиграционные настроения проскальзывали только у противников СВО, но они больше на уровне мечты, чем на уровне планов. *«Мечты — продать все и свалить отсюда, а планы — чтобы семья не заметила всего этого ужаса, чтобы меньше на семью отразилось»* (М., 58 лет).

Конфликты из-за разных оценок СВО. Разница в оценках СВО довольно остро разделяет людей. Однако говорить о «ментальной гражданской войне», по А.Г. Асмолову, на примере наших информантов пока не приходится. При этом политические дискуссии, доселе не характерные для аполитичного в целом российского общества,

сейчас стали частью повседневной жизни для многих людей. *«Я с тестем, например, он старый коммунист, старый советчик. У него, естественно, если бы не мы, то завтра бы НАТО на нас напало. И мы с ним вообще просто перестали общаться, потому что все равно в разговоре где-то начинает что-то проскальзывать, я просто сажусь в машину и уезжаю. Я больше туда не поеду, пока вся эта канитель не закончится»* (М., 52 года). Отсутствие навыков ведения диалога на острые политические темы и мирного разрешения спорных ситуаций приводит к множеству конфликтов и замалчиванию темы ситуации на Украине как стратегии сохранения отношений с близкими и своего собственного психологического равновесия. *«Я неожиданно узнал, что сестра стала поклонницей “Первого канала”. <...> Я, конечно, с ней не прекратил общение, но я сказал: “Давай мы больше не будем эту тему поднимать”. <...> И маленько отношение с ней, не сказать, что я негатив к ней испытываю, но маленько... Ну а про... Допустим, друзья “ВКонтакте” были — Z у них какие-то появились, какие-то непонятные комментарии выскакивают в ленте — тоже отправились из друзей подальше. А так, чтобы с кем-то ругался, что-то доказывал — такого нет»* (М., 37 лет). Это характерно как для сторонников, так и для противников спецоперации.

Прогнозы дальнейшего развития ситуации. Прогнозы дальнейшего развития событий сильно различаются у сторонников и противников СВО. Если сторонники дают умеренно оптимистичные прогнозы на будущее, то противникам будущее кажется исключительно неблагоприятным. Противники предлагают два возможных сценария будущего: оптимистичный и пессимистичный. Однако их уместно назвать умеренно плохим и очень плохим сценариями. Умеренно плохой сценарий предполагает стабилизацию ситуации на сегодняшнем уровне или ее незначительное ухудшение. *«Самый оптимистичный — это то, что мы имеем сейчас»* (М., 52 года). Повторение ситуации времен распада СССР или 1990-х годов тоже воспринимается людьми как оптимистичный вариант выхода из кризиса. *«Два варианта: пессимистичный и оптимистичный. Пессимистичный — Северная Корея со всеми вытекающими. <...> Вариант получше — что восстановится промышленность, воскреснут заводы, что-то импортозаместится <...> Уровень жизни все равно упадет здорово»* (Ж., 46 лет). В пессимистичном варианте, по мнению респондентов, Россия может пойти по пути Северной Кореи или сталинского СССР. *«Тот же два варианта. Это даже не Корея, это сталинские 30-е годы. <...> Либо, если все будет хорошо, то это как 90-е годы после развала СССР»* (М., 48 лет). Сторонники СВО с ними не согласны. Они считают, что Россия преодолет трудности и выйдет на докризисный уровень. Некоторые прогнозируют присоединение Украины или отдельных ее территорий к России. *«Украина будет нашей, и все! Как мы строим Крым, мы поднимаем Крым, точно так же мы будем поднимать Украину»* (Ж., 43 года); *«Мне кажется, автономная*

Украина будет под влиянием России. Поставим своего президента, грубо говоря» (М., 29 лет); «ЛНР, ДНР перейдут в Россию, наверное. Возможно, Украину поделят потом, или она как отдельное государство останется» (М., 33 года). Надежды на улучшение противники СВО связывают с развитием предпринимательства, промышленности и сменой власти в России: «Если будут какие-то свободы предпринимательские, нам будут, мы будем не с нуля начинать, а с каких-то минусов. Но хотя бы будет какое-то настроение на взлет, что-то открываться будет» (М., 48 лет); «Если 3-4 года и мой оптимизм — то это только, вот, что произойдет смена власти» (Ж., 52 года).

Независимо от принятия или непринятия СВО респонденты сходятся в прогнозах, что отношение к россиянам в Европе будет ухудшаться. *«Сложные будут отношения, потому что Европа, мне кажется, со своими принципами» (М., 37 лет). Надежду на улучшение отношений они связывают с тем, что экономическая выгода перевесит политическую неприязнь. «Везде, где есть люди с деловой жилкой, где есть бизнес, всегда отношения будут на втором плане, а бизнес на первом. Не важно, кто ты и откуда ты» (М., 36 лет).*

Объяснение сторонниками и противниками СВО своей политической позиции. Обоснования позиций сторонников и противников СВО довольно сильно различаются. Противники говорят о недостаточности оснований для военной интервенции и полагают, что решить конфликтную ситуацию можно было за столом переговоров. *«Если возник конфликт, [нужно] решить его по-другому, если не получилось по-другому, то почему нам это не показали? Почему нам не предоставили возможность выбора?» (Ж., 26 лет). В то же время все сторонники объясняют свою позицию тем, что, если бы не ввели войска на Украину, на Россию бы напали страны НАТО. «Мы напали, да, но это была вынужденная мера, а иначе сейчас эта война была бы у нас» (Ж., 30 лет); «Никому не хочется, чтобы нападали на них, лучше быть первыми» (Ж., 43 года); «Мера это вынужденная, нас вынудили так сделать, все условия создали» (М., 29 лет). Тем самым сторонники СВО придерживаются властного геополитического нарратива, транслируемого СМИ, отказывая при этом Украине в возможности самостоятельного существования, в политической субъектности, смотря на нее как на непослушного «младшего брата» [3]. «Украина — она же такая слабая, бесхарактерная, они актера наняли в президенты... Они ждут какой-то поддержки, их все кидают, Украина либо будет в России, либо, мне кажется, вообще пропадет» (Ж., 30 лет). Если противников СВО пугает перспектива возврата к условиям жизни бывшего СССР, то некоторые сторонники спецоперации говорят о такой перспективе в позитивном ключе. «Мне кажется, будем все вместе — был же Советский Союз!» (Ж., 41 год). И позволяют себе одобрительно повторять шутки о присоединении территорий других стран, вроде «стоит немного подождать,*

и Вашингтон будет нашим» (Ж., 31 год). При этом они считают, что украинцы плохо относятся к русским, потому что после распада СССР всегда так было, и считают приемлемым аргументом для обоснования этого тезиса ссылки на художественные фильмы российского производства. *«Как относились украинцы последние 30 лет плохо к России, так и будут относиться. <...> Ну, даже если фильмы старые посмотреть, тот же “Брат-2”, когда там он приезжает в американское посольство, видит там брата и подходит к нему, говорит “помоги”, тот к нему поворачивается и говорит: “Москаль мне не брат”. Ну, как бы...»* (Ж., 31 год). Причину такого отношения они не связывают с ведущимися Российской армией на территории Украины боевыми действиями, а видят ее в деструктивном внешнем влиянии. *«Их [украинцев] же сейчас настроили против России!»* (Ж., 41 год). Влияние геополитического нарратива в дискурсе сторонников СВО проявляется в стигматизации украинцев советскими речевыми штампами, отсылающими к культурной травме Великой Отечественной войны. Л.Д. Гудков отмечал: «Обращаясь к языку Великой Отечественной войны (речевые штампы: “массовые расстрелы”, украинские “фашисты”, “киевские каратели”, геноцид и тому подобное в новостных передачах), пропаганда делала невозможной идентификацию российского обывателя с “нелюдьми” (фашисты — не люди), разрушала саму возможность предпонимания, а значит, формировала априорную враждебную установку, блокирующую дальнейшую коммуникацию» [2, с. 229]. Так, «борьба с нацизмом» и «бандеровцами» на Украине является важной составляющей оправдывающего военную операцию нарратива, транслируемого ее сторонниками. *«Мое мнение, что нужно их истребить, этих бандеровцев, потому что они там вообще без башки»* (Ж., 30 лет). В то же время стоит отметить, что слово «война» для описания СВО используют и ее сторонники, и ее противники.

Стратегии адаптации к новой реальности

Внезапное появление многочисленных проблем у людей вынуждает их искать пути выхода из сложившейся ситуации. Дадим описание выявленных нами стратегий адаптации к связанному с СВО кризису.

Поиск стратегий адаптации в прошлых кризисах. В трудных и неизвестных ситуациях люди склонны искать аналогии в своем жизненном опыте или в исторических событиях: даже аналогии с тяжелым опытом прошлого снижают страх неизвестности и дают людям ресурсы для поиска путей выхода из трудной ситуации. Специфика нынешнего кризиса в том, что люди не находят ему аналогии ни в своем опыте, ни в истории. Ни распад СССР, ни кризис 1990-х годов не представляются информантам аналогичными сегодняшним событиям главным образом ввиду международной изоляции России. В этом позиции сторонников и противников СВО сходятся. Различия начинаются в оценках

кризисности нынешней ситуации. Сторонники, отмечая новизну нынешнего кризиса, не считают, что он приведет к каким-то особо тяжелым последствиям, полагая, что это будут хотя и новые, но вполне преодолимые трудности наподобие тех, что были во время пандемии. *«Как ездили мы туда, в ту же Европу, так и будем ездить»* (Ж., 43 года). Они рассчитывают на успехи импортозамещения и вынужденность западных стран покупать российские ресурсы. *«Мы продаем за границу во все страны ресурсы многие»* (Ж., 41 год). Противники СВО главной особенностью нынешнего кризиса считают отсутствие перспектив улучшения ситуации и наличие множества вариантов ее ухудшения. В кризисах прошлого у людей было ощущение, что сейчас плохо, но потом будет лучше. В настоящее время у противников СВО такого ощущения нет — от будущего они ждут еще худшего. *«Такого не было, что все грустят от безысходности. Даже когда были пустые полки, люди все равно были в какой-то активной позиции, они понимали, что завтра будет все по-другому, и жили радостно»* (Ж., 52 года). Хотя нынешние события и вызывают у противников СВО сравнение с переломными моментами прошлого, но отличительными чертами сегодняшнего положения они считают сильную международную изоляцию и туманность перспектив для нашей страны. *«Я помню 90-е годы, но тогда нам весь мир помогал. <...> А сейчас нам всё отрубает, обрубают, грустно...»* (М., 52 года); *«Был дефицит, да, когда-то в 90-е годы там, — он прошел. Были события: путч и т. д., но это было, грубо говоря, в течение месяца, а это такое ощущение, что затяжной прыжок»* (М., 45 лет). Однако, несмотря на то что респонденты в целом не считают нынешний кризис аналогичным кризисам прошлых лет, перспективы возвращения к практикам выживания прошлых лет участниками проговариваются независимо от политической позиции. *«Мы, я думаю, готовы, ну, полгода-год протянуть, но не за счет сбережений. Потому что у меня есть, мы с товарищем 2 года назад замутили птицеводство. Вот у меня сейчас есть 200 курочек. Тоже несут какие-то яйца. Грубо говоря, по курочке в день сколько-то мы протянем»* (М., 52 года). Происходит примитивизация планов приспособления к новым экономическим условиям: надежда на собственный интеллектуальный или финансовый капитал заменяется расчетом на личные подсобные хозяйства, которые дадут возможность выжить при наименее благоприятном сценарии. *«Есть какое-то подсобное хозяйство, натуральный, скажем, труд. И потом, земля прокормит»* (Ж., 52 года).

Прогнозирование будущего. Рассуждая о возможностях выхода из кризиса, противники СВО, исходя из фактов, прогнозируют его длительность и трудность преодоления. Они не надеются на скорый конец военного конфликта и ослабление санкций, предсказывают экономическую стабилизацию на более низком уровне и испорченные на долгие годы отношения как с Украиной, так и со странами Запада.

«Я думаю, мы будем в таком, полупризнанном, состоянии находиться. Железный занавес упал, и он останется. <...> Общий уровень жизни, мне кажется, упадет» (М., 45 лет); *«Надеюсь, что послабления какие-то будут. <...> Конечно, жить будем хуже, инфляция сейчас будет гипер, цены поползут вверх»* (М., 37 лет). Сторонники же, напротив, прогнозируют улучшение ситуации. Эти прогнозы больше похожи на мечты. Респонденты затрудняются назвать реальные факторы и предпосылки улучшения, надеются на Путина и выражают ему поддержку. *«Я думаю, что наш президент Владимир Владимирович делает все правильно, я за него голосовал, и я чувствую себя в России в полной уверенности. Я знаю, что все у нас будет хорошо»* (М., 29 лет). Они рассчитывают на помощь Китая, уповают на творческий потенциал русского народа, прогнозируют возвращение советских технологий и избавление от рамок импорта. *«Китай — наш друг, поэтому не страшно»* (Ж., 31 год); *«Турция тоже наш друг, они поделится с нами самолетами»* (Ж., 30 лет). Сторонники военных действий оптимистично смотрят в будущее, прогнозируя победу России, успехи импортозамещения и вхождение Украины в состав России. Они полагают, что без России западные страны не обойдутся, и прогнозируют их вынужденный возврат на российский рынок. *«Мне кажется, лучше, чем русский сорит деньгами во время отпуска, никто так не делает. Ну, как вот они без всего этого?»* (Ж., 43 года). В то же время они склонны игнорировать или преуменьшать перспективы негативного влияния объективных проблем, таких как международная изоляция России, неразвитость производства и отсутствие технологий. *«Будем переходить на другие бренды, которые не попали под санкции»* (Ж., 41 год); *«Они хотят задушить нас вот этими санкциями, но не в СССР же живем, я не представляю себе, у нас на все есть замещение, да, пока не такое крутое, как хотелось, но в любом случае дорастем мы и до этого»* (Ж., 30 лет). Сторонники СВО надеются на счастливый случай в виде технологического прорыва или помощи от других стран, главным образом от Китая. *«Мы только сегодня за юани китайцам продали и нефть, и газ»* (Ж., 43 года). Они верят, что отсутствие альтернатив в виде импортных товаров заставит российских олигархов вкладывать деньги в развитие собственной страны, а не выводить их за рубеж. Они полагают, что россияне не развивали производство и не реализовывали потенциал страны по причине отсутствия потребности в этом. По мнению сторонников СВО, теперь внешние условия заставят наше государство исправить эти ошибки прошлых лет. *«Нас сейчас в рамки поставили. Если мы эти рамки не раздвинем, то... будем пользоваться серой бумагой»* (Ж., 43 года). При этом надежды сторонников СВО окрашены этатизмом: в планах развития производства и импортозамещения они в первую очередь рассчитывают на государство и даже высказываются в пользу национализации собственности. *«Ну, а куда нам деваться? Госпрограммы будут какие-то...*

*В Советском Союзе у нас все, от гайки до винтика — все производилось у нас. Возобновим, наверно, старые технологии. Все, что было разво-
ровано, потеряно, будем как-то развивать, двигаться вперед. Все, что
в частных руках, национализируем»* (М., 29 лет). Выражена надежда на
то, что умные люди в государстве что-то придумают, и что у России
большие производственные ресурсы, которые уже задействованы.
*«Надеюсь, мы к этому придем, что мы не будем зависеть от доллара. <...>
У нас есть свои производства, в принципе, всего, нам санкции, что вводят,
они на нас не действуют никак. Ну, подорожало все, ну, новая реальность
такая»* (Ж., 30 лет). Сколько-нибудь четких стратегий выхода из кри-
зиса участникам групп предложить не удалось. *«Будет развиваться
собственное производство, продукты»* (Ж., 41 год).

Сужение горизонта планирования. Нынешний кризис изме-
нил имевшиеся у респондентов планы, но не кардинально. От ка-
ких-то намерений пришлось отказаться, но это не сильно ухудшило
жизнь участников групп: кто-то не поедет в отпуск, кому-то придется
потратить больше денег на ремонт, кто-то вынужден отказаться от
покупки новой машины. *«У меня был план на чемпионат мира по фут-
болу. Естественно, теперь всё...»* (М., 45 лет); *«Мы сделали ремонт, не
успели купить технику. И нам пришлось технику покупать через “Авито”,
то есть б/у, а не новую, потому что новую мы никак уже не осилили»* (Ж.,
44 года); *«Если в прошлом году были планы какие-то в Крым поехать,
то можно реально было поехать туда на машине... а сейчас — нет»* (Ж.,
43 года); *«Собирались с женой в заграничный отпуск, теперь уже нет»*
(М., 36 лет). То, какие свои планы люди разных возрастов и с разным
отношением к военным действиям считают разрушенными, не явля-
ется их отличительным признаком, так как все указывают на одно и то
же. Таким образом, хотя говорить о дезадаптации информантов осно-
ваний нет, разрушение образов будущего и собственного положения
в нем, безусловно, имеет место.

Уход в повседневную деятельность и стремление избегать военных новостей. Преодоление страхов и тревожности имеет большое зна-
чение для адаптации к трудным условиям в целом. Поиск спасения
в активной деятельности и общении с другими людьми стал одной из
стратегий психологической защиты как для сторонников, так и для
противников СВО. Однако сторонники пользуются этим способом
более успешно. Повышение рабочей нагрузки и более активное по-
требление развлекательного контента также позволяют информантам
отвлечься от негативных новостей. *«Работаю больше, усерднее»* (М.,
36 лет); *«Смотрю видео на “Ютубе” отвлеченные: про технику, про
футбол»* (М., 37 лет). Некоторые вовсе стараются отгородиться от
информационного потока о военных событиях. *«Я вообще перестала
в соцсети заходить. Если у меня раньше был “Инстаграм”, “ВКонтакте”,
сейчас я не захожу в соцсети, чтобы не видеть...»* (Ж., 44 года). При этом

и здесь сторонники СВО находятся в более выигрышном положении, поскольку могут позволить себе отвлекаться сериалами, фильмами. *«Я смотрю сериальчики сейчас чаще»* (Ж., 41 год). В то же время некоторые противники говорят, что не могут потреблять развлекательный контент, поскольку считают это неприемлемым в сложившейся бедственной ситуации. Одна противница СВО даже обращалась к психологу из-за своих переживаний по поводу военных действий. *«В точку ника, когда было особо остро, мне помог психолог»* (Ж., 26 лет).

Отказ обсуждать СВО в своем окружении как способ избежать конфликтов. Избегание обсуждения политических тем стало стратегией предупреждения конфликтов на политической почве. *«Избегаем вообще этих тем»* (М., 48 лет); *«С близкими вообще мы эти темы не обсуждаем. У меня муж смотрит телевизор, я — компьютер. <...> А что касается знакомых — они в каком-то вакууме. Я вижу: люди живут, у них какие-то узкие интересы, и они их оберегают, что нужно решать, там, ипотека, что-то еще, там, образование, и вот такой страх всеобщей мобилизации»* (Ж., 52 года); *«Мы как-то не обсуждаем эти темы»* (Ж., 44 года); *«Нет, дома нет [не обсуждаем] даже, вот, с пожилой мамой»* (Ж., 43 года); *«Я стараюсь как бы сторониться. Я не вступаю с ними ни в спор, ничего. Я просто не высказываю свою позицию»* (М., 45 лет). На группах обсуждения также проходили довольно спокойно, несмотря на острые противоречия в оценках СВО. Горячих дискуссий на группах не планировалось, если бы они возникли, то были бы прерваны модератором. Однако ни на одной из групп они не возникли. По-видимому, информанты в большей степени ценят собственное спокойствие и ровные отношения с другими людьми, чем стремятся отстоять и распространить свою точку зрения.

Табуирование темы СВО в разговорах с близкими довольно сильно распространено, но тема все равно проскальзывает, полностью от нее избавиться не получается. Респонденты выражают обеспокоенность войной между различными медиаисточниками, которая развернулась на фоне боевых действий на Украине. *«Сейчас войны идут три: там — с кровью и жертвами, вторая — экономическая и медиавойна. На мой взгляд, медиавойна — самая страшная»* (Ж., 44 года). Противники СВО ощущают на себе большее давление и боятся открыто высказать мнение против спецоперации из-за неодобрения со стороны окружения и опасения, что начальству донесут об их позиции, и они потеряют работу. Многие из них переживают из-за потери свободы слова, которую остро чувствуют на фоне нового репрессивного законодательства. *«Очень много людей, которые против всего этого, но по тем или иным причинам боятся озвучить свою позицию. <...> У нас, говорят, в коллективе такая обстановка, что я не могу сказать иначе: на меня стуканут и в течение недели я на выход пошел»* (М., 52 года). Озвучивались также факты принуждения к сдаче денег в поддержку российских войск.

«Общаясь, например, с заводчанами... Ни для кого же не секрет, что всех попросили по суточной зарплате отдать в фонд поддержки там. И все молча... Я говорю: “А ты мог отказаться?” — “Ну, тогда я первый кандидат на увольнение”» (М., 58 лет).

Экономия и заготовка запасов как адаптационная стратегия.

Стратегии бытовой адаптации к новой реальности, то есть приспособления к изменившимся условиям повседневной жизни, схожи у сторонников и противников СВО. Ориентация на экономию стала основной стратегией для информантов. *«Меньше денег откладывается теперь из-за этого, придется выбирать более дешевые бренды теперь» (М., 36 лет).* Некоторые стали больше пользоваться оптовыми магазинами. *«Раньше мы ходили по “Пятерочкам” всяким, по “Перекресткам”. Сейчас мы ездим в “Светофор”, где подешевле» (М., 45 лет).* Для большинства потребность в экономии на повседневных тратах стала значительно более актуальной. Люди больше стали присматриваться к акциям и скидкам. В то же время они были неприятно удивлены сокращению многих программ лояльности. *«Половина программ лояльности, они же были, все эти движки были за границей. Они сейчас хакнулись, баллы обнулились. Те же “Перекресток”, “Пятерочка” — сейчас многие программы, наоборот, стали хуже» (М., 45 лет).* Что касается брендов, то респондентов печалит тот факт, что теперь на фоне повышения цен и ухода с рынка их любимых брендов приходится искать российские заменители, которые их не вполне устраивают. *«Будем переходить на другие бренды, которые не попали под санкции» (Ж., 41 год).* Пищевые предпочтения информантов изменились несильно. Возросло потребление домашней еды, затраты на питание люди стараются сокращать. *«Доставку перестали... Мы роллы обычно заказывали, а за это время — один раз» (Ж., 44 года); «К более здоровой пище получается тяга» (М., 45 лет).* Один из участников отметил рост потребления сладкого. *«Шоколадок больше стал есть — этих “Сникерсов” разных, “Марсов”» (М., 37 лет).* Доставкой еды стали пользоваться реже. Транспортные привычки в целом не поменялись ввиду стабильности цены на бензин, но экономить на транспорте и обслуживании автомобилей респонденты стали несколько больше, поскольку существенно выросли цены на обслуживание и ремонт автомобилей. *«Не стал я вроде ездить меньше: бензин не дорожает. Но дорожают запчасти, и я теперь думаю: ах, куда-нибудь на дачу, километров на 400; потом думаешь: блин, масло уже вот столько, запчасти — вот столько, то есть накладные вот эти расходы. <...> Лишний раз задумаешься, стоит ли куда-то оголтело ехать, то есть целеполагание более взвешенное стало» (М., 45 лет); «Масло залить стоило 3 [тысячи], теперь стоит 7» (Ж., 43 года); «Пришлось подкорректировать планы — в планах было приобретение нового автомобиля в этом году. Теперь пришлось, как говорится, отложить на неопределенный срок» (М., 52 года); «Я всем в семье говорю: “Надо меньше ездить”».*

Потому что я боюсь ДТП, не представляю, сколько сейчас будет стоить ремонт, потому что запчасти выросли в разы» (М., 48 лет). Респонденты стали тщательнее продумывать логистику своих маршрутов, чтобы совершать меньше поездок. *«Раньше было: туда надо, туда надо, сейчас составляю план, чтобы одной поездкой все охватить»* (М., 58 лет); *«Либо общественный транспорт, либо так же логистику продумываю»* (М., 48 лет); *«Перспектива нового автомобиля просто отдалилась уже»* (М., 36 лет). Некоторые из молодых респондентов купили набирающие популярность электросамокаты.

На фоне повышения цен и дефицита товаров многие участники независимо от их отношения к боевым действиям стали закупать впрок товары первой необходимости. *«Все куплено впрок: и бритвы, и после бритья — все вот это»* (М., 37 лет); *«Я купила парфюмерию, крема, зубную пасту там...»* (Ж., 41 год). Респонденты делали запасы, но без фанатизма. Кто-то купил немного сахара впрок, кто-то гречку, кто-то успел закупить стройматериалы до подорожания. *«Гречка, макароны. <...> Это может лежать и в хороших условиях практически хранится вечно»* (М., 45 лет). Но особой тревоги вопросы, касающиеся запасов продовольствия, у респондентов не вызвали. Более тревожной им представляется перспектива дефицита лекарств. *«Я делала для мамы запас лекарств: жизненно необходимый препарат, который начал исчезать и без которого, вот, она существовать не сможет, потому что не знаю, будет он поставляться в Россию или не будет. На полтора года купили, а дальше...»* (Ж., 46 лет). Но есть и те, кто воспринял ситуацию спокойно и не стал делать закупки. *«Я не разделяю таких ситуаций, что надо запастись что-то, — вы же сами создаете дефицит»* (М., 36 лет).

Обращение к новым практикам в Интернете: установка VPN и переход на российские площадки. Связанные с глобальными технологиями онлайн-сервисы пострадали от международной изоляции России. Информанты отмечают усложнение их использования. *«Конечно, неудобно сейчас в онлайн иногда бывает»* (М., 37 лет). Некоторые стали использовать другие платформы, в том числе отечественные. *«“Мир” установили»* (Ж., 41 год); *«Перетянулись на другие платформы, а что касается платформ “АлиЭкспресс”, “ОЗОН”, “Вайлдберриз”, в принципе, как было, так и было. Там тоже поначалу цены скакнули, потом, видимо, поняли, что люди просто брать не будут по таким ценам, и сейчас начались всякие эти купоны, опять же какие-то акции»* (М., 45 лет). Информанты отмечают переход сферы услуг на наличную оплату в целях ухода терпящего большие трудности бизнеса от налогов. *«Наличкой просят платить»* (М., 45 лет). Запрет иностранных социальных сетей умеренно негативно воспринят противниками СВО. Однако большой бедой для них он не стал. Основными каналами получения независимой информации стали YouTube и Telegram. Наметилась тенденция перехода от соцсетей к мессенджерам. Она наблюдалась и до военных

действий, но сейчас только усилилась. Отношение к российским социальным сетям в целом негативное, хотя и пользоваться ими россияне не перестают. Блокировки иностранных соцсетей по респондентам сильно не ударили. Для кого Facebook и Instagram были важны, те поставили VPN. *«VPN поставили»* (М., 45 лет). Остальные перестали ими пользоваться. Сторонники СВО и вовсе не увидели для себя проблемы в блокировке иностранных соцсетей, несмотря на то что среди них были пользователи Instagram. Они полагают, что в России есть замены этим соцсетям. *«Вместо одного “Инстаграма” выпустили сразу три социальные сети российских (“Росграм”, “Лимбика” и “Ярус”)*» (Ж., 31 год). Своими аккаунтами в Instagram они не дорожат, а Facebook они и не пользовались.

Способы поиска и отбора новостей и информации. Независимо от оценок СВО респонденты постепенно отказываются от просмотра телевидения и чаще уходят в Интернет, но пользуются они там разными ресурсами в соответствии со своей политической позицией: от оппозиционера Николая Бондаренко до канала Министерства обороны. Кластеризация информационного пространства среди участников не выявлена, в «информационные пузыри» они не попадают. Но это не потому, что они стремятся к созданию паритета источников, а потому, что слабо ориентируются в политическом медиапространстве и не имеют ни времени, ни упорства, ни желания в нем разбираться. *«Ну, некогда нам, работаем... Вот обедаем, кнопку нажал, посмотрел»* (Ж., 43 года). Отношение к информационным источникам у них сложилось довольно критическое, сформировано устойчивое ожидание обмана с любой из сторон конфликта. Понимая, что не в силах отличить обман от истины, авторитетные источники от неавторитетных, люди идут по пути наименьшего сопротивления, относясь с равновысокой степенью подозрительности к разным источникам. Они полагают, что при одинаковой степени недоверия к источникам, представляющим обе противоборствующие стороны, они приблизятся к истинной картине событий, и это позволит сформировать собственное мнение. *«Я понимаю, что сейчас правды нет нигде, и я стараюсь как можно больше источников собрать, чтобы было много разной информации и где-то там в середине, наверное, что-то похожее на правду есть»* (Ж., 52 года). При этом рассказы участников событий имеют наибольший авторитет для респондентов. Как у сторонников, так и у противников СВО отсутствует пул источников, которыми они пользуются на постоянной основе. Целенаправленный поиск информации среди них также не распространен. *«Бывает там в рекомендованных всплывет, зашел, не подписавшись, посмотрел что-то по этим событиям, которые там»* (М., 45 лет) Чаще всего респонденты находят информацию путем серфинга по новостным сайтам в «Яндекс Новостях» и рекомендованным каналам в «Ютубе». *«Ну я, в принципе, в новостях в “Яндексе”*

посмотрю ленту кратко, мне этого хватает» (Ж., 41 год). «Я в “Ютуб” захожу, в рекомендованных на что-нибудь интересное попаду, посмотрю, а так специально не ищу» (М., 36 лет). При этом отмечается низкий уровень вовлеченности респондентов: они потребляют информацию параллельно с другими делами. «Я включаю телевизор, он у меня говорит что-то, а я делами занимаюсь» (Ж., 46 лет). В условиях острой противоречивости получаемой из разных источников информации и невозможности проверки фактов или отсутствия навыков для работы с противоречивыми источниками данных люди либо возлагают надежду на «сарафанное радио», либо отстраняются от негативного информационного фона о военных действиях на Украине, либо вовсе отчаиваются найти правду о них.

Портреты сторонников и противников СВО в их собственном представлении

Независимо от своих политических взглядов респонденты испытывали некоторые трудности с описанием социального портрета сторонников и противников СВО. Участники групп считают, что поддерживают спецоперацию в основном представители старшего поколения и бюджетники среднего возраста. «Вот у меня есть прям психологический портрет такого человека. У меня одноклассница, она на всех этих форумах, на всех этих флагах рисует — вместо снежинок она букву Z ставит. Но она работает типа как-то старшим по дому, ЖКХ, ТСЖ, районным каким-то депутатом. У них там добровольно-принудительные махания этими флагами, колонны. <...> Она комсомолка, активистка, с тех пор, вот, еще эти дрожжи советские» (М., 45 лет). Участниками фокус-групп было высказано предположение, что основой дифференциации сторонников и противников СВО является их отношение к Путину: сторонники Путина поддерживают спецоперацию, а его противники выступают против. «Это, наверное, кто за и против Путина. Кто “за” — они за все действия, кто против самого Владимира Владимировича, тот, соответственно, встал на противоположную сторону» (Ж., 31 год). Сторонники и противники дают похожие описания и своих единомышленников и оппонентов. При этом некоторые из сторонников рисуют непривлекательный образ своих оппонентов и приписывают им несамостоятельность принятия решений, тогда как своих единомышленников они описывают как патриотов. «Сторонник, я считаю, это человек-патриот, который всегда за свою страну, как плохо, что бы плохо ни было, он должен своей страной гордиться и про свою страну всегда говорить хорошо» (М., 29 лет). Они отказывают противникам СВО в субъектности принятия решений, однако описывают их образ клишированными фразами еще советской пропаганды и признаются в готовности поддержать любое решение российских властей, поскольку являются патриотами своей страны, то есть приня-

тие решений заменяют априорным одобрением. «Я никогда не поменяю своего мнения в том плане, что я всегда буду за Россию и как бы за наше государство» (М., 29 лет); «Люди, которые ничего не изучают, не пытаются изучить историю какую-то, как это все было, они, вот, против Путина. <...> У вас же [упрек в адрес таких людей] как бы 8 лет война уже идет» (Ж., 30 лет). Некоторые сторонники СВО также редуцируют всю Россию до действий ее власти. Позиция любой российской власти для них и есть позиция России. «Мне кажется, сторонники — это те, кому нравится жить в России, они будут и дальше жить и будут всегда за Россию. Не важно, что случится, они будут ее поддерживать, и не важно, там, будет Путин или другой какой-то президент, они всегда будут поддерживать то, что будет твориться» (М., 33 года). В то же время одна из противниц СВО описала сторонников ввода войск на Украину как более грубых и резких людей, выносящих более категоричные суждения. «Люди, которые говорят, что они за Путина, за Россию, они, ну, более резкие, что ли. Они пытаются говорить, что они патриоты, но при этом [есть] люди, которые так же любят Россию, просто у них есть другое отношение со стороны, наверное, морально-этических каких-то моментов. <...> Ты представляешь, что это тоже люди, у тебя с ними одна история, и то, что я имею возможность сказать, что я против войны, это не значит, что я против своей страны» (Ж., 26 лет).

Относительно поддержки спецоперации молодежью мнение двоякое. С одной стороны, респонденты считают, что молодежь ее не поддерживает. «Ну, не молодые точно, не молодой человек, потому что молодежи как-то пофиг» (Ж., 43 года). С другой стороны, они обращают внимание на масштаб патриотической пропаганды и деятельность проправительственных молодежных организаций. «А Юнармия та же самая. Также ходят, маршируют с этими флагами ДНР. Сегодня ходили по Осипенко» (М., 45 лет).

Участники групп в основном слабо дифференцируют сторонников и противников введения войск на Украину по источникам получаемой ими информации. Противники СВО такой дифференциации не высказывают, тогда как сторонники считают, что их оппоненты находятся под влиянием «пятой колонны», «Ютуба» и западных СМИ. «Но есть люди, которые, насмотревшиеся каких-то ютубов, я не знаю, социальных сетей, Интернета, начинают поглощать информацию, которую специально настраивают против, то есть работает там пятая колонна, грубо говоря» (М., 29 лет); «Они западные СМИ смотрят» (М., 33 года). Количество жертв, по мнению участников групп, не пугает сторонников СВО: жертвы ими воспринимаются как неизбежный побочный эффект боевых действий. «Сторонники, им не важно, что там... Идут сопутствующие жертвы и т. д.» (М., 45 лет); «Те, кто противники, они, мне кажется, более эмоционально это все воспринимают, и для них важны жертвы» (Ж., 44 года).

Оценки сторонниками и противниками СВО уровня ее поддержки в обществе

Среди участников групп преобладает мнение, что большинство россиян проголосовали бы за введение войск даже после того, как увидели последствия боевых действий. Прогнозы сторонников и противников спецоперации здесь разошлись. Сторонники СВО едины в своей уверенности, что ее поддержало бы большинство россиян; это совпадает с результатами массовых опросов относительно уровня поддержки спецоперации. При этом некоторые сторонники СВО и вовсе уверены, что решение о начале боевых действий поддерживают все «адекватные» и «понимающие» ситуации россияне. *«Я думаю, так бы сделали все, кто понимает, о чем речь идет»* (Ж., 30 лет); *«Думаю, если разложить все по полочкам, для чего все это, думаю, адекватный человек принял бы решение то, что “за”, чтобы не было бы всего этого нацизма у нас»* (Ж., 31 год). Среди противников мнения разделились практически поровну. Одни считают, что и большинство населения не поддержало бы начало боевых действий (*«Я считаю, что большинство было бы против, потому что война — это страшно, никто не хочет войны»*) (Ж., 26 лет). Другие полагают, что большинство было бы все-таки «за» по причине сильного пропагандистского воздействия (*«При том что такая информация идет — что если не мы, то на нас, — страна в большей степени проголосовала бы “за”»*) (Ж., 44 года). В то же время в первой группе, где все респонденты были противниками вторжения на Украину, превалировало мнение, что и большинство людей проголосовали бы «против». Таким образом, получает подтверждение описанный Л. Россом и его соавторами еще в прошлом веке эффект ложного согласия — когнитивное искажение, при котором люди склонны считать, что их точку зрения разделяют большинство людей [12].

Выводы

Анализируемые фокус-группы были проведены в апреле 2022 г., то есть в самом начале военных действий и их экономических последствий. Сразу оговоримся, что применение полученных нами результатов имеет ограниченный характер. Тем более что к моменту публикации статьи в нашем обществе и мире произошло много изменений, связанных с военными действиями на Украине. Так что результаты проведенных фокус-групп следует рассматривать как срез мнений информантов, приуроченный к определенному времени и месту.

На момент публикации статьи боевые действия идут уже больше года, а экономическая ситуация смогла стабилизироваться, пусть и на новом, пониженном, уровне, поэтому сделанные участниками весьма негативные экономические прогнозы могли быть скорректированы. В то же время транслируемый в государственных СМИ и отраженный в нарративах сторонников СВО прогноз быстрой победы не оправ-

дался, что тоже способствует изменениям общественного мнения, которые необходимо дополнительно исследовать. Кроме того, спустя несколько месяцев после проведения фокус-групп была объявлена частичная мобилизация, то есть боевые действия перестали быть внешним для многих россиян событием, вторгшись в их судьбы и судьбы членов семей. Речь идет не только о мобилизованных, но и об эмигрировавших или другими способами избежавших мобилизации. Даже те, чьи семьи не были затронуты напрямую, ощутили угрозу отправки на фронт своих близких и могли скорректировать восприятие боевых действий. И наконец, с момента проведения фокус-групп появились сведения о погибших и раненых, наличие которых в ближнем круге общения респондентов меняет их восприятие боевых действий, а для семей, столкнувшихся с потерей близких, нынешний военный конфликт становится источником личной трагедии.

Люди почувствовали изменение своей жизни после введения войск на Украину. Участники фокус-групп отмечают рост цен, снижение доходов, санкционные ограничения. При этом сторонники СВО говорят об экономических трудностях, в то время как противников также волнуют ухудшение международных отношений, имиджа России в мире и человеческие жертвы на Украине. Повседневные бытовые практики изменились несущественно, но люди стали больше экономить, отказываться от далеко идущих планов. Горизонт планирования значительно сузился. Ощущение ограничений свободы тесно связано с политической позицией респондентов: сторонники СВО без труда готовы заменить ставшие недоступными соцсети и источники информации, в то время как противники остро переживают утрату свободы слова. В целом противники сильнее почувствовали на себе связанные с СВО проблемы, поскольку они испытывают не только экономические трудности, но и психологический дискомфорт и фрустрацию.

Ключевым оправданием введения войск на Украину стала артикулируемая его сторонниками угроза нападения со стороны НАТО на Россию. Об этой угрозе они говорят в дискурсе официального геополитического нарратива, транслируемого государственными СМИ. Противники СВО называют ее неоправданной, поскольку не считают угрозу нападения на Россию реальной, не приемлют жертв и разрушений от боевых действий в XXI в. и не считают, что Россия вправе вмешиваться в дела других суверенных государств. Аргументация противников спецоперации более развернутая, риторические приемы богаче, чем у сторонников СВО, которые чаще повторяют клишированные фразы, направленные на дискредитацию политических оппонентов. Соотношение сил сторонников и противников в наших группах не соответствует тому их соотношению, которое мы видим по массовым опросам: среди участников групп противников СВО было немного больше, чем его сторонников. По-видимому, противники СВО изъяс-

ляют большее желание участвовать в фокус-группах, но в любом случае наша выборка не репрезентативна ни для Самарской области, ни для России в целом. Образы сторонников и противников введения войск на Украину, рисуемые информантами, различаются в зависимости от того лагеря, к которому они сами относятся.

В большинстве случаев поддержка/неподдержка спецоперации оказалась редуцирована до уровня согласия/несогласия — обстоятельно аргументированной позиции относительно СВО, готовности ее отстаивать, специального изучения тематики среди участников групп выявлено не было. Острыми политическими дискуссиями обсуждения тоже не стали. В целом для информантов характерны примирительная позиция и стремление избегать политических конфликтов, которые, однако, случаются в их окружении из-за неспособности людей вести дискуссии на острые политические темы. Тем не менее и у сторонников, и у противников СВО сформирована своя позиция по поводу правильности этой военной операции. Пусть транслируемые ими нарративы и не основаны на глубоком изучении темы, а сами участники не хотят ставить на кон личные блага и комфортную жизнь ради отстаивания своей точки зрения, однако можно утверждать, что свой моральный выбор информанты сделали и понимают его суть, хотя и каждый по-своему.

Восприятие будущего тоже различается в зависимости от политических взглядов информантов. Противники СВО ожидают больших проблем и изоляции России, боятся, что страна дойдет до уровня сталинского СССР или КНДР. Сторонники, напротив, чересчур оптимистичны. Они прогнозируют быстрое восстановление экономики и усиление России, не обращая внимания на объективные препятствия. Высокий уровень тревожности и неуверенность в завтрашнем дне — это то, что объединяет респондентов разных пола, возраста и политической позиции.

Описание адаптационных стратегий

Адаптационные стратегии участников фокус-групп — сторонников и противников спецоперации — в начальном периоде ее проведения имеют ряд сходств и различий. Как сторонники, так и противники СВО приспособливают повседневные бытовые практики к изменившимся условиям жизни: стараются экономить, переходят на российские бренды, откладывают заграничные поездки и крупные покупки до лучших времен. И те и другие с осторожностью смотрят в будущее, стараются отвлекаться от переживаний с помощью работы и досуга, избегают обсуждений украинской тематики для предотвращения конфликтов, не имеют собственного пула источников новостей и информации, ищут ее с помощью серфинга в Интернете и на новостных агрегаторах. Независимо от политической позиции информанты в це-

лом аполитичны и стараются сторониться вторжения политической повестки в собственную повседневность.

Сторонники СВО легче восприняли связанные с ней трудности, поскольку для них они имеют преимущественно экономический характер, тогда как противники, помимо экономических, столкнулись с психологическими проблемами из-за несогласия с решением ввести войска на Украину. Адаптационная стратегия сторонников основана на ожиданиях изменений к лучшему по итогам СВО. Они верят в перспективы импортозамещения, полагают, что нашей стране удастся преодолеть все трудности, надеются на приобретение новых территорий и связывают свой оптимизм с надеждой на возможности существования России в условиях экономической автаркии. Рациональных аргументов в пользу своих прогнозов они не приводят, однако для их адаптационной стратегии это не имеет большого значения: вера в лучшее будущее, свое и собственной страны, играет для них психотерапевтическую роль, помогая справляться с повседневными трудностями и неопределенностью ситуации. Их адаптационная стратегия состоит в том, чтобы заниматься решением собственных повседневных проблем, надеясь на лучшее и доверяя официальной точке зрения на СВО, абстрагируясь от политических проблем и оставляя решение их власть имущим. С точки зрения личного комфорта эта стратегия казалась успешной, по крайней мере, до объявления мобилизации, когда «политика» вмешалась в повседневность значительной доли населения. Перспективы успешности данной адаптационной стратегии зависят от того, насколько российским властям удастся удерживать военные действия за пределами личной жизни большинства россиян.

Противникам СВО адаптироваться к ее условиям оказалось значительно сложнее. Для них с ее проведением связаны, как уже отмечалось, не только экономические, но и психологические, нравственные проблемы. Противники столкнулись с трудностями, вызванными политическим решением, которое они, во-первых, не поддерживают и не выбирали, а во-вторых, к которому они не готовы ни экономически, ни психологически, ни политически ввиду собственной аполитичности. Будущее им представляется в крайне пессимистичных тонах, что усиливает и без того значительный стресс от восприятия ситуации. Главной их адаптационной стратегией становится избегание — политических новостей, темы СВО в разговорах, поддерживающих ее людей. Они не чувствуют в себе сил изменить ситуацию, поэтому так же, как и сторонники спецоперации, стараются углубиться в решение собственных повседневных проблем, но делают это не с надеждой на лучшее будущее и верой в возможности своего государства, а с пессимистичным неприятием ситуации, отсутствием привлекательных образов будущего, осознанием несправедливости сложившейся ситуации и чувством несогласия с ней. Однако об их дезадаптивности

в начале спецоперации говорить не приходится: они также продолжают выполнять повседневные трудовые и бытовые обязанности, проводить досуг, поддерживать социальные связи и потреблять товары и услуги. Только адаптировались к изменившейся реальности они на новом — значительно более тревожном и менее комфортном — уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. — 323 с.
2. Гудков Л.Д. Возвратный тоталитаризм. В 2-х т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 846 с.
3. Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 38–53. DOI: 10.31857/S013216250021524-9 EDN: IGHNKE
4. Линкер С. Просвещение продолжается. В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса / Пер. с англ. Г. Бородиной, С. Кузнецовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. — 626 с.
5. Каримова Л.Ф. Адаптационные стратегии бедного населения в современном российском обществе // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1 (33). С. 133–140. EDN: TYMMYN
6. Попова И.П., Седова Н.Н. Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 31–42. EDN: OWRPRJ
7. Kahan D.M. Cognitive Bias and the Constitution of the Liberal Republic of Science // Yale Law School, Public Law Working Paper. 2012. No. 270. — 36 p. DOI: 10.2139/ssrn.2174032
8. Kahan D.M. Climate-Science Communication and the Measurement Problem // Political Psychology. 2015. No. 36. P. 1–43. DOI: 10.1111/pops.12244
9. Kahan D.M., et al. Cultural Cognition of the Risks and Benefits of Nanotechnology // Nature Nanotechnology. 2009. No. 4. P. 87–90. DOI: 10.1038/nnano.2008.341
10. Kahan D.M., et al. The Tragedy of the Risk-Perception Commons: Culture Conflict, Rationality Conflict, and Climate Change. Cultural Cognition Working Paper No. 89. 2011. — 31 p. [online]. Accessed 22.02.2023. URL: <https://www.law.upenn.edu/live/files/296-kahan-tragedy-of-the-risk-perception1pdf>
11. Kahan D.M., et al. Motivated Numeracy and Enlightened Self-Government // Behavioural Public Policy. 2017. No. 1. P. 54–86. DOI: 10.1017/bpp.2016.2
12. Ross L., Greene D., House P. The “False Consensus Effect”: An Egocentric Bias in Social Perception and Attribution Processes // Journal of Experimental Social Psychology. 1976. No. 13. P. 279–301. DOI: 10.1016/0022-1031(77)90049-X

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Звоновский Владимир Борисович — доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет.

Телефон: +7 (846) 229-67-33. **Электронная почта:** zvb@socio-fond.com

Ходыкин Александр Владимирович — кандидат социологических наук, социолог, Фонд социальных исследований.

Телефон: +7 (961-380-43-26). **Электронная почта:** a.khodykin@socio-fond.com

Дата поступления: 11.01.2023.

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 1. P. 8–35. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.1

Research Article

BORIS V. ZVONOVSKY¹, ALEKSANDER V. KHODYKIN²

¹ Samara State University of Economics.

141, Soviet Army str., 443090, Samara, Russian Federation.

² Social Research Institute.

70, Krasnoarmeyskaya str., office 1, 443041, Samara, Russian Federation.

**ADAPTATION STRATEGIES OF OPPONENTS AND SUPPORTERS
OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION TO THE CURRENT SITUATION
(BASED ON RESIDENTS OF SAMARA REGION)**

Abstract. Strategies for adapting to traumatic events such as military conflicts are largely determined by a person's outlook on such events. As such, research on the differences in the adaptation strategies of Russian supporters and opponents of the "special military operation" in the Ukraine (SMO) to the current situation provides a sociological description of how assessments of traumatic events impact the development of strategies for adapting to them. The purpose of this article is to describe the similarities and differences in adaptation strategies between supporters and opponents of the SMO. To achieve the research goals, the authors conducted 4 focus group studies with 6 participants each from the Samara region in April of 2022, recruited by gender, age and income level. The adaptation strategies of supporters and opponents of the SMO have a number of similarities and differences. Both supporters and opponents reconsidered their everyday practices according to the changes in their conditions of living. Both parties look into the future with caution, while trying to distract themselves from their experiences by focusing on work and leisure, and avoiding discussing topics related to the Ukraine in order to prevent conflicts. At the same time, supporters of the SMO weren't as worried about the difficulties associated with it, since for them they are mainly economic in nature, while opponents, in addition to economic issues, deal with psychological problems due to them disagreeing with the decision to send troops to the Ukraine. The adaptation strategy of supporters boils down to them solving their own everyday problems, believing in the best and trusting the official point of view on the SMO, removing themselves from political matters and leaving them to the powers that be. Its opponents found it much more difficult to adapt to the current situation. Their main adaptation strategy lies in avoiding the following: political news, discussing the SMO, as well as supporters of the SMO. They

feel powerless to do anything about the situation, therefore, just like the supporters of the “special operation”, they try to delve into solving their own everyday problems, but they do it not with hope for a better future and faith in the capabilities of their country, but with a pessimistic rejection of the situation, a lack of any sort of positive outlook on the future, awareness of the unfairness of the situation and a sense of disagreement with it.

Keywords: Ukraine; special military operation; adaptation; focus group; political conflict.

For citation: Zvonovsky, B.V., Khodykin, A.V. Adaptation Strategies of Opponents and Supporters of the Special Military Operation to the Current Situation (Based on Residents of Samara Region). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 8–35. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.1

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. [Russ. ed.: *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Transl. from Eng. by E. Rutkevich. Moscow: Medium publ., 1995. 323 p.]
2. Gudkov L.D. *Vozvratnyi totalitarizm*. [Recurrent totalitarianism.] Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2022. 846 p. (In Russ.)
3. Zvonovskii V.B., Khodykin A.V. Reflection of the cultural power of the geopolitical narrative in the collective perceptions of Russians about the military operation in Ukraine. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 11. P. 38–53. DOI: 10.31857/S013216250021524-9 (In Russ.)
4. Pinker S. Enlightenment Now. The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress. [Russ. ed.: *Prosveshcheniye prodolzhaetsya. V zashchitu razuma, nauki, gumanizma i progressa*. Transl. from Eng. by G. Borodina, S. Kuznetsova. Moscow: Al'pina non-fikshn publ., 2021. 626 p.]
5. Karimova L.F. Adaptive strategies of poor population in the modern Russian society. *Izvestiya vuzov. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*. 2015. No. 1 (33). P. 133–140. (In Russ.)
6. Popova I.P., Sedova N.N. Extra-employment in successful adaptation strategies. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004. No. 2. P. 31–42. (In Russ.)
7. Kahan D.M. Cognitive Bias and the Constitution of the Liberal Republic of Science. *Yale Law School, Public Law Working Paper*. 2012. No. 270. 36 p. DOI: 10.2139/ssrn.2174032
8. Kahan D.M. Climate-Science Communication and the Measurement Problem. *Political Psychology*. 2015. No. 36. P. 1–43. DOI: 10.1111/pops.12244
9. Kahan D.M., et al. Cultural Cognition of the Risks and Benefits of Nanotechnology. *Nature Nanotechnology*. 2009. No. 4. P. 87–90. DOI: 10.1038/nnano.2008.341
10. Kahan D.M., et al. *The Tragedy of the Risk-Perception Commons: Culture Conflict, Rationality Conflict, and Climate Change. Cultural Cognition Working Paper No. 89*. 2011. 31 p. Accessed 22.02.2023. URL: <https://www.law.upenn.edu/live/files/296-kahan-tragedy-of-the-riskperception1pdf>
11. Kahan D.M., et al. Motivated Numeracy and Enlightened Self-Government. *Behavioural Public Policy*. 2017. No. 1. P. 54–86. DOI: 10.1017/bpp.2016.2
12. Ross L., Greene D., House P. The “False Consensus Effect”: An Egocentric Bias in Social Perception and Attribution Processes. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1976. No. 13. P. 279–301. DOI:10.1016/0022-1031(77)90049-X

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir B. Zvonovsky — Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics.
Phone: +7 (846) 229-67-33. **Email:** zvb@socio-fond.com

Alexander V. Khodykin — Candidate of Sociological Sciences, Sociologist, Social
Research Institute. **Phone:** +7 (961-380-43-26). **Email:** a.khodykin@socio-fond.com

Received: 11.01.2023.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2

EDN: DZDDQP

*К 90-летию со дня рождения
Леокадии Михайловны Дробижевой (1933–2021)*

*С.В. РЫЖОВА*¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА Л.М. ДРОБИЖЕВОЙ: ФОРМИРОВАНИЕ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Анализируется роль Л.М. Дробижевой и ее этносоциологической школы в изучении российской идентичности, складывающейся в полиэтничном социальном пространстве России. Раскрываются этапы и периоды, в течение которых Л.М. Дробижева и ее коллеги вели научный поиск механизмов общестрановой консолидации. К числу таких механизмов они относят формируемые государством, элитой, гражданскими активистами, экспертами, СМИ, институтами и общественным мнением, а также стихийно возникающие на уровне повседневности. Представлена трансформация методологических подходов Л.М. Дробижевой к изучению «этнического в социальном и социального в этническом». Раскрывается метод исследования российской идентичности, сформированный на стыке теоретических подходов социально-культурной антропологии и классической социологии. Представлены некоторые результаты проектов по изучению российской идентичности, проведенных в рамках этносоциологической школы Л.М. Дробижевой.

Ключевые слова: этносоциология; изучение российской идентичности; методология этносоциологических исследований; этносоциологическая школа Л.М. Дробижевой.

Для цитирования: Рыжова С.В. Этносоциологическая школа Л.М. Дробижевой: формирование подходов к изучению российской идентичности // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 36–54. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2 EDN: DZDDQP

Леокадия Михайловна Дробижева — выдающийся ученый, заложивший основы собственной этносоциологической школы. Она была общественным деятелем, стремящимся полученные знания сделать открытыми для общества и власти, предложить их к использованию в качестве интеллектуального «рычага» социальных преобразований. Более 30 лет своей научной карьеры Л.М. Дробижева посвятила воспитанию своей, как она говорила, «команды» учеников и единомышленников — ученых, заинтересованных в широких эмпирических исследованиях, применении различных методов социологического (нередко социально-психологического) исследования, в постоянном осмыслении теории и, самое главное, в получении общественно значимых научных результатов, а также готовых очень много работать по примеру своего научного лидера. Акцент на общественную значимость — характерная черта научного мышления Л.М. Дробижевой.

Институт этнографии АН СССР (ИЭ АН СССР). Леокадия Михайловна — прямая ученица и соратница Юрия Варгановича Арутюняна, в 1960-х гг. заведующего Отделом этносоциологии Института этнографии АН СССР. В экспедициях по сбору «конкретных социологических данных» под руководством Ю.В. Арутюняна в республиках Советского Союза (Татарстан, Грузия, Молдавия, Узбекистан, Эстония, РСФСР) Леокадия Михайловна прошла серьезную школу организации и проведения этносоциологических опросов, работала в экспедициях в качестве интервьюера. Коллеги называли Леокадию Михайловну «верной сподвижницей» и «неизменной соратницей» Юрия Варгановича Арутюняна [10; 20], она выполняла функции заместителя Ю.В. Арутюняна в Отделе этносоциологии ИЭ АН СССР, а в 1986 г. заняла должность руководителя сектора социально-политических проблем межнациональных отношений Института этнографии АН СССР.

В работе Л.М. Дробижева неизменно придерживалась основного принципа Юрия Варгановича — искать «этническое в социальном и социальное в этническом». Первая монография Отдела этносоциологии Института этнографии АН СССР, вышедшая в 1973 г., так и называлась: «Социальное и национальное» [22] (под национальным подразумевалось этническое).

Этносоциология развивалась как междисциплинарная область исследований, и ее предметом была *современная* жизнь этнических общностей (народов) [2]. Изучались социальная структура и социальная мобильность этнических общностей, их ценностные ориентации, «разнообразные феномены интеграции и взаимодействия культур», этническое самосознание и межэтнические отношения, этноязыковые процессы и миграции [1]. Такой подход подводил исследователей к *поиску различий и сходства между этническими общностями* («национальностями») в их установках и ориентациях, а выводы о *единстве*

советского народа и *сближении наций* (этнических общностей) делались исходя из эмпирически обнаруженных тенденций (1960–1980-е гг.) к реальному сближению оценок и установок представителей различных национальностей, обусловленных их включенностью в урбанизацию, сближением социальной структуры, участием в современных политических, экономических и социальных процессах. В результате *сближения наций* и идеологического единства рождалась, по мысли ученых, консолидирующая советская идентичность. Методология изучения общественных процессов была марксистско-ленинской, а изучение этничности опиралось на теорию этноса Ю.В. Бромлея, который именно *этнос*, а не государственную общность видел в качестве консолидирующего начала жителей СССР. Он определял этнос широко – как «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую межпоколенную совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также осознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» [3, с. 57–58]. *Сближение наций* (этнических общностей СССР) рассматривалось как основание для формирования «новой общности», называемой советским народом, которая была, с одной стороны, многонациональной (многоэтнической), а с другой — интернациональной, «забывающей» свою этничность во имя социалистических идеалов. Правда, «забвение этничности» относилось преимущественно к этническому большинству страны, поскольку остальные национальности (народы) Советского Союза свою этничность скорее сохраняли, чем забывали. Последняя отчетливо заявила о себе в период кризиса советской государственности. Вопрос о консолидирующей идентичности (самосознании) решался в советский период в первую очередь путем идеологического отмежевания от западного мира, категоризация (на «своих» и «иных»/«чужих») проходила преимущественно по идеологическим основаниям.

Сложившееся в Институте этнографии АН СССР (позднее — Институт этнологии и антропологии РАН) «этносоциологическое группирование» вокруг фигур Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробижевой — самое крупное научное «группирование» в области этносоциологии [4]. В Институте этнографии АН СССР в конце 1960-х — 1980-е гг. развернулся длительный и плодотворный процесс «взаимной научной интеграции» этнографии и этносоциологии [19, с. 26]. Подобным же образом несколько десятилетий позднее Леокадия Михайловна Дробижева, возглавив Центр исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, положит начало процессу научной интеграции этносоциологии в социологию.

К концу 1980-х — началу 1990-х гг. у московских этносоциологов накопился колоссальный объем эмпирических данных, который не мог быть в полноте осмыслен и «научно переварен», поскольку начались бурные процессы политической, общественной, экономической трансформации и дезинтеграции Советского Союза, вплоть до его распада в 1991 г. Одновременно у участников этого сложного, порой мучительного процесса появилась возможность не только открыто высказывать свои научные идеи и мысли, но и развертывать этносоциологические исследования с применением недоступных ранее методологий и теоретических подходов. События конца 1980-х — первой половины 1990-х гг. показали силу этнической мобилизации, ее сокрушительное влияние на течение общественных, социальных процессов. Научные интересы Леокадии Михайловны в этот период были нацелены на «добывание» и представление экспертного знания по вопросам, связанным в первую очередь с прогнозированием этносоциальных процессов. В 1990-х гг. под руководством Л.М. Дробижевой (в этот период она уже заведовала сектором социально-политических проблем межнациональных отношений Отдела этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) были выполнены масштабные проекты¹ с участием ученых из республик и областей РФ. В ходе этих проектов были обновлены методология, инструментарий и теоретические подходы к исследованию «этнического в социальном и социального в этническом», а также обозначено новое поле исследований — консолидирующая национально-гражданская идентичность.

Институт социологии РАН (ИС РАН)². Переход Л.М. Дробижевой (вместе с двумя сотрудниками — И.М. Кузнецовым и С.В. Рыжовой) в 2000 г. в качестве избранного директора в Институт социологии РАН и дальнейшее руководство созданным в Институте Центром исследования межнациональных отношений (ЦИМО) в 2005–2021 гг. обусловили развитие и укоренение этносоциологических исследований «под крылом» классической социологии. Леокадия Михайловна, войдя в мир «большой социологии», начала трудоемкий и кропотливый процесс формирования собственной этносоциологической школы и встраивания этносоциологии в социологический мир в качестве отраслевой дисциплины. В социологии учителем Л.М. Дробижевой стал В.А. Ядов. Леокадия Михайловна слушала его лекции, училась на его

¹ Проекты: «Этническая идентичность, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» (1993–1996 гг.), «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (1997–1998 гг.), «Социально-экономическое неравенство этнических групп и проблемы интеграции в РФ» (1999–2000 гг.).

² Преобразован в Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИС ФНИСЦ РАН).

книгах, опиралась на его подход к человеку как активному действующему субъекту. Коллеги, ученики и сподвижники В.А. Ядова отмечают вклад своего учителя в гуманистическое направление социологии [23, с. 7]. Этот вывод справедлив и в отношении Л.М. Дробижевой.

В ходе перезагрузки методологического арсенала и серии проектов, посвященных различным проблемам взаимосвязи «этнического и социального», Л.М. Дробижевой уточняется предмет этносоциологии. «В самом широком смысле предмет этносоциологии включает социальные события, процессы, связи, явления, происходящие в этнически маркированном социальном пространстве». При этом социальное пространство видится как конфигурация социальных позиций, связей, практик (П. Бурдьё), как комплекс постоянно текущих, никогда не останавливающихся процессов (П. Штомпка), как некое «силовое поле», создаваемое индивидами, но имеющее собственное и самостоятельное системное качество (В. Ильин) [6, с. 92].

В 2015 г. Б.Е. Винер и К.С. Девисенко на основе эмпирического анализа публикационной активности и научного сотрудничества этносоциологов представили данные о состоявшемся «когнитивном дрейфе» исследовательской области этносоциологии в поле социологии и «социальном дрейфе» этносоциологов из ИЭА РАН в ИС РАН [4]. Появление в Центре межнациональных отношений ИС РАН учеников-социологов Л.М. Дробижевой (Е.А. Арутюнова, М.А. Евсеева, Е.Ю. Щеголькова, П.В. Фадеев, А.А. Эндрюшко) привело к существенному увеличению численности этносоциологов в ИС ФНИСЦ РАН.

Во всех возглавляемых Леокадией Михайловной проектах делался акцент на получение знания, важного, во-первых, для общества как самоорганизующейся системы и, во-вторых, для управленческих структур разного уровня. Полиэтничность России охраняется государством. Статья 69.2 Конституции Российской Федерации защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей РФ и гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия³, поэтому мониторинг межнациональных отношений и всестороннее изучение роли этничности в процессах социальной интеграции и дезинтеграции с получением практических выводов и рекомендаций рассматривались Леокадией Михайловной как основная задача этносоциологии.

Леокадия Михайловна полагала, что социология в большей мере междисциплинарна, чем иные гуманитарные и общественные науки [6, с. 91]. Привлечение этнополитологических и социально-психологи-

³ Конституция Российской Федерации с изменениями, внесенными федеральными конституционными законами от 4 октября 2022 г. об образовании новых субъектов Российской Федерации. М.: Эксмо, 2023. — 96 с. (Актуальное законодательство)

ческих теорий, концепций социально-культурной антропологии, подходов к изучению ценностей и элит рассматривалось Л.М. Дробижевой как возможность расширить познавательный потенциал этносоциологических исследований. При этом учитывалась политическая составляющая, но главное внимание уделялось поиску комплекса социальных, культурных, общественных, не в последнюю очередь исторических и экономических факторов, способных поддерживать межнациональное согласие в обществе и служить основой для его консолидации. Именно такая оптика исследования привела Л.М. Дробижеву к пониманию важности консолидирующей идентичности для новой России, построенной на основаниях, лишенных идеологического содержания.

Леокадия Михайловна верила в силу гражданского сознания, в то, что гражданская активность людей, наравне с их любовью и уважением к своей стране способны стать движущей силой консолидации и общественных трансформаций, что гражданские установки, перекрывающие этнические границы, послужат основой для формирующейся российской идентичности.

Российская идентичность. С дезинтеграцией советского государства и советской идентичности в условиях этнических конфликтов и острой межэтнической напряженности конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. этносоциологи, историки, политологи, психологи заговорили о разразившемся на постсоветском пространстве «кризисе идентичности», выходом из которого могла стать новая консолидирующая макроидентичность. Инициатива воссоздания и конструирования российской идентичности принадлежит высшему руководству страны: понятия «российская нация», «россияне» вошли в общественный дискурс благодаря выступлениям высших лиц государства. В научную среду концепт российской идентичности ввел академик В.А. Тишков, предложив его для конструирования процессов нациестроительства в РФ и продвижения идей о политическом согражданстве как основе общероссийского единства [17, с. 10–18]. В 2018 г. понятие российской идентичности было закреплено в доктринальном пространстве, введено в «Стратегию государственной национальной политики». Леокадия Михайловна и ее «команда» понимали, что сила общероссийской идентичности, ее способность противостоять внутренним и внешним вызовам зависят от того, как она проявлена на уровне массового сознания, в повседневной жизни, какие смыслы она несет и что значит для людей.

Л.М. Дробижева была историком по образованию и знала силу «исторических аргументов» в интерпретации политических и социальных процессов как в общественном сознании и массовых представлениях, так и в реальных общественных движениях этнополитической направленности. Ее глубокий интерес к российской идентичности зрел вместе со скрупулезным анализом событий, способствующим пониманию необходимости политической, культурной, социальной

интеграции полиэтничного российского общества, и пристальным вниманием к дискурсу высших институций страны.

Леокадия Михайловна, как всегда, искала собственные подходы к исследованию российской идентичности. Взгляд Л.М. Дробижевой на методологическое обеспечение исследований состоял в том, что методология может быть только *синтезированной*. В этом она опиралась на авторитет В.А. Ядова [23, с. 613–621]. С одной стороны, в оптике социально-культурной антропологии эмпирические исследования российской идентичности опирались на синтез примордиализма и конструктивизма, а с другой — применялись классические социологические подходы, сложившиеся для исследования механизмов и факторов общественной консолидации. Научная цель Л.М. Дробижевой была неизменной: получение новых знаний, имеющих практический смысл и способных влиять на актуальные текущие процессы. Она опиралась на принцип: необъяснимое с точки зрения одной концепции можно пытаться понять и осмыслить с точки зрения иных концепций [6, с. 99].

Подход Л.М. Дробижевой к исследованию российской идентичности был не только *синтезированным*, но и *многоуровневым*. Общий уровень включал идеи Т. Парсонса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, В.А. Ядова, К. Дейча, Т. Маршалла, опирался на труды А.Б. Гофмана, посвященные идеям социальной солидарности и социального единства. Для более узких исследовательских задач, раскрывающих различные аспекты российской идентичности и проблемы ее становления, применялись более «специализированные» теории — социальной и коллективной идентичности, ценностей, этнических конфликтов, национализма, этнических аттитюдов, дискурса и др. Этот второй слой теоретического арсенала, применяющийся в эмпирических исследованиях, разрабатывался членами команды применительно к конкретным задачам исследовательского поля российской идентичности и конкретным регионам исследования. Данный дизайн неизменно применялся во всех проектах по изучению российской идентичности, реализованных под руководством Леокадии Михайловны. Результатом их стали коллективные монографии и сборники [5; 11; 12; 14; 15; 21 и др.].

В эмпирических исследованиях Л.М. Дробижева руководствовалась разработанной ею «дорожной картой», которая подразумевала принцип использования нескольких источников, фокусировку на проблеме в ее общественной значимости. Российская идентичность и складывается стихийно (через процессы самоотождествления людей с Россией, их гражданскую активность), и конструируется сверху — властным, политическим, культурным дискурсом, дискурсом интеллектуалов, гражданских и «этнических» активистов, через закрепление понятий, обладающих интегрирующим смыслом в доктринальных документах. Необходимо также принимать во внимание «трансляторов» российской идентичности — журналистов, преподавателей, участников массмедиа.

Некоторые результаты исследований. Специфика изучения российской идентичности этносоциологами состоит в том, что она изучается в контексте полиэтничности Российской Федерации. Как отмечалось, подход выработывался через поиск эффективных механизмов общенациональной консолидации в ответ на вызовы этнического национализма 1990-х гг., текущие риски политизации этничности и проблемы управления этнокультурным разнообразием. Россия — страна высокой этнокультурной сложности (где более 190 национальностей и 200 языков).

Эмпирическое изучение российской идентичности Центром исследования межнациональных отношений ФНИСЦ РАН началось в 2004 г.⁴ В 2020 г. были начаты работы над проектами «Содержательные основы российской идентичности» и «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения», которые завершались членами научного коллектива без Леокадии Михайловны [15; 21]. Эмпирической базой служили данные всероссийского репрезентативного социологического опроса, осуществленного в 2020 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН⁵, данные 29-й волны всероссийского социологического исследования RLMS—HSE⁶ 2020 г., данные 9-й волны мониторингового исследования ИС ФНИСЦ РАН за 2018 г.

⁴ В проектах принимали участие ученые из регионов России и бывших республик СССР. Проекты: «Национально-гражданские идентичности и толерантность в России и на Украине: сравнительный анализ» (2005–2006), «Российская идентичность: потенциал формирования в Москве и регионах» (2007–2008), «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества» (2011–2012), «Гражданская, региональная, этническая идентичность: вчера, сегодня, завтра» (2013), «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» (2017–2018), «Содержательные основы общероссийской гражданской идентичности в региональном и этнокультурном контексте» (2020–2021), «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения» (2020–2022).

⁵ Опрос ФНИСЦ РАН в рамках проекта «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения» по программе научных исследований РАН. Выборка объемом 2000 респондентов репрезентирует население РФ от 18 лет по полу и возрасту. Опрос проводился методом интервьюирования (face to face) в 22 субъектах Российской Федерации.

⁶ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS—HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения:

Отметим, что в научных исследованиях *объем и содержание* понятия российской идентичности стремятся к бесконечности. Она понимается как государственная, страновая, территориальная, политическая, гражданская, историко-культурная, цивилизационная идентичность. Исследователи отмечают, что она не свободна от моральных и религиозных измерений, нуждается в идеологическом оформлении и правовом самосознании (М.К. Горшков, Л.М. Дробужева, О.Ю. Малинова, С.П. Перегудов, Э.А. Паин, В.И. Пантин, И.С. Семененко и другие исследователи).

Л.М. Дробужева определяет российскую идентичность как отождествление с гражданами России, государственно-территориальным пространством страны, ответственность за дела в стране [7]; российская идентичность «основывается на общих ценностях, целях развития общества и солидарности, является важным индикатором духовно-нравственного, политического и социального единства граждан России, российского народа (русской нации)» [9, с. 40].

В исследованиях, осуществленных ЦИМО ИС ФНИСЦ РАН под руководством Л.М. Дробужевой, российская идентичность рассматривается как множественная и многосоставная, как вид социальной идентичности, включающей когнитивное, эмоционально-ценностное и поведенческое измерения. Она изучается через призму устойчивых представлений и эмоций, выступающих основой отождествления с гражданами России (с Россией). Ответственность за судьбу страны рассматривается как ключевой индикатор гражданской составляющей российской идентичности. Принимаются во внимание чувство российской общности, представления о будущем России и дискурс власти и элит, определяющий «модель» национального строительства. Изучаются ценностная основа российской идентичности и роль эмоций и доверия в ее формировании. Важными выступают темы совместимости и конкурентности этнической и российской идентичностей, межэтнической толерантности и характера межнациональных отношений [7; 8; 15; 18; 21].

Интервью с экспертами (учеными, преподавателями, журналистами), собранные ЦИМО ИС ФНИСЦ РАН в 2020–2021 гг. (и в более ранних проектах), показывают, что в массовых представлениях российская идентичность имеет устойчивые основы, которые можно рассматривать в качестве компонентов ее структуры и которые в репрезентативных социологических исследованиях выступают как ее индикаторы, — это представления о российском государстве и его символах, о государственном языке и территории, культуре, истории и гражданской ответственности. Леокадия Михайловна неоднократно заостряла внимание на том, что российская идентичность подвижна,

15.05.2021). В 2020 г. в рамках мониторинга было опрошено 14 007 человек в 39 регионах РФ.

а ее содержание находится в процессе формирования. Даже среди экспертного сообщества нет согласия в том, какие структурные компоненты российской идентичности сегодня наиболее сильны, что является ее стержнем и мотивационно-ценностной основой.

В социологических исследованиях Центра *уровень* российской идентичности изучается с помощью вопроса о том, насколько «часто», «иногда» или «никогда» респондент ощущает общность, близость с гражданами России, россиянами. Данный вопрос был предложен социологами группы В.А. Ядова в 1990-х гг. для исследования новых социальных макроидентичностей и солидарностей, пришедших на смену идентичности «советского человека» [25]. Ответ «часто» позволяет оценить долю респондентов с актуализированной российской идентичностью, сумма ответов «часто» и «иногда» — общий уровень последней, ответ «никогда» — долю респондентов с негативистской идентичностью.

Согласно мониторинговым исследованиям, уровень российской идентичности с начала 2000-х гг. постепенно поднимался: в период 2005—2018 гг. он вырос с 65 до 79% (по данным RLMS—HSE). Однако в 2020 г. уровень российской идентичности несколько снизился и составил в первой половине года 68% (по данным ИС ФНИСЦ РАН), а к концу года — 72% (по данным RLMS—HSE).

Общероссийский опрос ИС ФНИСЦ РАН 2020 г. проходил в условиях пандемии коронавируса, спровоцировавшей сокращение рабочих мест, тревожность и вынужденное социальное дистанцирование. Социологи и психологи фиксировали усиление общественных страхов, распространение в социальных сетях конспирологических версий происхождения коронавируса и недоверие к действиям властей [13]. Именно эти обстоятельства, на наш взгляд, оказали влияние на снижение актуализации российской идентичности и ее общего уровня в 2020 г. в сравнении с доковидным 2018 г., а также на сопутствующий этим процессам рост уровня этнической идентичности. Однако ключевой идентификационный мотив — *чувство сопричастности к судьбе России* — остается высоким (75%).

Для изучения структурных компонентов российской идентичности используется вопрос о том, что объединяет респондента со всеми гражданами России. При этом мы понимаем, что структура российской идентичности не сложилась, она находится в стадии активного становления, и должно пройти, наверное, не одно десятилетие, прежде чем сложится общенациональная многомерная коллективная *мы-концепция*, разделяемая большинством россиян. Должны оформиться идейные основания общероссийского единства — совокупность принятых большинством убеждений, установок и ценностей, составляющих *среду взаимодействия индивида и общества* (по Э. Эриксону: [24]), на основе которых происходит формирование коллективной идентичности.

Иерархия структурных компонентов российской идентичности устойчива и воспроизводится в различных регионах. При ответе на вопрос «Что объединяет Вас со всеми гражданами России, всеми россиянами?» наиболее распространенный ответ: *общее государство* (58%). Следующие по значимости: *территория* (44%), *русский язык* (43%), *историческое прошлое* (32%), *культура* (29%), государственные символы — «*флаг, герб*» (15%) (данные ФНИСЦ РАН, 2020 г.). Гражданская составляющая «*ответственность за судьбу страны*» (22%) пока невелика. В исследовании было зафиксировано, что в содержательном отношении под гражданством россияне подразумевают в первую очередь юридические и правовые аспекты. Распределение ответов на вопрос «*Что для Вас значит быть гражданином Российской Федерации?*» показывает, что гражданство в глазах россиян ассоциируется прежде всего с возможностью пользоваться правами гражданина (на труд, образование, медицинское и пенсионное обеспечение), соблюдать законы и обязанности и иметь российский паспорт. Каждое из этих представлений о гражданстве набирает около 70% ответов. Представления, связанные с гражданским активизмом, распространены значительно слабее: «*участвовать в выборах, референдумах, общественных объединениях*» (13%), «*пользоваться правами на участие в собраниях и митингах*» (7%), «*помогать людям, участвовать в волонтерских движениях*» (4%). Пятая часть опрошенных отмечают, что быть гражданином — это поддерживать благополучие (порядок, чистоту) в месте своего проживания (от улицы до города) (данные RLMS–HSE, 2020 г.).

Слабость гражданского компонента российской идентичности находит отражение в слабой политической культуре участия россиян. Лишь 16% россиян чувствуют свою способность влиять на происходящее в их городе/районе, 11% — на происходящее в стране⁷. Но социокультурные источники российской идентичности представлены достаточно сильно. Доля сторонников *особого пути развития России* достигает 58%⁸. Согласно опросу ИС ФНИСЦ РАН 2020 г., большинство россиян (70%) поддерживают суждение «Россия нуждается в укреплении собственных исторических традиций, моральных и религиозных ценностей»; 81% ощущают общность с людьми своей национальности, 62% — с людьми своей веры. Важные социокультурные источники российской идентичности: формирующаяся культура доверия и межэтническая толерантность.

Исследования позволяют говорить о том, что в потенциале российская идентичность обладает ресурсом гражданской консолидации, понимаемой именно в контексте поликультурности. Среди россиян с актуализированной российской идентичностью (тех, кто «часто»

⁷ Общественное мнение — 2019. М.: Левада-Центр, 2020. — 188 с. URL: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/02/OM-2019.pdf> (дата обращения 01.03.2023).

⁸ Там же.

ощущает общность с гражданами России) выше установки межэтнической интеграции: значимо выше (чем в среднем по массиву) готовность работать с людьми других национальностей, доля позитивно оценивающих межнациональные отношения (в стране и месте проживания), согласие с тем, что государство должно поддерживать все культуры и религии России. Устойчивое преобладание государственного компонента и высокий ресурс межэтнической интеграции, проявляющийся в актуализированной российской идентичности, дает основание считать, что современная российская идентичность складывается преимущественно как *государственно-гражданская* идентичность.

В России сохраняется также высокая значимость этничности в общественных отношениях. Причины этого — советская национальная политика, закрепившая этничность на уровне социальных институтов, последствия «взрыва этничности» 1990-х гг. В кризисных социальных условиях этничность выходит на первое место. И в 2020 г. в условиях социальной турбулентности этническая идентичность в сравнении с российской проявляла себя как более значимая (ее уровень — 80%), она активнее связана с повседневностью, устойчивее и активно поддерживает чувство безопасности (табл. 1).

Общий уровень этнической идентичности в 2020 г., по данным ИС ФНИСЦ РАН, составил 80%, а ее актуализация — 34%, в то время как в 2018 г. — 70% и 23% соответственно.

Таблица 1

Уровень российской и этнической идентичностей, 2018 и 2020 гг., данные ИС ФНИСЦ РАН, % от числа опрошенных

Показатели российской и этнической идентичностей	2018 г.	2020 г.
<i>Ощущают общность, близость с гражданами России</i>		
Часто	29	16
Иногда	45	52
Общий уровень российской идентичности	74	68
Никогда	19	16
Затрудняюсь ответить	7	16
<i>Ощущают общность, близость с людьми своей национальности</i>		
Часто	23	34
Иногда	47	46
Общий уровень этнической идентичности	70	80
Никогда	21	10
Затрудняюсь ответить	9	10

Российская и этническая идентичности находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Их совмещение, «конкуренция» в зна-

чимости и взаимное влияние проявляются на протяжении всего периода постсоветского развития России. Многолетние исследования позволяют сделать вывод, что российская идентичность опирается на этническую, и в первую очередь это справедливо для этнического большинства страны: для русских этническая солидарность (поддержка суждения о том, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности») выступает мотивационным основанием их российской идентичности [8; 17]. Поэтому для успешного формирования российской идентичности актуальны вопросы *межэтнической толерантности*. При высоком уровне этнической идентичности необходимы балансирующие ее значимость установки: принятие этнокультурного многообразия, готовность мириться с существующими в обществе этническими, религиозными различиями. В этом направлении есть определенные успехи. *Позитивное восприятие полиэтничности* России постепенно набирает вес. За прошедшее десятилетие (с 2010 по 2021 г.) доля россиян, благоприятно оценивающих многонациональность России (полагающих, что она приносит стране больше пользы, чем вреда), выросла на 18 процентных пунктов — с 34 до 52%.

Если в 2010 г. общественное мнение было равномерно распределено между сторонниками и противниками многонациональности (32% и 34% соответственно при такой же доле затруднившихся с ответом), то в 2021 г. уже большинство (чуть более половины россиян) согласны с тем, что многонациональность России — это скорее *благо для страны*, чем вред (52% и 22% соответственно). Доля негативно оценивающих многонациональность России снизилась за десять лет с 32 до 22% (табл. 2).

Таблица 2

Позитивное и негативное восприятие этнокультурного разнообразия России, 2010–2021 гг., данные ФОМ, % от числа опрошенных

Варианты ответов на вопрос: «Как Вы считаете, тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит ей в целом больше пользы или больше вреда?»	Доля ответивших по годам						
	2010	2012	2013	2014	2015	2018	2021
больше пользы	34	37	44	44	45	50	52
больше вреда	32	37	23	25	23	21	22
затрудняюсь ответить	34	26	32	31	32	29	26

Источник: Данные всероссийского опроса Фонда «Общественное мнение», 16 августа 2021 г.⁹

⁹ ФОМнибус — репрезентативный опрос населения от 18 лет и старше. В опросе участвовали 1500 респондентов — жителей 104 городских и сельских населенных пунктов в 53 субъектах РФ. Интервью в режиме face to face проходили по месту жительства респондентов. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14616> (дата обращения 01.03.2023).

В формирование российской идентичности включаются представления, связанные с оценкой судьбы страны, путей и целей ее развития, ее будущего. В коллективных представлениях о желаемом будущем России и целях ее развития прочитываются контуры социального идеала общественного устройства страны. Среди основных его характеристик, обладающих потенциалом внутрироссийской консолидации, наиболее весомые — запросы на социальную справедливость (54%), демократию, обеспечение прав человека (38%) и сильную власть (38%) (табл. 3).

Таблица 3

Представления о желаемом будущем России, 2020 г., данные ИС ФНИСЦ РАН, % от числа опрошенных (выбор не более трех ответов; ответы ранжированы)

Варианты ответов на вопрос: «Какие из нижеприведенных идей и лозунгов в наибольшей степени выражают Ваши представления о желаемом будущем России?»	Доля выбравших данный ответ
социальная справедливость	54
права человека, демократия, свобода самовыражения личности	38
сильная власть, способная обеспечить порядок	38
Россия — великая держава, объединяющая разные народы	29
возвращение к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем	24
свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	16
Россия в первую очередь для русских, создание русского национального государства	12
сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в «общеевропейский дом»	10
ни один из этих лозунгов не выражает мою личную мечту о будущем России	6

Источник: Данные проекта «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности» (рук. М.К. Горшков). Всероссийский опрос ИС ФНИСЦ РАН, 2020 г.

Идеал социальной справедливости можно рассматривать в качестве ценностной основы российской идентичности. Его содержание, согласно масштабным эмпирическим исследованиям в регионах России, складывается из таких актуальных ценностей, как «равенство всех перед законом», «уважение к достоинству каждого человека...», равные возможности социального продвижения («доступ к образованию, работе, ведению бизнеса»). Этот идеал может стать связующим звеном между традиционалистскими основаниями российской идентичности и проектом ее будущего развития, стимулируя граждан-

ский активизм и гражданское измерение российской идентичности. Распределение ответов на вопрос о том, какие общие цели смогли бы сплотить российское общество (данные ИС ФНИСЦ РАН 2020 г.), подтверждает эту тенденцию: социальная справедливость и правовое равенство — наиболее востребованные цели развития (47 и 40% соответственно), и в качестве национальных интересов они могут рассматриваться в числе мотивационных основ российской идентичности [16].

Леокадия Михайловна Дробижева заложила основы собственной этносоциологической школы, где всестороннее изучение российской идентичности ведется с учетом полиэтничности страны и вниманием к человеку как активному субъекту деятельности. Основы ее научного метода формировались под влиянием бурных общественных трансформаций, выпавших на долю России в конце XX в. В любых условиях Леокадия Михайловна оставалась человеком большой души, ученым, учителем и общественным деятелем, чувствующавшим личную ответственность за развитие России. В 2019 г. Л.М. Дробижевой была вручена премия Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства российской нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М.* Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 102–112. EDN: SMHNTF
2. *Арутюнян Ю.В.* Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций (Программа этносоциологических исследований) // Советская этнография, 1972. № 1. С. 3–18.
3. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. — 412 с. EDN: VNLTD
4. *Винер Б.Е., Дивисенко К.С.* Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 4. С. 177–196. EDN: VBCHZX
5. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. — 485 с.
6. *Дробижева Л.М.* Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. 2006. № 3–4. С. 89–101. EDN: PCNMFH
7. *Дробижева Л.М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9 EDN: IZTYSH
8. *Дробижева Л.М., Рыжова С.В.* Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24. DOI: 10.17976/jpps/2015.05.03 EDN: UJYYVB

9. *Дробижева Л.М., Рыжова С.В.* Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник Российской нации. 2021. № 1–2 (77–78). С. 39–52. EDN: HAGVQK
10. *Малькова В.К.* Размышления об этносоциологии и этносоциологах. Или 40 лет спустя // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания / Сост.: Н.А. Дубова, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: Старый Сад, 2008. С. 331–335.
11. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2016. — 400 с.
12. Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. Л. Дробижевой и Е. Головахи. Киев: Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН, 2007. — 280 с.
13. *Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А.* Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87–104. DOI: 10.17759/sps.2020110407 EDN: BRGQGI
14. Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. — 268 с.
15. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика: [Монография] / Л.М. Дробижева, Е.М. Арутюнова, М.А. Евсеева [и др.]; Отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. — 434 с.
16. *Рыжова С.В.* Российская идентичность в исследованиях этносоциологов школы Л.М. Дробижевой // Этносоциология: поиски и свершения / Отв. ред., сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 85–91. EDN: VHUVLK
17. Российская нация: Становление и этнокультурное разнообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2008. — 308 с.
18. *Рыжова С.В.* Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М., 2011. — 280 с. EDN: QPWNKN
19. *Савоскул С.С.* Заметки о советской этносоциологии // Вестник антропологии. 2015. № 3 (31). С. 25–39. EDN: ZGODZC
20. *Савоскул С.С.* Из воспоминаний этносоциолога «второго призыва» // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания / Сост.: Н.А. Дубова, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: Старый Сад, 2008. С. 315–331.
21. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты: [Монография] / Л.М. Дробижева, Е.М. Арутюнова, М.А. Евсеева [и др.]; Отв. ред. Е.М. Арутюнова, С.В. Рыжова; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. — 288 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021 EDN: АОЕВНВ
22. Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / Ред. коллегия: Ю.В. Арутюнян (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1973. — 330 с.

23. Социология Ядова: методологический разговор. [Избранные труды В.А. Ядова] / ФНИСЦ РАН; Ред.-сост., авторы предисл.: Е.Н. Данилова, Л.А. Козлова, П.М. Козырева, О.А. Оберемко. М.: Новый хронограф, 2018. — 944 с. EDN: XRSSDDV
24. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. — 344 с.
25. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52. EDN: TYSQON

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыжова Светлана Валентиновна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (499) 128-56-51. **Электронная почта:** silica2@yandex.ru

Дата поступления: 26.02.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 1. P. 36–54. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2

Research Article

SVETLANA V. RYZHOVA¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

THE ETHNO-SOCIOLOGICAL SCHOOL OF L. DROBIZHEVA:

DEVELOPING APPROACHES TOWARDS THE STUDY OF ALL-RUSSIAN IDENTITY

Abstract. The article analyzes the role of L. Drobizheva and her ethno-sociological school in the study of the all-Russian identity emerging in the multiethnic social space of the Russian Federation. The stages and periods during which L. Drobizheva and her colleagues conducted a scientific search for mechanisms of nationwide consolidation are revealed: such mechanisms include those that are formed by the state, the elite, civil activists, experts, the media, institutions and public opinion, as well as those that spontaneously arise at the level of everyday life. The transformation of the methodological approaches of L. Drobizheva and her school towards the study of “ethnic in social and social in ethnic” is presented. The author elaborates on the method for studying the all-Russian identity formulated at the meeting point of theoretical approaches of socio-cultural anthropology and classical sociology. Certain results from projects that research the all-Russian identity conducted within the framework of the ethno-sociological school of L. Drobizheva are presented.

Keywords: ethno-sociology; study of all-Russian identity; methodology of ethno-sociological research; ethno-sociological school of L. Drobizheva.

For citation: Ryzhova, S.V. The Ethno-sociological School of L. Drobizheva: Developing Approaches towards the Study of all-Russian Identity. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 36–54. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2

REFERENCES

1. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M. Traversed Path and Issues of Contemporary Russian Ethnology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. No. 7. P. 102–112. (In Russ.)
2. Arutyunyan Yu.V. Optimization of Socio-Cultural Conditions for the Development and Rapprochement of Nations (Ethno-sociological Research Program). *Sovetskaya etnografiya*. 1972. No. 1. P. 3–18. (In Russ.)
3. Bromlei Yu.V. *Ocherki teorii etnosa*. [Essays on the theory of ethnos.] Moscow: Nauka publ., 1983. 412 p. (In Russ.)
4. Viner B.E., Divisenko K.S. Russian Sociology of Ethnic Relations: Boundaries, Research areas, and Research grouping. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2015. Vol. 6. No. 4. P. 177–196. (In Russ.)
5. *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra*. [Civil, Ethnic and Regional identity: Yesterday, Today, Tomorrow.] Ed. by L.M. Drobizheva. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya publ., 2013. 485 p. (In Russ.)
6. Drobizheva L.M. Methodological Problems of Ethnological Research. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2006. No. 3–4. P. 89–101. (In Russ.)
7. Drobizheva L.M. Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020. No. 8. P. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9 (In Russ.)
8. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Civic and Ethnic Identity and Perception of the Preferable State in Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2015. No. 5. P. 9–24. DOI: 10.17976/jpps/2015.05.03 (In Russ.)
9. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. All-Russian identity in the Sociological Dimension. *Vestnik Rossiiskoi natsii*. 2021. No. 1–2 (77–78). P. 39–52. (In Russ.)
10. Mal'kova V.K. Reflections on Ethnology and Ethnologists. Or 40 years later. *Etnosotsiologiya i etnosotsiologi. Issledovaniya, poiski, vospominaniya*. [Ethnology and Ethnologists. Research, Searches, Memories.] Select. by N.A. Dubova, L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina. Moscow: Staryi Sad publ., 2008. P. 331–335. (In Russ.)
11. *Mezhnatsional'noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossiiskogo obshchestva*. [Interethnic Consent as a Resource for the Consolidation of Russian Society.] Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: FNISTs RAN publ., 2016. 400 p. (In Russ.)
12. *Natsional'no-grazhdanskie identichnosti i tolerantnost'. Opyt Rossii i Ukrainy v period transformatsii*. [National Civil Identities and Tolerance. Experience of Russia and Ukraine in the Transformation Period.] Ed. by L. Drobizheva, E. Golovakha. Kiev: Institut sotsiologii NAN Ukrainy publ.; Institut sotsiologii RAN publ., 2007. 280 p. (In Russ.)
13. Nestik T.A., Deineka O.S., Maksimenko A.A. Socio-psychological Prerequisites of Faith in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Network Communications. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 87–104. DOI: 10.17759/sps.2020110407 (In Russ.)
14. *Rossiiskaya identichnost' v Moskve i regionakh*. [Russian Identity in Moscow and Regions.] Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: Institut sotsiologii RAN publ.; MAKS Press publ., 2009. 268 p. (In Russ.)
15. *Rossiiskaya identichnost' i mezhetnicheskie otnosheniya. Publichnyi diskurs i sotsial'naya praktika: [Monografiya]*. [Russian Identity and Interethnic Relations. Public Discourse and Social Practice.] L.M. Drobizheva, E.M. Arutyunova, M.A. Evseeva [et. al]; Ed. by I.M. Kuznetsov, S.V. Ryzhova. Moscow: FNISTs RAN publ., 2022. 434 p. (In Russ.)
16. Ryzhova S.V. All-Russian Identity in the Studies of Ethnologists of the L.M. Drobizheva school. *Etnosotsiologiya: poiski i sversheniya*. [Ethnology: Searches and Achievements.] Ed., select. by L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina. Moscow: IEA RAN publ., 2022. P. 85–91. (In Russ.)

17. *Rossiiskaya natsiya: Stanovlenie i etnokul'turnoe raznoobrazie.* [The Russian Nation: Formation and Ethno-Cultural Diversity.] Ed. by V.A. Tishkov. Moscow: Nauka publ. 2008. 308 p. (In Russ.)
18. Ryzhova S.V. *Etnicheskaya identichnost' v kontekste tolerantnosti.* [Ethnic Identity in the Context of Tolerance.] Moscow: Al'fa-M publ., 2011. 280 p. (In Russ.)
19. Savoskul S.S. Notes on Soviet Ethnology. *Vestnik antropologii.* 2015. No. 3 (31). P. 25–39. (In Russ.)
20. Savoskul S.S. Memoirs of the the Ethnologist of the “second call”. *Etnotsiologiya i etnosotsiologiya. Issledovaniya, poiski, vospominaniya.* [Ethnology and ethnologists. Research, searches, memories.] Select. by N.A. Dubova, L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina. Moscow: Staryi Sad publ., 2008. P. 315–331. (In Russ.)
21. *Soderzhatel'nye osnovy rossiiskoi identichnosti. Regional'nyi i etnokul'turnyi konteksty: [Monografiya].* [The Substantive Foundations of Russian Identity. Regional and Ethno-Cultural Contexts.] L.M. Drobizheva, E.M. Arutyunova. M.A. Evseeva, et. al.; Ed. by E.M. Arutyunova, S.V. Ryzhova. Moscow: FNISTs RAN publ., 2021. 288 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021 (In Russ.)
22. *Sotsial'noe i natsional'noe: Opyt etnosotsiologicheskikh issledovaniy po materialam Tatarskoi ASSR.* [Social and national: The experience of Ethnological Research Based on the Materials of the Tatar ASSR.] Ed. by Yu.V. Arutyunyan, et al. Moscow: Nauka publ., 1973. 330 p. (In Russ.)
23. *Sotsiologiya Yadova: metodologicheskii razgovor. [Izbrannye trudy V.A. Yadova].* [Yadov's Sociology: a Methodological Conversation. Selected works of V.A. Yadov.] Ed. and Foreword by E.N. Danilova, L.A. Kozlova, P.M. Kozyreva, O.A. Oberemko. Moscow: Novyi khronograf publ., 2019. 944 p. (In Russ.)
24. Erikson E. Identity: Youth and Crisis. [Russ. ed.: Identichnost': yunost' i krizis. Transl. from Eng.; Ed. by A.V. Tolstykh. Moscow: Progress publ., 1996. 344 p.
25. Yadov V.A. Social identification in a crisis society. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal.* 1994. No. 1. P. 35–52. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Ryzhova — Candidate of Sociological Sciences, Lead Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, **Phone:** +7 (499) 128-56-51. **Email:** silica2@yandex.ru

Received: 26.02.2023.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.3

EDN: ECQYNE

Д.С. ПОПОВ¹, А.В. СТРЕЛЬНИКОВА^{1,2}, Е.А. ГРИГОРЬЕВА¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

² Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики».

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

УЧИТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ «КРИЗИСНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ»: НА ПОРОГЕ «НОВОГО ЛУДДИЗМА»?¹

Аннотация. Эпидемия COVID-19 во многих странах, включая Россию, стала в некотором роде катализатором «кризисной цифровизации» — технологического обновления учебного процесса, которое происходило стремительно и отчасти хаотично. Следствием эпидемии стало повсеместное внедрение практики проведения удаленных занятий, что сопровождалось появлением в литературе особого термина «кризисное обучение» (“emergency teaching”). Результаты подобного обучения и кризисной цифровизации в целом оцениваются противоречиво, эффективность внедрения новых технологий ставится под вопрос. В данной статье анализируются установки и практики основных акторов образовательного процесса — учителей — в качестве одной из возможных причин «пробуксовки» цифровых инноваций в школьном образовании. Предполагается, что сопротивление учителей изменениям может являться основной причиной устойчивости и консервативности школы, неуспешности попыток внедрения инноваций. Однако, проводя параллель между современными учителями и луддитами, авторы пытаются оценить не столько сопротивление технологическим изменениям, сколько их социальные последствия для школы и учителей. Статья основана на материалах трехлетнего исследования, включающего несколько серий интервью с российскими школьными

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации» (грант № 21-18-00489).

Авторы выражают благодарность М.С. Кобзевой, выпускнице НИУ ВШЭ, за собранные ею 15 интервью в 2020–2021 гг.

учителями, реализованных в качественной исследовательской логике в период наиболее активного распространения COVID в 2020–2022 гг. Исследование выявило возникающие у учителей сложности с интеграцией цифровых практик в кризисный учебный процесс, а также их опасения, связанные с перспективой кризиса учительской профессии. Составными частями этого намечающегося кризиса становится расширение внешнего формального контроля и снижение контроля их собственного, с перспективой (и страхом) утраты творческого начала учительской профессии.

Ключевые слова: цифровизация; луддизм; школьное образование; учителя; учительская профессия; кризисное обучение.

Для цитирования: Попов Д.С., Стрельникова А.В., Григорьева Е.А. Учителя в условиях «кризисной цифровизации»: на пороге «нового луддизма»? // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 55–77. DOI: 10.19181/soc-jour.2023.29.1.3 EDN: ECQUNE

Контекст, в котором существует школа в последние десятилетия в России и других развитых странах, чрезвычайно лабилен, изменчив. Технологические изменения последних десятилетий (компьютеризация, новые способы коммуникации) значительно повлияли на ландшафт рынка труда. Сегодня, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS–HSE), доходы тех, чья деятельность связана с использованием компьютера на рабочем месте, значимо выше, чем тех, кто компьютер для работы не использует [14]. Поколения молодых людей школьного возраста, рожденные в конце XX в. и в первые декады XXI в., говоря образно, видят мир сквозь экран своего мобильного телефона. Все это уже давно наводит исследователей и чиновников в области образования на мысль о необходимости технологической модернизации школы, ее компьютеризации и трансформации. Причем центральное место в мифологии (по терминологии Ролана Барта [1]) цифровизации занимает предположение, что изменения, вызванные введением компьютера в школьную культуру, обязательно будут положительными.

Первый опыт масштабного компьютерного переоснащения школ был получен в странах Европы (в первую очередь — Северной) и США в начале XXI столетия. Последовавшие за этим переоснащением контрольные измерения результативности школьного образования оказались неожиданными: достижения учащихся после многомиллиардных инвестиций не только не улучшились, но и в ряде случаев снизились (причем именно у тех учеников, кто больше других использует цифровые устройства) [17; 27]. Проведенные экспериментальные исследования выявили, среди прочего, феномен рассеянного внимания при использовании множества информационных источников во время занятий (см., например: [21]). Иными словами, речь идет о неполной совместимости традиционных практик обучения и новых компью-

терных возможностей. На фоне этих результатов слышнее становятся призывы не просто дополнить школу электронными системами, но глубоко реорганизовать школьную структуру и учебный процесс, в том числе учебные планы и классную систему, существующую с момента появления школы в ее современном понимании [18].

Эпидемия COVID-19 во многих странах, включая Россию, стала в некотором роде катализатором технологического обновления учебного процесса, которое происходило стремительно и отчасти хаотично. Следствием эпидемии стало повсеместное внедрение практики проведения удаленных занятий, что сопровождалось появлением в литературе особого термина «кризисное обучение» (“emergency teaching”) [15]. И если ранее техникстский дискурс отделял компьютерные технологии от нормативных контекстов школьной социальной практики, в которых эти технологии используются, то сегодня «цифровая» трансформация очевидно приобретает не только технологическое, но и социальное измерение.

Сопrotивление учителей изменениям порой видится основной причиной устойчивости и консервативности школы, неуспешности попыток внедрения инноваций. Причем учителей колеблющихся или испытывающих трудности реформистская логика рассматривает как своего рода «мешающую переменную», которая существенно влияет на вероятность достижения прогнозируемых результатов. В таком ракурсе и в условиях стремительной «кризисной цифровизации» возникает соблазн охарактеризовать часть учителей как сопротивляющихся новым технологиям «луддитов».

В первой четверти XIX в. луддиты были английскими ткачами, чья профессиональная идентичность и культура были связаны с домашним производством, в рамках которого, в марксистской логике, они имели контроль над средствами и условиями производства. Их основанное на ремесле сообщество оказалось под серьезной угрозой и в конечном итоге было уничтожено с приходом капитализма и его неизбежным требованием автоматизации фабричного производства. Однако, как было показано в исторической литературе [26], ткачи не сопротивлялись широкомасштабному внедрению технологий *per se*, но защищали устойчивость своих социальных отношений, жизненно важных для сохранения их профессиональной культуры, их семейной и общественной жизни.

Проводя параллель между современными учителями и луддитами, было бы ошибочно считать сопротивляющихся педагогов противниками технологий. В конечном счете, современная школа сама по себе является сформированной и успешной технологической системой. Если для Д. Нобла в его посвященной луддизму книге (1995) [26] было важно оценить социальные последствия технологических изменений для ремесленных рабочих, то нас интересует вопрос о последствиях

«вынужденной цифровизации» для российских учителей третьей декады XXI в. В рамках нашего исследования сопротивление (или «луддизм») не представляется плохим, дисфункциональным, отрицательным явлением, но выступает в качестве особого индикатора, позволяющего определить точки напряжения и потенциального изменения. Нельзя исключить, что такое сопротивление может быть вполне рациональным, оправданным и даже необходимым для сохранения эффективности школьной системы в кризисных условиях.

Данная статья основана на материалах длительного проекта, реализованного в качественной исследовательской логике в период наиболее активного распространения COVID в 2020–2022 гг. В рамках проекта были собраны интервью с учителями, позволяющие понять, насколько учителя приветствуют эти структурные изменения или, напротив, сопротивляются им, и как меняется социальная роль учителя российской школы в их контексте. В центре исследования находится проблема контроля и сопротивления, появившаяся как фундаментальный вопрос в социологии М. Фуко. Мы предпринимаем попытку проследить изменение форм контроля, происходившее в школе в период вынужденной цифровизации. Гипотеза исследования состоит в том, что именно это изменение в конечном итоге будет связано с наметившимися социальными институциональными сдвигами в школьной системе, а также с трансформацией профессии учителя. Поэтому эмпирическая фиксация этих изменений важна с точки зрения понимания облика российской школы завтрашнего дня.

Теоретическая рамка исследования

В организационной социологии существует довольно обширная традиция исследования распространения и проникновения (диффузии) инноваций, восходящая к работам Э. Роджерса [29; 30]. Достаточно подробный обзор таких исследований в контексте компьютеризации школы (в нормальных, не пандемийных условиях) был предложен Кеннетом Франком и соавторами [19]. Отметим, что в период реализации нашего исследования для многих информантов — российских учителей — использование большинства внедряемых технологий оказалось новым только в контексте их применения к учебному процессу. Решение о технологическом изменении учебного процесса принималось централизованно на государственном (министерском) уровне и рассматривалось не как шаг к улучшению школы, но как временная вынужденная мера для сохранения учебного процесса в условиях пандемии коронавируса. Таким образом, речь идет не о классическом случае диффузии инноваций, но об ограниченном социальном, организационном эксперименте, который был достаточно быстро свернут после снижения уровня заболеваемости. Этот эксперимент, однако, представляет серьезный интерес для исследователей тем, что

поставил учителей в неудобную «пограничную» ситуацию, заставив тем самым произвести ценностную и содержательную рефлексивную переоценку социальной позиции, профессии учителя (в том числе профессиональной автономии), наконец, школы как института и способа взаимодействия в условиях (текущей и потенциальной) «цифровой» реальности. Логика действий учителей в ситуации вынужденной цифровизации во многом определяется этой переоценкой. Процесс «нормальной», внепандемийной компьютеризации школы неизбежно будет происходить, однако в силу своей неспешности в российских условиях он требует отдельного обсуждения и исследования за пределами кризисного кейса.

В социологической традиции понимание школы зачастую связано с идеей технологии, будь то технология передачи знания, социального воспроизводства или контроля. Эти технологии — основание для концептуализации института, общая структурирующая форма, присущая тому или иному историческому периоду. Так, популярный в конце прошлого столетия Мишель Фуко в качестве такого структурирующего элемента предлагает идеи дисциплины и контроля, лежащие в основе ключевых социальных институтов позднего модерна [13]. В этой теоретической логике тюрьма напоминает фабрику, та похожа на школу, которая подобна казарме, а последняя, в свою очередь, имеет сходство с больницей и так далее. У всех этих институтов наличествует общая форма, которую Фуко связывает с дисциплинарной парадигмой. Сегодня эта фукольдианская парадигма, как справедливо заметили А. Негри и М. Хардт [5], замещается идеей сети. Сеть видится во всех институтах и структурах, она стала всеобщей формой, которой свойственно определять то, как мы понимаем мир и действуем в нем.

Обе эти метафоры — дисциплинарная и сетевая — важны для нашей работы, поскольку вскрывают основные социальные параметры изменений школы, одного из консервативных институтов, традиционно сопротивляющихся изменениям. В попытке «поймать» эти изменения мы принимаем фукольдианскую интуицию и рассматриваем устойчивые школьные структуры — урок, класс, учебный план — как ситуации контроля. Однако если в работах М. Фуко и П. Бурдьё [3] основное внимание уделяется контролю учителя над учениками и воспроизводству классовой структуры, нас в большей степени интересуют контроль над учителем и изменения, происходящие с этим контролем в условиях цифровизации и сдвига в понимании ключевых структурирующих форм. Поэтому обсуждение контроля, пусть и в не прямой форме, так или иначе присутствует во всех наших интервью, становится ключевой и связующей темой для всей исследовательской работы.

М. Фуко предлагает использовать архитектурный образ Паноптикума — особой тюрьмы (ее идея изначально сформулирована братьями Самюэлем и Иеремией Бентами в конце XVIII в.) в качестве

«идеального типа» для описания модели институтов модерна, в основе которых лежит принцип дисциплины и контроля [13]. Паноптикум представляет собой тюрьму, ярко освещенные камеры в которой расположены по периметру, в центре же находится сторожевая башня. В этой пространственной логике надзиратели остаются «в тени», тогда как заключенные доступны для наблюдения в любой момент времени. Люди (то есть заключенные), будучи неуверенными в том, что за ними наблюдают, тем не менее осознают возможность этого наблюдения, и поэтому оно начинает восприниматься как непрерывное.

Фуко стремится показать, что к середине XIX в. во Франции (а затем и в других странах) происходит серьезный сдвиг в практиках насилия: на место физических наказаний приходят идеи тюрьмы, паноптического контроля и надзора. Эта модель побуждает людей контролировать и корректировать в том числе и свое собственное поведение, то есть заниматься самонадзором, что происходит за счет усвоения нормализующего дискурса, который предполагает «соответствующие», «правильные» способы поведения. В школах частью такого рода дисциплинарных технологий в разное время стало заполнение журналов, ношение формы, наличие строгого расписания и формальных экзаменов с оценками, в некоторых случаях — видеонаблюдение, контроль с помощью RFID-меток или геолокации, создание и поддержание электронных систем управления учебным процессом. Несложно увидеть, что перечисленные практики применимы ко всем участникам учебного процесса, как к ученикам, так и к учителям средней школы, причем все эти участники одновременно являются субъектами и объектами надзора.

В современных работах периодически возникает тезис, что метафора Паноптикума недостаточна для понимания воздействия новейших средств и способов наблюдения, в первую очередь электронных [24; 22]. Она предлагает убедительное описание для обществ модерна, но не для позднего модерна, в рамках которого власть и контроль, по-видимому, стали более рассредоточенными и подвижными. В частности, распространение Интернета и мобильных технологий позволяет некоторым социологам предполагать возникновение «электронных Паноптикумов» или «Суперпаноптикумов» [16]. Общим тезисом стало то, что современные практики контроля лишь расширяют, но не заменяют старые, сосуществуют с ними. Отсюда мысль об усилении и интенсификации контроля. Ситуация же «кризисного обучения» в условиях пандемии COVID-19, когда старые практики контроля отчасти утратили свою силу, оказалась неожиданной и потому особенно интересной для социологического наблюдения. Наша гипотеза состоит в том, что изменение характера контроля намечает серьезные институциональные изменения, а также трансформацию профессии учителя.

Анализ цифровых изменений школы, включая практики удаленного преподавания (т. н. «удаленки» на жаргоне учителей) вынуждает нас представить учебный процесс в новом свете. Становится очевидным явное и имплицитное участие в нем множества заинтересованных лиц — от самого учителя и его учеников до родителей, администрации школы, методистов и др. В этом контексте «сетевая» теоретическая интуиция и логика позволяют отследить взаимодействие всех упомянутых участников, выявить изменения в этих взаимодействиях и оценить новые его формы. Школа предстает перед нами в виде сетевой структуры, а основными жесткими элементами здесь становятся устойчивые коммуникации, которые могут изменяться по своему набору и характеру. Контроль становится частью и атрибутом этих коммуникаций. Анализ коммуникаций стал отдельной задачей при формировании исследовательского инструментария. В целом две эти теоретические референции играют центральную роль при построении стратегии нашего эмпирического проекта, и метафорика Фуко (ввиду институциональной ригидности школы, особенно в России), и «сетевая» метафорика становятся в рамках нашей работы одновременно востребованными и важными.

Обзор литературы: школа и ее изменения в условиях цифровизации

Обратимся теперь к тематически заостренным публикациям и научным результатам, связанным с положением отечественных учителей и школ в период пандемии COVID. За последние годы, начиная с 2020 г., вышел целый ряд публикаций, посвященных кризисной школе, положению учеников и учителей, тенденциям и фактам происходящих процессов. Эти публикации не всегда отличает концептуальная выстроенность и целостность, однако их миссия — в формировании общего пространства эмпирических наблюдений, позволяющего отследить и оценить ключевые процессы. В социологической литературе, посвященной проблемам российской школы в условиях пандемии, отмечается усиление цифрового разрыва (основанного на отсутствии у экономически депривированных качественного компьютерного оборудования, устойчивого и быстрого выхода в Интернет) [2; 10]. С серьезными проблемами сталкиваются российские сельские школы и школы, находящиеся в малых и средних городах: возможности учителей и учащихся в части технического оснащения здесь намного ниже, чем в более крупных городах [10]. Эта особенность заставила нас в ходе эмпирического исследования дополнительно включить в выборку учителей из региональных «депривированных» школ. Сложным переход к цифровому дистанционному обучению оказался для детей мигрантов, часто не имеющих качественных жилищных условий и испытывающих затруднения с возросшим объемом письменных заданий, а также с социализацией в культурно отличной среде [7].

Социализационные аспекты в более широком ключе рассматривались также в исследовании И.А. Писаренко и Л.И. Заиченко, которые обнаружили, что родители воспринимают школьных учителей как значимых субъектов обучения ребенка цифровым навыкам [10, с. 68–69] и возлагают на учителей задачи цифровой социализации. Однако сами учителя не всегда социализированы в цифровом мире в достаточной степени [8; 10; 12]. Отчасти поэтому учителя, родители и ученики в первый год кризисного обучения находились в ситуации стресса, на фоне которого, однако, вырос уровень взаимной поддержки в педагогических коллективах [4; 9]. Несмотря на обилие фактического материала, в социологическом плане констатация и описание кризисных явлений кажутся нам недостаточными. Поэтому в данной статье мы пытаемся сделать следующий шаг: нас интересуют в первую очередь изменения в структурах взаимодействия, проявляющиеся на микроуровне — в работе института школы и находящихся в его ядре учителей.

Кризисный характер пандемийной цифровизации и ее преимущественно «дистантное» проявление не отменяют того факта, что цифровизация была одним из основных трендов в жизни школы последних десятилетий. Пандемия стала своего рода катализатором этого процесса, ускорив его и придав ему «взрывные» формы. Тем не менее сама по себе логика социальных изменений школы, вызванных цифровизацией, не связана с COVID и представляет собой более фундаментальную и устойчивую тенденцию. Она включает внедрение в образовательный процесс различных средств визуализации, технологий виртуальной реальности, расширение возможностей в доступе к многообразным данным и др. Существенное развитие именно дистанционных форм преподавания на фоне других направлений общего процесса цифровизации школьного образования имело место еще задолго до пандемии. В частности, эта тенденция была обозначена в исследовании Д.Д. Рубашкина (2013) [11], который отмечает, что наиболее заинтересованные в освоении новых технологий учителя, рассказывая о своих достижениях в области использования ИКТ, делают акцент не на новые практики, реализуемые в учебной аудитории, а на внеаудиторные формы образовательной деятельности, такие как создание образовательных сайтов, дистанционных систем обучения для детей с особыми потребностями и т. д. В результате очная форма обучения оказывается наименее поддержанной методическими разработками, основанными на применении ИКТ в образовательном процессе. Сегодня понимание социальных процессов, происходящих в школе в условиях пандемии, важно и необходимо для успешного функционирования этого института.

Данные и методы

В рамках статьи используются материалы авторского исследовательского подпроекта, реализуемого в рамках гранта «Новые соци-

альные неравенства в эпоху цифровизации» (new-inequalities.tilda.ws/) и посвященного главным образом прицельному изучению особенностей цифровизации отечественной школы в восприятии школьных учителей. Авторами статьи реализован сбор качественных данных (интервью) в течение 2020–2022 гг., где информантами выступили учителя столичных и региональных школ. Гайд полуформализованного интервью содержал блоки вопросов об опыте преподавания в целом и с использованием цифровых технологий, об основных проблемах и преимуществах цифровизации различных аспектов школьного образования, об особенностях использования цифровых технологий и сервисов в учебном процессе. Также в гайде содержались вопросы об опыте преподавания в период пандемии, позволяющие акцентировать тематику незапланированного интенсивного использования цифровых технологий в преподавании.

Всего было проведено 41 интервью с учителями 5–11-х классов, имеющими среднее специальное или высшее образование, в возрасте от 20 до 60 лет. Рекрутирование учителей проводилось методом «снежного кома», с несколькими точками входа. Структурирование выборки качественного исследования отражает гетерогенность объекта и происходило по следующим основаниям:

- 1) регион: 32 учителя из столичных (Москва и Подмосковье) школ и 9 — из региональных школ,
- 2) тип школы: 34 учителя из массовых школ и 7 — из элитных школ,
- 3) возрастная группа: 14 учителей в возрасте до 30 лет, 10 — в возрасте 31–40 лет, 9 — в возрасте 41–50 лет и 8 — в возрасте 51 года и старше,
- 4) пол: 28 учителей — женщины и 13 учителей — мужчины.

Гетерогенность кейсов также обеспечивается включением в исследование учителей, ведущих разные предметы и с различным стажем в профессии. Таким образом, в ходе исследования была возможность проанализировать точки зрения как начинающих учителей, так и опытных педагогов; как тех, кто был в достаточной мере обеспечен «цифровым» инвентарем и технологиями в течение последних лет, так и тех, кто был вынужден столкнуться с цифровыми форматами преподавания только в период пандемии. Интервью проводились с использованием Zoom и Skype. Полученные данные транскрибированы и закодированы для последующего анализа. Далее осуществлялся тематический анализ материалов интервью.

Результаты исследования

Для понимания причин и логики действий учителей в ситуации вынужденной цифровизации мы обратились к одной из тем, наиболее часто фигурировавших в интервью, — к теме контроля над деятель-

ностью учителя и в рамках самой деятельности учителя. Как следует из полученных данных, работу современного школьного учителя можно описать через многообразие форм регулирования и контроля, относящихся не только к профессиональной деятельности, но и к вне-профессиональным сферам жизни. По нашему предположению, в ситуации внедрения новых технологий у учителей должны были сформироваться механизмы сопротивления и/или адаптации к контролю, которые защищают устойчивые представления о своей профессии и профессиональной среде, а также рационализируют как планомерно, так и стихийно складывающиеся отношения между различными сторонами образовательного процесса. При этом учитель выступает как в роли объекта контроля, так и в роли субъекта. Таким образом, наш анализ выстраивался вокруг поиска, уточнения, категоризации форм регулирования и контроля. Затем с опорой на эти данные мы исследовали способы совладания с различными формами регулирования и контроля, практикуемые школьными учителями в условиях цифровизации. В результате получены следующие укрупненные категории: *контроль над учителем; контроль, который осуществляет сам учитель; сопротивление административной системе.*

Контроль над учителем: родительский и административный

В проведенных интервью учителя признавались, что чувствуют давление с двух сторон: со стороны родителей школьников и со стороны школьной администрации. Некоторые еще больше заострили формулировки, говоря, что все участники образовательного процесса враждебно относятся к учителям. При этом учителя отмечали, что сейчас, в эпоху цифровизации, за действиями учителя стало гораздо проще следить, его жизнь (как, впрочем, и жизнь других людей) стала довольно прозрачной для окружающих благодаря социальным сетям и мессенджерам, возможностям поиска и агрегирования информации. Поэтому первым аспектом внешнего контроля над учителем является наблюдение за его онлайн-репрезентациями (то есть образами в социальных сетях и других общедоступных цифровых пространствах). Соответственно, особой задачей, встающей перед учителем в цифровизированной повседневности, является самоконтроль, цензурирование собственных онлайн-практик. В частности, учителя сообщали, что им приходится изменять что-то в личной репрезентации в социальных сетях вплоть до закрытия страниц.

«Лучше закрывать страницу, чтобы они <...> не мониторили тебя 24 на 7» (инт. 41, муж., 27 лет, регион, стаж преподавания 6 лет).

Вторым аспектом внешнего контроля является утрата дистанции между учителем и родителями. В «доцифровой» период обмен информацией происходил между родителями, поддерживающими личное общение. Теперь все проблемы могут обсуждаться открыто

между всеми родителями благодаря чатам в мессенджерах. По мнению И.А. Писаренко и Л.И. Заиченко, чем более высокий уровень цифровой компетентности у родителей, тем активнее они стремятся выразить свою точку зрения по поводу образовательного процесса [9, с. 71]. Благодаря цифровым технологиям современный родитель погружен в бесконечные обсуждения в родительских чатах и различных группах, у него есть более широкий доступ к информации о происходящем в школе. И сами родители получили возможность круглосуточно писать учителям, в том числе предъявлять претензии по поводу оценок своих детей.

«Раньше можно было хотя бы родителям пожаловаться — дома меры приняли бы. Сейчас ты остаешься один на один и как бы пытаешься и научить, и преодолеть сопротивление ребенка к учебе, и тут же присоединяются родители с какими-то нереальными, я не знаю, оценками своего ребенка» (инт. 36, жен., 43 года, регион, стаж преподавания 21 год).

«Я знаю коллегу, у которого возник конфликт с родителем, который тоже был учителем. Коллега — учитель математики. Учитель математики, у него каждый урок превратился в экзамен» (инт. 25, муж., 29 лет, Москва, стаж преподавания 4,5 года).

Третьим аспектом внешнего контроля являются пожелания со стороны администрации, в одних случаях вполне обоснованные и касающиеся соблюдения регламентов (оценивания, сроков выставления оценок, соблюдения формата занятия и др.). Однако в ряде случаев пожелания выражались в форме строгих указаний учителю (например, зависить оценку, чтобы избежать конфликта с родителями ученика). В целом педагоги отмечали, что администрация все реже встает на сторону учителя в спорных ситуациях. В некоторых случаях это приводит не только к профессиональному выгоранию, но и к уходу из профессии.

«...на любой твой урок [в период дистанта] включалась либо администрация, либо департамент. <...> Каждый урок могут подключить, посмотреть, каждый урок может где-то вестись под запись. <...> И тебя тут же проверяли по всей формальности. Это самое страшное, что есть у учителя. <...> Так сказать, сквозь зубы терпишь, но тебе надо быть 100% корректным» (инт. 25, муж., 29 лет, Москва, стаж преподавания 4,5 года).

«Когда я учился, не помню ни одной разборки с учителями, потому что учитель какую-то не такую, по их мнению, оценку им поставил или еще что-то. Сейчас это сплошь и рядом, и что самое ужасное, что на твою сторону не встает руководство. Ни департаменты, ни руководство школы и все остальные» (инт. 41, муж., 27 лет, регион, стаж преподавания 6 лет).

Контроль, который осуществляет сам учитель

Изначально нами предполагалось, что осуществление учительского контроля в условиях цифровизации должно претерпеть изменения, но вектор этих изменений был неясен. В проведенных интервью этот вектор обозначился скорее как утрата привычного контроля над образовательным процессом. В особенности это характерно для обучения на дистанте, где образовательные результаты в итоге оказались ниже ожидаемых. Учителя признавались, что на дистанте только мотивированные ученики готовы учиться, однако от учителя требуют высоких результатов (как правило, измеряемых через баллы ЕГЭ у учеников).

Утрата контроля со стороны учителя увязывается, во-первых, с изменившейся мотивацией школьников и, во-вторых, с его собственной незащищенностью и внешним давлением (что было рассмотрено в предыдущем пункте), а также с субъективно ощущаемым падением престижа профессии учителя.

«[Сейчас] мы имеем меньше рычагов воздействия. <...> И вот это вот, как бы, наша незащищенность как учителей вот в этом цифровом формате, что, по сути, у вас нет рычагов воздействия на ситуацию» (инт. 26, муж., 26 лет, Москва, стаж преподавания 3 года).

«Выгорание наступает быстрее, если раньше ставили [стаж], ну, где-то [через] 25 лет люди должны были выходить на пенсию, сейчас 15 надо ставить. <...> Молодых очень много приходит. Пробуют, но не хватает на год ребят. Вот поэтому я считаю, что это непрестижная сейчас профессия» (инт. 36, жен., 43 года, регион, стаж преподавания 21 год).

Устаревшие учебные планы и вынужденное несоответствие между формальным и реальным содержанием занятий усугубляют это ощущение утраты контроля со стороны учителя.

«Я думаю, Вы учились по тому же учебнику. <...> Он только переиздается в новых обложках, а курс там... он абсолютно не ориентирован на ЕГЭ, что ужасно. <...> У тебя программа стоит, ты должен писать планы, ты должен писать конспекты... на несуществующие уроки, которые ты даже не даешь. На бумаге одно, а по факту, естественно, ты должен учить совсем по-другому» (инт. 41, муж., 27 лет, регион, стаж преподавания 6 лет).

Взаимосвязь форм контроля и форм сопротивления: «новый луддизм»

Приступая к анализу данных, мы ожидали выявить различные форматы сопротивления внедрению цифровизации в образовательный процесс. Опираясь на материалы интервью, мы зафиксировали, что сами по себе аспекты цифровой трансформации образования, и особенно столкновение с ними в период пандемии, в большинстве случаев воспринимаются как вынужденные, стрессовые. Однако до-

статочно неожиданным стал вывод, что сопротивление цифровизации имеет несколько иную подоплеку, не связанную напрямую со «стрессовым» восприятием: учителей прежде всего раздражает бюрократизм образовательной системы в целом. Поэтому мы назвали эту стратегию *сопротивление системе* и подробнее рассмотрим ее далее.

Отметим, что под «системой» преподаватели понимают механизм управления «сверху», без учета потребностей и возможностей самих учителей, перегруженность различными видами отчетности и в ряде случаев необходимость следовать распоряжениям (в том числе неофициальным), с которыми учитель может быть не согласен по идеологическим или этическим мотивам. В результате любое нововведение, в том числе и технологического характера, на фоне негативно воспринимаемой «системы» встречается настороженно.

В то же время, согласно материалам интервью, учителя, в общем, вовсе не против новых технологий. Многие рады использовать цифровые технологии с оговоркой, чтобы это было в «естественном» формате, а не по указанию сверху. Последнее учителя воспринимают не просто как вмешательство в свой стиль преподавания, но и как попытку подменить насущные технологические вопросы сугубо бюрократическими аспектами, порой идущими вразрез с реальными потребностями педагогов. Это касается, в частности, предлагаемых сверху платформ и приложений.

«Если будет [навязывание] сверху, найдется какой-то процент преподавателей, учителей, которые не будут это выполнять категорически, потому что они устроены по-своему. Это, конечно, их право, но они его будут так выражать» (инт. 31, жен., 23 года, регион, стаж преподавания 2,5 года).

«В перспективе — это здорово, но опять же при умном использовании этого всего, этих ресурсов» (инт. 41, муж., 27 лет, регион, стаж преподавания 6 лет).

«Я скорее за все эти [цифровые] истории, просто надо чуть-чуть бред минимизировать. Не надо каждый год менять интерфейс <...>. Ну, кнопки местами поменялись принципиально — справа налево. Ну, естественно, какое-то количество багов и прочих историй. Вот это, конечно, задалбывает. <...> Он [МЭШ] ограничен и очень, честно скажу, неудобная платформа для создания всех вот этих материалов. <...> “Яндекс-класс”, там 10 минут. А тут ты потратишь четыре часа и еще ждешь потом две недели модерации» (инт. 25, муж., 29 лет, Москва, стаж преподавания 4,5 года).

«Мы получили еще один ресурс [МЭШ], который действительно может подстраховать, но не больше. А дальше я не очень понимаю, в чем еще цифровизация» (инт. 20, жен., 40 лет, Москва, стаж преподавания 7 лет).

Как мы отметили ранее, учителя не против самих технологий, но против их внедрения в том режиме, в котором сейчас функционирует «система». Это сопротивление заметно и при описании других, уже устоявшихся практик: таких, например, как заполнение различных обязательных форм в ущерб общению с учениками и ответам на их вопросы или необходимость переходить из кабинета в кабинет для каждого нового урока, там настраивать компьютер и проектор.

«Мы ходим по кабинетам, то есть перемещаемся по этажам и так далее. Мы не успеваем совершенно не то что компьютер там включить, что-то загрузить — вообще даже добежать не успеваем» (инт. 22, жен., 53 года, регион, стаж преподавания 31 год).

«Если бы нас не напрягали всякой ерундой, которую мы должны сделать “Срочно!” еще вчера, то обучение дистанционное — это не такая большая проблема. Даже где-то и плюс, наверное, но эти плюсы мы не осознали, потому что над нами издевались. Тогда мучились, когда мы были на дистанте» (инт. 34, жен., 56 лет, регион, стаж преподавания 34 года).

«Огорчает количество бесполезной писанины. <...> Очень много времени, допустим, на тех же переменах, вместо того чтобы пообщаться с детьми, там, ответить на какие-то дополнительные вопросы или что-то, мы вынуждены, как оглашенные, заполнять кучу, кучу, тысячу всяких бумажек» (инт. 36, жен., 43 года, регион, стаж преподавания 21 год).

Отметим, что учителя из региональных школ чаще, чем учителя из столицы, попадали в ситуации, где ощущали себя беспомощными в противостоянии один на один с «системой». При этом «система» воспринималась ими как бездушная, а условия, которые ею создавались, — как вынужденные.

«Как? Что? Почему? Непонятно. Но всем надо. Кто сказал? Сверху сказали. Не важно как, но надо... <...> Упало на голову нам: вот здесь и сейчас нужно это, этим овладеть, а ты даже не представляешь себе, что это. <...> Есть учителя, которые не могут даже выйти в онлайн, понимаете? То есть это кто-то им должен показать. А кто это будет показывать?» (инт. 41, муж., 27 лет, регион, стаж преподавания 6 лет).

В целом сопротивление «системе» эмпирически можно обозначить как ответную реакцию на требования школьной администрации и родителей учеников. Учителя признавались, что чувствуют давление со стороны и тех и других. Во-первых, ученики вместе с родителями готовы отстаивать свою позицию, пренебрегая авторитетом учителя. Если раньше родитель не мог присутствовать на уроке и вообще был гораздо меньше вовлечен в учебу своих детей, то сейчас школа в зна-

чительной степени взваливает образовательный процесс на семьи. В результате возникает феномен избыточного контроля со стороны родителя не только над процессом обучения, но и над самим учителем. Во-вторых, административные требования использовать только определенные учебные платформы тоже воспринимаются как давление. В этом смысле «луддизмом» можно назвать сопротивление именно бюрократической системе, а не цифровым технологиям как таковым. Это скорее страх перед переменами, которые меняют преподавательскую повседневность и суть которых с учителями не обсуждается. Это неприятие ситуации в том виде, в котором она существует, неприятие давления забюрократизированной системы в целом и новых практик контроля, которые появились в контексте внедрения цифровых технологий в учительскую работу.

По мнению учителей, сама их профессия поменялась в гораздо меньшей мере, чем отношение к преподавателям со стороны других агентов образовательной среды. Это отношение стало потребительским и заметно отличается от того, к чему привыкли учителя, когда сами учились в школе. Ощущение уязвимости, страха, что могут обвинить в несоблюдении правил и регламентов, усугубилось еще большим усложнением «системы», которая, по мнению некоторых опрошенных, стала невыносимой. В этих условиях падение качества образования, которое произошло после пандемийного дистанта, можно рассматривать не как следствие того, что учителя не справились с цифровыми технологиями, а как результат того, что они были измотаны общей борьбой с «системой», которая к тому же на глазах усложнялась.

Заключение и обсуждение

Хотя процесс технологических (цифровых) изменений школы уже имеет долгую историю, необходимость экстренной и вынужденной цифровизации на фоне эпидемии COVID оказалась во многом неожиданной и для администрации школ, и для учителей, и для учеников с родителями. Несмотря на то что цифровизация школьного образования является более широким процессом, выходящим далеко за рамки пандемийного опыта и включающим, помимо развития практик дистанционного преподавания, интеграцию в образовательный процесс технологии искусственного интеллекта, AR/VR и т. д., в восприятии учителей она предстает в первую очередь как переход на дистант и ассоциируется с активной фазой пандемии. В это время скорость цифровых изменений стала своего рода стресс-тестом для школьных практик. В психологии распространение получило понятие «техностресс», обозначающее особое состояние взрослого человека, незнакомого с компьютерными технологиями и стоящего перед необходимостью их быстрого освоения [25]. В контексте же прошедшей эпидемии этот термин вполне может быть социологизирован и при-

меняться в отношении институциональных и профессиональных вызовов и изменений.

Основное изменение, произошедшее в период «техностресса», — возникновение новой институциональной формы, получившей в литературе обозначение «перевернутого класса» (flipped classroom) [23]. На смену доске и мелу пришел формат видеоконференции, вместо синхронного обучения возникло обучение асинхронное, обсуждения в классе сменились расширенной домашней работой, как индивидуальной, так и групповой. В условиях российской школы такая конструкция оказалась неустойчивой и хрупкой, она стремительно утратила свои завоеванные позиции сразу после завершения пандемии. Не в последнюю очередь причиной такой неустойчивости стало сопротивление учителей, которое мы находим подобным явлению луддизма, движения английских кустарных рабочих и ремесленников первой четверти XIX в. против введения нового производственного оборудования. И для английских рабочих, и для современных учителей угрозой выступают не технологии как таковые, но изменившиеся социальные условия, или, говоря конкретнее, их заметное ухудшение.

Надзор, контроль, как и устойчивость, сопротивление ему, являются неотъемлемой частью повседневности в эпохи модерна и постмодерна. Однако изменение форм контроля, связанное с технологическими и/или социальными переменами, способно оказаться болезненным и заметным. Эта заметность контроля проявила себя в условиях «пандемийной цифровизации» школы. Проблема технологического обновления оказывается проблемой социального изменения и адаптации к нему. Мы фиксируем изменение форм контроля в нескольких контекстах, каждый из которых видится нам точкой конфликта. В вертикальной системе школьного управления — когда урок (будь то текст, презентация или непосредственное действие учителя) становится «прозрачным», что ставит под вопрос профессиональную автономию учителя и его способность выполнять ответственное и осмысленное действие. При этом и внутриклассные отношения меняются в контексте контроля. С одной стороны, открытость удаленного урока создает возможность присутствия на уроке родителей и усиления контроля и критики с их стороны, что оказалось совершенно неожиданной и болезненной практикой для интервьюируемых учителей. С другой стороны, учитель теряет конвенциональные способы контроля над классом в условиях удаленных занятий. Большинство из наших респондентов говорят о негативных последствиях такой утраты. Новые способы контроля в условиях удаленного или гибридного обучения лишь предстоит сформировать.

Если исторический проигрыш и уход английских луддитов, артельных рабочих, был предрешен, то относительно учителей такое предположить невозможно. Даже самые смелые проекты по технологическому

преобразованию школы не подразумевают полного отказа от учителя, хотя и меняют его позицию некоторым образом. Основным вызовом на фоне «техностресса» для учителя и — шире — для института школы стало изменение практик контроля. «Луддизм» учителей не принимает форму отказа от цифровых технологий, однако связан с противодействием изменениям школы как особой технологической системы с устойчивыми практиками контроля, дисциплины и нормирования. На этом фоне можно говорить о новом сопротивлении учителей этим практикам. До тех пор пока новые средства контроля не станут для учителей понятными, нормализованными, учительское сопротивление может принимать масштабный характер. Таким образом, институциональные изменения, связанные с цифровизацией школьного образования, встречают на своем пути сопротивление учителей и испытывают тем самым «эффект блокировки» в терминах Д. Норта [6].

Идея фукольдианского Паноптикума подразумевает скрытность наблюдателя и открытость наблюдаемого. В этом аспекте она вызвала критику в доковидный период. В допандемийной школе учителя прекрасно понимали, что за ними ведется постоянное наблюдение, и они также знали, кем оно ведется и как. Таким образом, учителя не работали исключительно в среде классического Паноптикума, для этой формы нормализованной «открытости», «видимости» учителя может более подойти другая метафора. Ее предложил британский социолог Я. Габриэл, с его точки зрения, позицию учителя можно определить как прозрачную «стеклянную клетку» (с одновременной отсылкой к Паноптикуму и «железной клетке» М. Вебера) [20]. Метафора стеклянной клетки сохраняет фундаментальную концепцию Паноптикума с его акцентом на наблюдение, однако в случае со стеклом наблюдение открытое — можно увидеть и наблюдателя.

В контексте постпаноптической логики Я. Габриэла в литературе оцениваются различные стратегии по преодолению контроля, техник сопротивления и противодействия, используемые учителями [28]. Это противодействие учителей в ответ на перформативный «проектор» отличается от стратегии открытого неповиновения, речь идет скорее о *скрытых средствах адаптации и выработке собственных технологий контроля*. Кризисное обучение делает стеклянную клетку вновь непрозрачной (хотя бы на время), при этом учителя в условиях стремительных технологических изменений не успевают выработать адекватные замены тем стратегиям, что имелись в их арсенале до прихода пандемии.

Мы видим, что оценки процесса цифровизации российской школы в период COVID-19 со стороны учителей носят амбивалентный, противоречивый характер. Однако цифровые технологии вызывают опасения и противодействие скорее в области расширенного и альтернативного контроля, воздействия административной системы. Именно

в этом контексте учителя обозначают беспокойство и страх по поводу девальвации своего авторитета и автономии, утраты привычных и надежных методик преподавания, которые с трудом поддаются адаптации в цифровых реалиях.

В ходе исследования мы не обнаружили в чистом виде сопротивления предлагаемым цифровым новшествам, но увидели фоновое сопротивление «системе» (особенно в региональных школах), и, по нашему мнению, этот фон можно рассматривать как фактор, осложняющий принятие и развитие цифровой трансформации в школах. Оказалось, что «луддизм» — это не проблема технологизации образования как таковой. Это скорее многослойная социально-профессиональная проблема, связанная с уменьшением свободы и творчества в работе учителя и с разветвлением бюрократической системы, которая «проламывает» оборону педагога, увеличивая документооборот и усиливая контроль над содержанием урока. Проведенные интервью показывают, что учителя воспринимают себя как контролируемых со всех сторон, при этом сами они почти не имеют возможности осуществлять полноценный и независимый контроль даже в рамках своих рабочих задач. Если традиционные формы оценки и контроля деятельности учителя довольно хорошо изучены и представлены, в частности, в таких масштабных исследованиях, как TALIS (Международное исследование учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения), то новые способы контроля требуют более глубокого изучения. Особый интерес представляет процесс дальнейшей адаптации современного учителя к новым цифровым реалиям, в которых другие участники образовательного процесса получают расширенный доступ к наблюдению за работой педагога посредством цифровых возможностей.

Необходимо обозначить ограничения выбранного нами исследовательского дизайна и аналитической рамки. Реализуя исследование, мы обращались к интервью с учителями, поэтому данные об остальных акторах образовательного процесса являются опосредованными, идущими через восприятие учителей. Соответственно, в основу анализа данных положены, во-первых, проекция именно учительского взгляда на процесс цифровой трансформации школы, то есть взгляда тех, кто в непосредственной профессиональной практике передает знания; во-вторых, идея, что участники процесса цифровой трансформации не одинаковы по своим функциям, так как занимают в нем неодинаковое положение, и что именно без учителя процесс передачи знаний происходить не может. Учитель для нас в этом смысле ключевая фигура образовательного процесса функционально, но не иерархически, что и показывают наши выводы о многостороннем контроле. Мы понимаем некоторую смещенность интерпретации, к которой может привести данная особенность подхода, и рассчитываем, что дальнейшие исследования позволят дополнить наши результаты анализом

позиций других акторов (представителей школьной администрации и муниципальных органов управления образованием, администраторов электронных образовательных платформ и др.).

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ²

1. *Барт Р.* Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 2004. — 314 с.
2. *Бекова С.К., Терентьев Е.А., Малошенок Н.Г.* Образовательное неравенство в условиях пандемии COVID-19: связь социально-экономического положения семьи и опыта дистанционного обучения студентов // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 74–92. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-74-92 EDN: KYFOZH
3. *Бурдье П., Пассрон Ж.-К.* Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Просвещение, 2007. — 267 с. EDN: TZRPON
4. *Исаева Н.В., Каспржак А.Г., Кобцева А.А., Цатрян М.А.* Школьный барометр. COVID-19: ситуация с учением и обучением в российских школах // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 92–109.
5. *Негри А., Хардт М.* Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. — 559 с.
6. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с. EDN: YQDVYE
7. *Омельченко Е.А.* Образование детей из семей международных мигрантов в условиях пандемии // Этнодиалоги. 2020. № 3 (61). С. 54–64. DOI: 10.37492/ETNO.2020.61.3.002 EDN: VOZZQO
8. *Петракова А.В., Канонир Т.Н., Куликова А.А., Орел Е.А.* Особенности психологического стресса у учителей в условиях дистанционного преподавания во время пандемии COVID-19 // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 93–114. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-93-114 EDN: JYFVZN
9. *Писаренко И.А., Заиченко Л.И.* Родители как субъекты влияния на развитие цифровых навыков детей // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 54–80. DOI: 10.19181/inter.2021.13.2.4 EDN: IRUFSSK
10. *Радина Н.К., Балакина Ю.В.* Вызовы образованию в условиях пандемии: обзор исследований // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 178–194. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-178-194 EDN: BCWDKE
11. *Рубашкин Д.Д.* Информатизация образования и формирование учебной среды школы: новые квалификации учителя // Вопросы образования. 2010. № 4. С. 85–100. DOI: 10.17323/1814-9545-2010-4-85-100 EDN: NCQNPZ

² Полный список литературы см. в References.

12. Сапрыкина Д.И., Волохович А.А. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей. М.: НИУ ВШЭ, 2020. — 32 с.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 2018. — 480 с.
14. Черненко И.М., Кельчевская Н.Р., Пельмская И.С., Алмусаеди Х.К.А. Возможности и угрозы цифровизации для развития человеческого капитала на индивидуальном и региональном уровнях // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 4. С. 1239–1255. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-14 EDN: ZCNEUY

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Попов Дмитрий Сергеевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (916) 674-38-33. **Электронная почта:** dmtrppv@gmail.com

Стрельникова Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (495) 772-95-90, доб. 12018. **Электронная почта:** astrelnikova@hse.ru

Григорьева Екатерина Александровна — младший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (499) 723-38-40. **Электронная почта:** yreewda@gmail.com

Дата поступления: 18.11.2022.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.

VOL. 29. NO. 1. P. 55–77. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.3

Research Article

DMITRY S. POPOV¹, ANNA V. STRELNIKOVA^{1,2}, EKATERINA A. GRIGOREVA¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

² HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

RUSSIAN HIGH SCHOOL TEACHERS IN THE FACE OF ONGOING TECHNOLOGICAL CHANGE: HEADING TOWARDS A NEW LUDDISM?

Abstract. In many countries, including Russia, the COVID-19 epidemic became a catalyst for the technological, “digital” renewal of the school educational process. This renewal occurred rapidly and, in some respects, chaotically, therefore it was described in literature using a special term — “emergency teaching”. Teachers resisting change is sometimes seen as the main reason for the stability and conservatism of schools, as well as for the failed attempts to introduce innovations. Drawing a parallel between modern teachers and Luddites, it is important to assess not only resistance to technological change, but also the social consequences of these changes for the school and for teachers. This

article is based on the materials of a long-term observation of Russian school teachers, implemented using qualitative research logic during the time of the most active spread of COVID in 2020–2022. The study revealed the difficulties that teachers face in integrating digital practices into the emergency educational process, as well as their fears related to prospects of a crisis in the profession of teaching. One component of this looming crisis is the expansion of external formal control, as well as the teachers themselves losing control, with the prospect (and fear) of losing autonomy and the teaching profession losing its creative element.

Keywords: digitalization; Luddism; high school education; teachers; the profession of teaching; emergency teaching.

For citation: Popov, D.S., Strelnikova, A.V., Grigoreva, E.A. Russian High School Teachers in the Face of Ongoing Technological Change: Heading Towards a new Luddism? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 55–77. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.3

REFERENCES

1. Bart R. Mythologies. [Russ. ed.: *Mifologii*. Transl. from French, foreword and comments by S. Zenkin. Moscow: Izd-vo M. i S. Sabashnikovych publ., 2004. 314 p.]
2. Bekova S.K., Terent'ev E.A., Maloshonok N.G. Educational Inequality and COVID 19 Pandemic: Relationship between the Family Socio-Economic Status and Student Experience of Remote Learning. *Voprosy obrazovaniya*. 2021. No. 1. P. 74–92. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-74-92 (In Russ.)
3. Burd'e P., Passron Zh.-K. Reproduction: elements of the theory of the education system. [Russ. ed.: *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya*. Transl. from French by N. Shmatko. Moscow: Prosveshchenie publ., 2007. 267 p.]
4. Isaeva N.V., Kasprzhak A.G., Kobtseva A.A., Tsatryan M.A. School barometer. COVID-19: the situation with teaching and learning in Russian schools. *Analiticheskii byulleten' NIU VShE ob ekonomicheskikh i sotsial'nykh posledstviyakh koronavirusa v Rossii i v mire*. [Analytical Bulletin of the National Research University Higher School of Economics on the economic and social consequences of the coronavirus in Russia and in the world.] Moscow: NIU VShE publ., 2020. P. 92–109. (In Russ.)
5. Negri A., Khardt M. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. [Russ. ed.: *Mnozhestvo: voina i demokratiya v epokhu imperii*. Transl. from Eng. by V.L. Inozemtsev. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya publ., 2006. 559 p.]
6. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki. [Russ. ed.: *Institutions, institutional change and economic performance*. Transl. from Eng. by A.N. Nesterenko. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala" publ., 1997. 180 p.]
7. Omel'chenko E.A. Education of children from families of international migrants in a pandemic. *Etnodialogi*. 2020. No. 3 (61). P. 54–64. DOI: 10.37492/ETNO.2020.61.3.002 (In Russ.)
8. Petrakova A.V., Kanonir T.N., Kulikova A.A., Orel E.A. Peculiarities of Psychological Stress in Teachers in Distance Teaching During the COVID-19 Pandemic. *Voprosy obrazovaniya*. 2021. No. 1. P. 93–114. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-93-114 (In Russ.)
9. Pisarenko I.A., Zaichenko L.I. Parents as subjects of influence on the development of children's digital skills. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 54–80. DOI: 10.19181/inter.2021.13.2.4 (In Russ.)
10. Radina N.K., Balakina Yu.V. Challenges to Education in a Pandemic: A Review of Research. *Voprosy obrazovaniya*. 2021. No. 1. P. 178–194. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-178-194 (In Russ.)

11. Rubashkin D.D. Informatization of education and the formation of the educational environment of the school: new teacher qualifications. *Voprosy obrazovaniya*. 2010. No. 4. P. 85–100. DOI: 10.17323/1814-9545-2010-4-85-100 (In Russ.)
12. Saprykina D.I., Volokhovich A.A. *Problemy perekhoda na distantsionnoe obuchenie v Rossiiskoi Federatsii glazami uchitelei*. [Problems of transition to distance learning in the Russian Federation through the eyes of teachers.] Moscow: NIU VShE publ., 2020. 32 p. (In Russ.)
13. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my*. [Discipline and Punish: The Birth of the Prison.] Transl. from French by V. Naumov, ed. by I. Borisova. Moscow: Ad Marginem publ., 2018. 480 p. (In Russ.)
14. Chernenko I.M., Kel'chevskaya N.R., Pelymskaya I.S., Almusaedi Kh.K.A. Opportunities and threats of digitalization for the development of human capital at the individual and regional levels. *Ekonomika regiona*. 2021. Vol. 17. No. 4. P. 1239–1255. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-14 (In Russ.)
15. Barbour M.K., et al. Understanding Pandemic Pedagogy: Differences Between Emergency Remote, Remote, and Online Teaching. A special report of the State of the Nation: K-12 E-Learning in Canada project. *Canadian eLearning Network*. 2020. DOI: 10.13140/RG.2.2.31848.70401
16. Bauman Z., Lyon D. *Liquid surveillance: A conversation*. Malden, MA: Polity Press, 2013. 152 p.
17. Biagi F., Loi M. Measuring ICT Use and Learning Outcomes: evidence from recent econometric studies. *European Journal of Education*. 2013. Vol. 48. No. 1. P. 28–42. DOI: 10.1111/ejed.12016
18. Collins A., Halverson R. *Rethinking Education in the Age of Technology: The Digital Revolution and Schooling in America*. N.Y.: Teachers College Press, USA, 2009. 192 p.
19. Frank K.A., Zhao Y., Borman K. Social Capital and the Diffusion of Innovations Within Organizations: The Case of Computer Technology in Schools. *Sociology of Education*. 2004. Vol. 77 (2). P. 148–171. DOI: 10.1177/003804070407700203
20. Gabriel Y. Spectacles of Resistance and Resistance of Spectacles. *Management Communication Quarterly*. 2008. Vol. 21. No. 3. P. 310–326. DOI: <https://doi.org/10.1177/0893318907309931>
21. Haelermans C., Ghysels J., Prince F. Increasing performance by differentiated teaching. *British Journal of Educational Technology*. 2015. Vol. 46. P. 1161–1174. DOI: 10.1111/bjet.12209
22. Hope A. Retooling school surveillance research. Foucault and (post)panopticism. *Social Theory and Education Research*. 2nd Edition. L.: Routledge, 2022. P. 65–84. DOI: 10.4324/9781003156550-6
23. Latorre-Coscolluela C., Suárez C., Quiroga S., Sobradie-Sierra N., Lozano-Blasco R., Rodríguez-Martínez A. Flipped Classroom model before and during COVID-19: using technology to develop 21st century skills. *Interactive Technology and Smart Education*. 2021. Vol. 18. No. 2. P. 189–204. DOI: 10.1108/ITSE-08-2020-0137
24. Manokha I. Surveillance, Panopticism, and Self-Discipline in the Digital Age. *Surveillance & Society*. 2018. Vol. 16. No. 2. P. 219–237. DOI: 10.24908/ss.v16i2.8346
25. Mat Nang A.F., Maat S.M., Mahmud M.S. Teacher technostress and coping mechanisms during Covid-19 pandemic: A systematic review. *Pegeg Journal of Education and Instruction*. 2022. Vol. 12. No. 2. P. 200–212. DOI: 10.47750/pegegog.12.02.20
26. Noble D. *Progress without people: New Technology, Unemployment, and the Message of Resistance*. Toronto: Between the Lines, 1995. 166 p.
27. Odell B., Cutumisu M., Gierl M. A scoping review of the relationship between students' ICT and performance in mathematics and science in the PISA data. *Social Psychology of Education*. 2020. Vol. 23. P. 1449–1481. DOI: 10.1007/s11218-020-09591-x

28. Page D. The visibility and invisibility of performance management in schools. *British Educational Research Journal*. 2015. Vol. 41. No. 6. P. 1031–1049. DOI: 10.1002/berj.3185
29. Rogers E.M. *Diffusion of innovations*. 1st ed. N.Y.: Free Press of Glencoe. 1962. 367 p.
30. Rogers E.M. *Diffusion of innovations*. Fifth Edition. N.Y.: Free Press. 2003. 576 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry S. Popov — Candidate of Sociological Sciences, Lead Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, **Phone:** +7 (916) 674-38-33. **Email:** dmtrppv@gmail.com

Anna V. Strelnikova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, HSE University; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Phone: +7 (495) 772-95-90, ext. 12018. **Email:** astrelnikova@hse.ru

Ekaterina A. Grigoreva — Junior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Phone: +7 (499) 723-38-40. **Email:** yreewda@gmail.com

Received: 18.11.2022.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.4

EDN: JKZUTK

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ¹, П.А. АМБАРОВА¹

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.
620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

МОБИЛИЗАЦИЯ РЕСУРСНОСТИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ: ОТ ПРОБЛЕМЫ К КОНЦЕПЦИИ¹

Аннотация. Статья посвящена проблемам мобилизации ресурсности научно-педагогического сообщества (НПС) в российских вузах, а также возможностям ее концептуализации. Обосновывается особая роль этого сообщества как драйвера развития конкретных вузов, высшего образования, российских регионов и общества в целом за счет переоценки и актуализации всех видов его ресурсов. Показано, что развитие ресурсности НПС и тонкая настройка управления ею становятся одним из основных факторов повышения конкурентоспособности российского высшего образования в сложных современных условиях. Разработка способов мобилизации ресурсности сообщества превращается в важнейшую управленческую проблему высшей школы. Статья направлена на формирование контуров научной концепции мобилизации ресурсности НПС как основы практик университетского управления. Задачами статьи являются рассмотрение таких ключевых проблем, как социологическая трактовка НПС в контексте его ресурсов и возможностей их мобилизации, интерпретация понятия и структуры ресурсности НПС, а также сущности и особенностей мобилизационного подхода к управлению ресурсностью сообщества. Суть такого подхода предлагается раскрывать через понятие управленческой стратегии, направленной на поиск, конвертацию и фокусирование дефицитных ресурсов сообщества в интересах национальной и университетской программы развития высшего образования. В качестве объекта концепции рассматривается НПС как социально-профессиональная и научно-образовательная общность. Предметом выступают традиционная и новая ресурсность сообщества и мобилизационное управление ею. В качестве условия эффективности такого управления показан новый подход к оценке ресурсности НПС, предполагающий комплексную диагностику объективных и субъективных ее аспектов, а также глубокую дифференциацию структуры ресурсов сообщества — социально-демографических, образовательно-педагогических, научно-квалификационных, публикационных, морально-идеологических, символических, коммуникативных, темпоральных и др.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>

Ключевые слова: научно-педагогическое сообщество (НПС); ресурсность НПС; мобилизация ресурсности; университетское управление.

Для цитирования: Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Мобилизация ресурсности научно-педагогического сообщества в российских вузах: от проблемы к концепции // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 78–96. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.4 EDN: JKZUTK

Введение

Будущее высшего образования в России в значительной мере зависит от вклада научно-педагогического сообщества в его развитие [12]. В свою очередь, вовлеченность НПС и результативность его участия могут быть усилены за счет мобилизации ресурсности этой ключевой социально-профессиональной общности. Актуальность социологического исследования этого вопроса обусловлена отсутствием четких научных и практических представлений о том, какими инструментами университетского управления можно активизировать ресурсность НПС в сложных условиях функционирования отечественного высшего образования.

За годы реформирования высшего образования развитие кадрового потенциала российских вузов приобрело «рваную» динамику. В одних вузах произошло наращивание ресурсного потенциала НПС, в других — его истощение [17]. В то же время можно отметить возникновение общих для НПС всех российских вузов проблем. Среди них — ослабление связей с зарубежными партнерами, «утечка мозгов», ограничение возможностей академического развития в контексте мировых трендов, активно продвигать российскую науку и образование в глобальном пространстве, свободно осуществлять обмен знаниями и академическую мобильность [18]. В таких условиях сохранение, а тем более повышение конкурентоспособности российского высшего образования превращаются в управленческую проблему, решение которой требует новых подходов к формированию, сохранению и развитию ресурсности НПС.

Очевидными становятся следующие противоречия: между необходимостью новой кадровой политики и недостаточностью ее проработки в стратегиях развития университетов; между требованием непрерывного повышения ресурсного потенциала НПС университетов, качества его деятельности и отсутствием эффективной системы академического развития; между задачей вовлечь в программу «Приоритет-2030» массовый сегмент российских вузов и низким уровнем актуализированной ресурсности региональных университетов.

Одним из способов научного объяснения указанных противоречий и научной основой практического их разрешения является разработка социологической концепции мобилизации ресурсности

НПС в российских вузах. Эта концепция способна объединить теоретическое и эмпирическое знание о ресурсном потенциале НПС и его роли в развитии российского высшего образования. Концепция также может дать обоснование возможностей мобилизации ресурсов НПС с целью повышения конкурентоспособности отечественной высшей школы в глобальном, национальном и региональном образовательных пространствах. В настоящей статье рассматривается новая модель университетского управления, ориентированная на мобилизацию как традиционных, так и новых ресурсов НПС, которые отличаются слабой формализацией, трудностями измерения и отсутствием практических возможностей их использования для решения стратегических задач развития вузов. Исследование такой модели университетского управления открывает новое направление в развитии социологической теории ресурсной мобилизации и социологии высшего образования.

Обзор исследований и контуры концепции

Теоретической основой разработки концепции мобилизации ресурсности НПС в российских вузах выступают теории социальной мобилизации, ресурсной мобилизации и концепция мобилизационного управления. Основы теории социальной мобилизации были изложены в ряде работ, имеющих межотраслевой и междисциплинарный характер. Среди них выполненные на стыке политологии, психологии, политической социологии и социологии общественных движений работы А. Этциони [29], П. Стэнлиэнда [37], Роджерса [35]. Теоретическую разработку понятия и феномена социальной мобилизации в отечественной науке осуществляли И.А. Климов [11], Е.А. Здравомыслова [9], Л.Л. Шпак [15; 19].

Согласно работе Дж. МакКарти и М. Залда, теория ресурсной мобилизации была предназначена для рассмотрения рациональных оснований возникновения общественных движений и объяснения их успешных действий по изменению социальной действительности [33]. Сегодня теория ресурсной мобилизации объясняет успешность движений за гражданские права, права бездомных, Национальной организации женщин, «арабской весны», сетевых инициатив типа MoveOn.org (платформы для создания петиций за социальные изменения) [21; 24]. Современные трактовки групповой организации и коллективного действия, институциональных механизмов и способов приобретения ресурсов социальными субъектами нашли отражение в работах Д.М. Кресса и Д. Сноу [26], К. Дженкинса [30].

Проблема мобилизационного управления в российской науке ставится в контексте взаимодействия органов власти и местных сообществ. Так, Л.Л. Шпак и Ю.В. Токмашева предметом своего исследования сделали активистские социально-мобилизационные способности

общества, рассмотрев их сквозь призму взаимодействия муниципальных служащих с населением в интересах развития инициативности местных сообществ [19]. Другой сферой приложения концепции мобилизационного управления стали предпринимательство и менеджмент. В.Л. Василенко и Д.С. Бразевич, анализируя современное содержание управленческих социально ориентированных технологий мобилизующего развития для сферы предпринимательства, предложили понимать мобилизующий менеджмент как управление, раскрывающееся «от человека, его потребностей и целей, от превращения знаний, опыта и достижений научно-технического прогресса в производительную силу» [3, с. 191]. В теории менеджмента понятие мобилизационного управления является устоявшимся, а его проблематика актуализируется в связи с перманентными кризисными состояниями в экономике и социальной сфере. Об этом свидетельствуют работы Дж. Зельтцер [36] и М. Бурдаже [25].

В предметном поле социологии высшего образования мобилизационное университетское управление практически не представлено. Исключение составляют исследовательские проекты, реализованные в нескольких университетах развивающихся стран. Именно в этих университетах остро стоит вопрос актуализации ресурсов для их развития, поиска источников компенсации ресурсных дефицитов по всем направлениям деятельности НПС [34; 39]. Если обобщить работы российских исследователей университетского управления, то публикаций, посвященных идеологии мобилизационного менеджмента, окажется немного [16]. И практически отсутствуют работы, выводящие понятие мобилизационного управления и сам его феномен на уровень концептуализации. Все вышесказанное, с одной стороны, свидетельствует о предпосылках разработки социологической концепции мобилизации ресурсности НПС, а с другой — об отсутствии в этой области серьезных теоретических и эмпирических работ.

Исследование обозначенной проблемы ориентировано на ее концептуализацию и обоснование мобилизации ресурсности НПС как управленческой стратегии, направленной на поиск, конвертацию и фокусирование дефицитных ресурсов сообщества в интересах национальной и университетской программы развития высшего образования. Цель концепции² заключается в разработке нового подхода к оценке и использованию ресурсности НПС для реализации стратегии устойчивого развития университетов в сложных условиях функционирования высшего образования. В качестве объекта концепции будем понимать научно-педагогическое сообщество,

² В понимании структуры социологической концепции мы исходим из трактовки, изложенной в: [6, с. 46].

предмета — ресурсность сообщества и ее мобилизацию, направленную на достижение значимых целей развития высшего образования.

Характеризуя предметную область концепции — ресурсность сообщества, а также проблемы ее мобилизации, отметим, что под ресурсностью мы понимаем взаимосвязанную совокупность самых разнообразных ресурсов представителей этой социально-профессиональной и научно-образовательной общности — социально-демографических, образовательно-педагогических, научно-квалификационных, публикационных, морально-идеологических, символических, коммуникативных, темпоральных и др.

Подчеркнем, что к ресурсности сообщества можно отнести наличие у него человеческого капитала того или иного уровня. В самом общем виде под человеческим капиталом НПС мы понимаем взаимосвязь у его представителей необходимых знаний, умений, навыков с определенным уровнем педагогической и научно-образовательной мотивации, включая сформированное профессиональное самоопределение, ценностные ориентации на профессиональный педагогический труд, научно-исследовательскую деятельность, самореализационную активность, личностное стремление к успешности и достижениям. Человеческий капитал НПС включает также владение коммуникациями, культурным, нравственно-этическим и социальным капиталом. Благодаря ресурсному подходу человеческий капитал НПС трактуется нами как совокупность накопленных его представителями когнитивных, поведенческих и предиктивных ресурсов. Совокупность и взаимосвязь названных выше ресурсов НПС создают необходимые условия для их мобилизации, все полномочия по реализации которой осуществляет система управления высшим образованием и университетское управление в вузах.

Благодаря такой методологии возникает возможность получить новую оптику рассмотрения ресурсности НПС и управления ею, отвечающую сложной структуре человеческих активов университета. Предлагаемая методологическая стратегия, сочетающая различные методы, позволит сформировать массив научных данных, остро востребованных сегодня не только в социологической теории высшего образования, но и в практиках трансформирующегося университетского управления. С помощью такой методологии может быть сформировано иное социологическое знание о ресурсном потенциале НПС, позволяющее сконструировать новую его типологию по «ресурсному» критерию и предложить способы ее интеграции в модель мобилизационного университетского управления в условиях кризиса российского высшего образования. При этом акцент делается на необходимости и возможности управления трудно формализуемыми ресурсами НПС (коммуникативными, сетевыми, ценностными, мотивационными,

проектной культурой, доверием, солидарностью) и частично формализуемыми ресурсами (временными; готовностью к научной, инновационной, публикационной активности; способностью к самоорганизации и саморегулированию).

Социологическая трактовка НПС в контексте концепции мобилизации его ресурсности

В социологической науке сложились трактовки НПС, с одной стороны, как особой социальной (социально-профессиональной) и образовательной общности, а с другой — как профессионального сообщества [8; 28; 31; 41]. Понятие социальной общности позволяет рассматривать НПС как относительно целостное социальное образование, обладающее интегративными характеристиками. Среди них — ценностные ориентации и интересы (социальные, профессиональные, корпоративные), ресурсы, стратегии поведения, образ жизни, коллективная идентичность, представления о профессии, будущем, своей истории. В.А. Ядов, определяя содержание понятия социальной общности, также указывал на сходство условий бытия и деятельности людей, составляющих данную общность, близость их взглядов, верований, субъективных представлений о целях и средствах деятельности [20, с. 17–18].

В контексте проблемы мобилизации ресурсности НПС особое значение приобретает положение теории социальной общности о способности такой общности выполнять функции самостоятельного субъекта социального действия (то есть способности к коллективному поведению) благодаря наличию у нее специфических ресурсов [7, с. 109–110]. В этом смысле теория социальной общности сопрягается с теорией ресурсной мобилизации, которая во главу угла ставит сходный тезис. Из этого следует вывод об особой функции НПС — как структурного элемента системы и института высшего образования, чья ресурсность встроена в системный и институциональный потенциал высшей школы, и одновременно как самостоятельного актора, автономно организующего общественные интересы достаточно большой группы людей. Данное обстоятельство, скорее всего, будет представлять и сложность, и преимущество для университетского управления, поскольку последнее сможет использовать те ресурсы НПС, формированием и развитием которых оно не занималось, но в то же время не будет иметь возможности прямо влиять на них и, соответственно, отчуждать их. Для этого НПС должно выдать университетскому менеджменту своеобразный мандат на основании символического договора или доверия. Еще одна трудность может заключаться в том, что часть университетского менеджмента, не интегрированная в академическое сообщество, имеет слабое представление о ресурсном потенциале НПС.

Особенностью НПС как сообщества является наличие у его представителей общих целей, базирующихся на признании совпадающих социокультурных ценностей. НПС выполняет важнейшие функции, связанные с реализацией профессиональных задач, регулированием внутриобщностных отношений и внешних коммуникаций [40; 42], с защитой коллективных интересов, солидаризацией и консолидацией, укреплением своих позиций в обществе. В реализации названных функций ресурсность НПС играет роль системного фактора. Высокоресурсные общности могут выступать партнерами университетского управления и стейкхолдеров, а не просто выполнять их социальный заказ. Они способны формулировать, предлагать и продвигать свое видение развития университетов, экономики и общественных отношений. Таким образом, ресурсность НПС служит основанием для сохранения символа академической профессии [22] или, в случае его трансформации, обеспечивает соблюдение интересов НПС [5; 2]. Важной особенностью профессиональных сообществ является наличие у них сильного профессионально-этического кодекса [23; 38], не только обеспечивающего регулирование внутриобщностных отношений, но и устанавливающего символические границы НПС внутри сложно структурированного университетского мира и одновременно коллаборативные связи с НПС других университетов в других странах [32].

НПС как научно-образовательная общность традиционно характеризовалось доминантой научно-образовательной деятельности. Сегодня трансформация академической профессии влечет за собой глубокие изменения в структуре профессиональной деятельности НПС и роли академического профессионала [13], порождая конфликты, напряжения [1] и одновременно задавая новый вектор развития сообщества. Для концептуализации мобилизационного управления ресурсностью НПС данный тезис важен в связи с тем, что он указывает на востребованность новых ресурсов преподавателей и исследователей высшей школы. И, возможно, университетское управление может внести свой вклад не только в процесс наращивания новых компетенций НПС и создание условий приобретения новой ресурсности, но и в конструирование ее дизайна, поскольку будет выступать в качестве своеобразного социального инженера.

Данный вектор развития НПС и университетского управления ограничен такими общностными характеристиками НПС, как установка на корпоративную автономию, инерционность и саморегулирование. Отсутствие у НПС институциональных и организационных условий для освоения новых профессиональных ролей не способствует возникновению у него мотивации на освоение инновационной, проектной или предпринимательской функции. Сосредоточенность

на первой и второй миссиях университета (образование и наука) определяет качество ресурсности НПС и ее отличия от ресурсности НПС зарубежных университетов. При этом среди двух обозначенных миссий для большинства представителей российского НПС, общая численность которого достигает сегодня более 300 тыс. человек [10, с. 306], образование остается приоритетным [14; 27].

Характеристика ресурсности НПС

НПС выступает носителем уникальной человеческой ресурсности [8]. Благодаря этой ресурсности НПС обладает возможностью позитивно влиять как на развитие высшего образования и общества в целом, так и на процессы преодоления кризиса в них.

Понятие ресурсности мы трактуем как интегративное, отражающее запас актуальных и потенциальных ресурсов социальной общности, способных, по Э. Гидденсу, в процессе производства и воспроизводства социальных практик включаться в отношения преобразования [4, с. 60]. Для анализа феномена ресурсности НПС важно понимание ее общей структуры и структуры каждого ресурса в отдельности, а также связей и взаимозависимостей между ресурсами. В основу классификации ресурсов НПС могут быть положены социальные характеристики представителей сообщества, востребованные в производстве основных научно-педагогических практик (видов профессиональной деятельности) и способные конвертироваться в их результаты. Дополнительным параметром ресурсности НПС выступает ее количественное и качественное измерение. На рисунке представлена общая структура ресурсности НПС с акцентом на наиболее значимые ее эмпирические референты.

Для каждого вида деятельности и каждой профессиональной роли НПС актуализируется значение определенных групп ресурсов. Между тем их взаимосвязанность отражает синкретическую природу академической профессии. Так, для современного преподавателя вуза актуальны не только его квалификационные или педагогические ресурсы, но и научный потенциал, реализованный в способности вовлекать студентов в науку, транслировать им научное знание, создавать научную основу их будущей профессиональной культуры, формировать современную научную картину мира. В этой же профессиональной роли не менее востребованы ресурсы, актуальные для инновационной и проектной деятельности, поскольку они способны обеспечить практическую ориентированность обучения и конвертироваться в креативность мышления и паттерны инновационного поведения студентов.

Рис. Структура ресурсности НПС

Ресурсность НПС выступает как элемент ресурсности университетов в целом. При этом она может стать «ядром» ресурсности вуза, поскольку содержит основное богатство его человеческого капитала и интеллектуального потенциала. Конечно, ресурсный потенциал университетов богаче в структурном и количественном отношении, чем ресурсность НПС, поскольку включает финансовую, материальную, инфраструктурную, институциональную составляющие. Однако научный, культурный и интеллектуальный капитал, человеческое измерение, образуемое ресурсностью НПС, является для вузов системообразующим фактором.

Мобилизация ресурсного богатства НПС и вузов в целом в современных условиях способствует превращению университетов в мощные ресурсные центры страны и ее регионов. Вузы постепенно становятся реальными источниками инновационных знаний, технологий, человеческого капитала. Исследования показывают, что наличие высокотехнологичных интеллектуальных центров напрямую влияет на качество жизни в стране в целом и на ее отдельных территориях в особенности.

Ресурсы НПС — не только его неотъемлемый актив, но и предмет оценки и деятельности университетского управления. Между тем их многообразие, сложность измерения и использования мало учитываются в управленческих практиках, что обедняет ресурсное обеспечение стратегий развития российских вузов.

Мы предлагаем рассматривать управление ресурсностью НПС в формате двух его моделей — *административной* и *мобилизационной*. Поскольку мобилизационный подход будет более подробно рассмотрен в следующем разделе статьи, остановимся сейчас на первом. Административный подход представляет собой систему регламентированных и регулярно воспроизводимых функций, для реализации которых необходим и достаточен набор формализованных и стандартизированных показателей, ресурсов, методов. Это традиционный, самый распространенный в российских вузах подход. Его эффективность проявляется в стабильной, хорошо структурированной среде, хотя и не востребует для ускорения развития вуза дополнительные возможности НПС.

Управленческий анализ ресурсности НПС, основанный на принципах административного подхода, преимущественно строится на количественной оценке социально-демографического, публикационного, исследовательского ресурсов, а также ресурса научно-образовательной квалификации. Набор параметров для оценивания задается институциональной методикой оценки эффективности вуза, которая также ориентирована на простые в расчетах, часто интегрированные в индексы показатели. Обобщение содержания форм внутренней административной отчетности вузов, министерской методики расчета их эффективности указывают на то, что учитываемые ресурсы НПС

составляют примерно треть всей его ресурсности. Очевидно удобство такой методики для бюрократизированных структур министерства и университетского управления. Кроме того, такими показателями проще управлять, легче обеспечивать их стимулирование. В результате большая часть ресурсов НПС остается вне зоны управленческого внимания, а значит, и невостребованной.

Мобилизация ресурсов как управленческая проблема

Сути нашей концепции соответствует понимание мобилизации ресурсов как деятельности по приведению кого-либо или чего-либо в активное состояние, обеспечивающее выполнение определенной задачи, либо сосредоточения сил и средств для достижения какой-либо цели. Это означает концентрацию действий представителей НПС университетов, актуализирующих свои «спящие», латентные ресурсы, перевод их в активное состояние, позволяющее решать трудные профессиональные задачи, для которых недостаточно обычных действий и минимальных усилий.

Мобилизационный подход нужен для идентификации и оценки невостребованных ресурсов НПС с точки зрения возможности их использования. Особенно значим и редко используется морально-идеологический ресурс. Одной из его специфических характеристик является управление мотивацией научно-педагогических работников, формирование их позитивной реакции, готовности откликнуться на потребность в концентрации усилий при решении какой-то важной задачи. Конечно, мобилизационный подход может быть применен и в случаях использования иных ресурсов НПС, например, связанных с различными видами капитала сообщества — с социальным, символическим, интеллектуальным, не говоря уже о капитале научных школ и научных коллективов.

Разработка понятия мобилизации ресурсности НПС обладает важным теоретико-практическим смыслом, поскольку может помочь отразить опыт ведущих вузов страны, в недалеком прошлом — участников Проекта «5-100», теперь — Программы «Приоритет-2030». Прошлый и современный опыт российских университетов, включенных в названные институциональные проекты, представляет собой уникальное и малоизученное поле с точки зрения роли человеческих ресурсов в успешности вузов.

Выстраиваемая под стратегии развития высшего образования и университетов кадровая политика должна основываться на эффективных образцах мобилизационной модели университетского управления человеческими ресурсами, потому что традиционная жесткая административная стратегия становится малоэффективной и приводит к провалу ранее вполне успешных вузов. Мобилизационный подход апеллирует к той части НПС, которая ищет новые ресурсы и пути их

применения на благо университета, использует слабые связи и скорее потенциальные, чем реальные, ресурсы. Методология мобилизации ресурсности НПС ориентирована на использование максимально широкого спектра ресурсов и стимулирование вовлеченности НПС. Значимость мобилизационного управленческого подхода состоит в том, что, интегрируя и концентрируя самые разные ресурсы, он формирует способность университета преодолевать актуальные для российской высшей школы вызовы.

Рассматриваемая нами модель мобилизации ресурсности НПС университетов расширяет предметное поле научной парадигмы мобилизации ресурсов, развивавшейся до сих пор преимущественно в границах социологии политики и социологии общественных движений. Концептуализация такой модели имеет большое значение для конституирования социологии высшего образования, выделения ее приоритетных направлений, в том числе в области университетского управления.

Исследование проблемы мобилизации ресурсности НПС выступает как научное обоснование ресурсного обеспечения, необходимого для реализации стратегии развития российских университетов в условиях травмы общества и высшего образования в России, в том числе в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Продуктивность концепции в этом смысле обеспечивается, во-первых, новым понятийным аппаратом или новыми трактовками некоторых устоявшихся понятий (социально-профессиональная общность, научно-образовательная общность, НПС, ресурсность, мобилизация, мобилизационное университетское управление и др.); во-вторых, теоретическими обоснованиями рациональной оценки ресурсного потенциала НПС и рационального выбора ресурсосберегающих стратегий университетов, условий мобилизации ресурсности НПС (актуализация, концентрация, оптимальное использование); в-третьих, выработкой научного практико-ориентированного знания для совершенствования университетского управления, а именно формирования новых подходов к оценке НПС, механизмов мобилизации его ресурсности в условиях дефицита внешних ресурсов, в целом неблагоприятной экономической и политической ситуации.

Важный элемент мобилизационного управления ресурсностью НПС — комплексная качественно-количественная оценка ресурсности сообщества. В рамках данной статьи мы имеем возможность описать в общих чертах ее принципиальные отличия, не раскрывая методических деталей. К ним мы относим глубокую проработку показателей всех видов ресурсов НПС, а не только тех, которые фиксируются официальной вузовской отчетностью. Кроме того, обязательными

являются замер качественных и количественных показателей каждого ресурса, их сопоставление и оценка динамики. Помимо этого, необходима оценка не только проявленных результатов, но и возможностей, которые отражаются в *ресурсах*, то есть запас, потенциал, будущие способности. Именно через такие механизмы комплексной оценки ресурсности НПС новую модель управления сообществом можно органично интегрировать в систему стратегического планирования развития отечественных университетов в новых условиях.

Заключение

Развитие университетов в обычных условиях требует систематической, планомерной работы с НПС. Но в сложившихся условиях преодоления последствий пандемии, экономического, социального и политического кризиса, сложной международной ситуации актуализируется необходимость разработки мобилизационного подхода к оценке и использованию ресурсности НПС. Суть проблемы заключается в отсутствии научного обоснования и научной методологии мобилизационного подхода к оценке, использованию и развитию ресурсности НПС университетов.

Такое обоснование позволило нам показать необходимость и возможность мобилизации большего спектра ресурсов НПС в сравнении со сложившимися квалиметрическими практиками университетского управления кадровыми ресурсами. Этому способствовало сравнение традиционно используемых управлением индикаторов ресурсности НПС, отвечающих показателям мониторинга эффективности вузов, с новыми позициями по этой проблеме, намеченными в академической стратегической программе «Приоритет-2030».

По существу, речь идет о понятии «новой ресурсности» НПС, с которой связано концептуальное и методологическое развитие идеи ее мобилизации. Мобилизационный университетский менеджмент означает концентрацию ресурсов и усилий НПС на стратегических направлениях развития университетов. Такой подход мы рассматриваем в качестве альтернативы административному управлению и трактуем его как необходимый инструмент преодоления рисков университетского развития в новых сложных условиях. Исследование мобилизации ресурсности НПС связано с решением практических проблем интеграции университетов в экономическую, социальную, культурную системы российских регионов и общества в целом. Мы понимаем это направление исследований высшей школы как научную основу преодоления социальных барьеров на пути развития университетов, особенно в регионах России.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ³

1. *Абрамов Р.Н.* Менеджеризм и академическая профессия: конфликт и взаимодействие // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 37–47. EDN: NXSDNJ
2. *Бахитановский В.И., Богданова М.В.* Трансформируемый университет: судьба профессора // Ведомости прикладной этики. 2019. № 53. С. 112–133. EDN: ПНЛРА
3. *Василенко В.Л., Бразевич Д.С.* Формы и социальные технологии мобилизующего менеджмента в предпринимательской системе // Научный журнал НИУ ИТМО. Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 4. С. 190–200.
4. *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структуризации / [Пер. с англ. И. Тюриной]. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
5. *Ефимова Г.З., Сорокин А.Н., Грибовский М.В.* Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 1. С. 202–230. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-1-202-230 EDN: XIYUOL
6. *Зборовский Г.Е.* Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2007. — 364 с.
7. *Зборовский Г.Е.* Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. — 266 с.
8. *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 5. С. 147–180. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-5-147-180 EDN: DQKMBA
9. *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. — 172 с.
10. Индикаторы образования: 2021: Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. — 508 с.
11. *Климов И.А.* Социальная мобилизация: к истории понятия // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 1. С. 6–23 EDN: QAOBCV
12. *Колычев В.Д., Буданов Н.А.* Вовлеченность студентов и научно-педагогических работников как показатель оценки корпоративной культуры и инструмент формирования кадрового резерва вуза // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 2. С. 42–57. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-2-42-57 EDN: ORZQUY
13. *Кочухова Е.С.* Академическая профессия глазами преподавателей // Вопросы образования. 2020. № 2. С. 278–302. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-2-278-302 EDN: ONLAXW
14. Основные практики научной деятельности и публикационной активности преподавателей вузов: Информационный бюллетень / И.А. Прахов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. — 28 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2604-0 EDN: KJQPDJ

³ Полный список литературы см. в References.

15. Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ / Под ред. Л.Л. Шпак. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2014. — 369 с.
16. Суханова Е.А., Ковалева Т.М., Зоткин А.О. Инициативная среда университета как механизм управления персоналом в условиях трансформации // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 1. С. 90–97. EDN: VQWPIH
17. Таловская Б.М., Лисюткин М.А. О ресурсной стратификации российских университетов // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 6. С. 24–35. DOI: 10.15826/umpra.2018.06.055 EDN: ZCEIXJ
18. Черныш М.Ф. О текущей ситуации и возможных ее последствиях // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 2. С. 15–26. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.2.1 EDN: QJGENA
19. Шпак Л.Л., Токмашева Ю.В. Мобилизационно-управленческий механизм взаимодействия муниципальной власти с местными сообществами // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 28–33. DOI: 10.17223/15617793/399/6 EDN: VCOXYZ
20. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. Самара: Самарский ун-т, 1995. — 328 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** +7 +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** garoldzborovsky@gmail.com

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Телефон: +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** borges75@mail.ru

Дата поступления: 25.12.2022.

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 1. P. 78–96. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.4

Research Article

GAROLD E. ZBOROVSKY¹, POLINA A. AMBAROVA¹

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.
bl. 19, Mira str., 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

**MOBILIZING THE RESOURCE POTENTIAL OF THE SCIENTIFIC
AND PEDAGOGICAL COMMUNITY IN RUSSIAN UNIVERSITIES:
FROM PROBLEM TO CONCEPT**

Abstract. The article is devoted to the problem of mobilizing the resource potential of the scientific and pedagogical community (SPC) in Russian universities, as well as the possibilities for its conceptualization. The authors substantiate the special role of this community as a driver in the development of specific universities and higher education as a whole. It is shown that the development of the SPC resource capacity and fine-tuning of its management is becoming one of the main factors in increasing the competitiveness of Russian higher education in difficult modern conditions. The development of ways to mobilize the resources of the community becomes the most important management problem in higher education. The aim of the article is to outline the scientific concept of resource mobilization of the SPC as the basis of university management practices. The objectives of the article are to consider such key issues as the sociological interpretation of the SPC in the context of its resources and the possibilities for mobilizing them, the interpretation of the concept and structure of SPC resources, as well as the essence and features of the mobilization approach towards managing SPC resource potential. The proposition is to reveal the essence of this approach through the concept of a management strategy aimed at finding, converting and focusing scarce community resources in the interests of national and university level programs for developing higher education. Being an object of the concept, the SPC is considered as a socio-professional, research and educational community. The subject would be the community's traditional and current resource potential and managing its mobilization. As a condition for the effectiveness of such management, a new approach towards assessing the resource potential of the SPC is shown, which involves a comprehensive diagnosis of its objective and subjective aspects, as well as a deep differentiation of the structure of the resources of the SPC — socio-demographic, educational-pedagogical, scientific-qualification, publication, moral-ideological, symbolic, communicative, temporal and others.

Keywords: scientific and pedagogical community (SPC); resource capacity of SPC; resource mobilization; university management.

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>

For citation: Zborovsky, G.E., Ambarova, P.A. Mobilizing the Resource Potential of the Scientific and Pedagogical Community in Russian Universities: From Problem to Concept. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 78–96. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.4

REFERENCES

1. Abramov R.N. Managerialism and academic profession: conflict and interaction. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011. No. 7. P. 37–47.
2. Bakshtanovskii V.I., Bogdanova M.V. Transformable university: the fate of professorship. *Vedomosti prikladnoi etiki*. 2019. No. 53. P. 112–133.
3. Vasilenko V.L., Brazevich D.S. Forms and social technologies of mobilizing management in the entrepreneurial system. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Ekonomika i ekologicheskii menedzhment*. 2015. No. 4. P. 190–200.
4. Giddens E. The constitution of society: outline of the theory of structuration. [Russ. ed.: *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii*. Transl. from Eng. by I. Tyurina. Moscow: Akademicheskii Proekt publ., 2005. 528 p.]
5. Efimova G.Z., Sorokin A.N., Gribovskii M.V. Ideal teacher of higher school: Personal qualities and socio-professional competencies. *Obrazovanie i nauka*. 2021. Vol. 23. No. 1. P. 202–230. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-1-202-230

6. Zborovsky G.E. *Teoreticheskaya sotsiologiya XX – nachala XXI veka*. [Theoretical sociology of the XX – beginning of the XXI century.] Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet publ., 2007. 364 p.
7. Zborovsky G.E. *Teoriya sotsial'noi obshchnosti*. [Theory of social community.] Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet publ., 2009. 266 p.
8. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. Scientific and pedagogical staff as a social community in the changing conditions of academic development. *Obrazovanie i nauka*. 2022. Vol. 24. No. 5. P. 147–180. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-5-147-180
9. Zdravomyslova E.A. *Paradigmy zapadnoi sotsiologii obshchestvennykh dvizhenii*. [Paradigms of Western sociology of social movements.] Saint Petersburg: Nauka publ., 1993. 172 p.
10. *Indikatory obrazovaniya: 2021: statisticheskii sbornik*. [Education indicators: 2021: statistical collection.] Moscow: NIU VShE publ., 2021. 508 p.
11. Klimov I.A. Social mobilization: towards the history of the concept. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2004. No. 1. P. 6–23.
12. Kolychev V.D., Budanov N.A. Student and Research and Teaching Staff Engagement as an Indicator of Corporate Culture Assessment and a Tool for University's Personnel Reserve Formation. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2022. Vol. 31. No. 2. P. 42–57. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-2-42-57
13. Kochukhova E.S. The Academic Profession as Perceived by Faculty. *Voprosy obrazovaniya*. 2020. No. 2. P. 278–302. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-2-278-302
14. *Osnovnye praktiki nauchnoi deyatel'nosti i publikatsionnoi aktivnosti prepodavatelei vuzov: Informatsionnyi byulleten'*. [The main practices of scientific activity and publication activity of university teachers: Newsletter.] Ed. by I.A. Prakhov. Moscow: NIU VShE publ., 2021. 28 p. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2604-0>
15. *Sotsial'naya i politicheskaya mobilizatsiya: mikrosotsiologicheskii analiz*. [Social and political mobilization: a microsociological analysis.] Ed. by L.L. Shpak. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t publ., 2014. 369 p.
16. Sukhanova E.A., Kovaleva T.M., Zotkin A.O. Initiative university environment as the mechanism of personnel management in transformation context. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2016. No. 1. P. 90–97.
17. Talovskaya B.M., Lisyutkin M.A. On the Resource Stratification of Russian Universities. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2018. Vol. 22. No. 6. P. 24–35. DOI: DOI: 10.15826/umpa.2018.06.055
18. Chernysh M.F. On Current Situation and its Possible Consequences. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. 2022. Vol. 4. No. 2. P. 15–26. DOI: 10.19181/smt.2022.4.2.1
19. Shpak L.L., Tokmasheva Yu.V. The mobilization management mechanism of municipal authorities interaction with local communities. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta*. 2015. No. 399. P. 28–33. DOI: 10.17223/15617793/399/6
20. Yadov V.A. *Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programmy, metody*. [Sociological research: methodology, programs, methods.] Samara: Samarskii un-t publ., 1995. 328 p.
21. Barker-Plummer B. Producing Public Voice: Resource Mobilization and Media Access in the National Organization for Women. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2002. Vol. 76. No. 1. P. 188–205. DOI: 10.1177/107769900207900113
22. Becker H. The Nature of Profession. *Sociological Work: Method and Substance*. Chicago: Aldine Publishing Company, 1970. P. 87–104.
23. Bieliauskaite J. Solidarity in Academia and its Relationship to Academic Integrity. *Journal of Academic Ethics*. 2021. No. 19 (3). P. 309–322. DOI: 10.1007/s10805-021-09420-6
24. Bob E. Resource Mobilization Theory. *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Ed. by G. Ritzer. N.Y.: Wiley, 2007. P. 3959–3962.

25. Bourdages M.-P. *La mobilisation dans la littérature pédagogique managériale: une analyse de contenu de manuels de formation*. Sociologie. Université Renée Descartes – Paris V, 2014. Français. NNT: 2014PA05H025. Accessed 06.03.2023. URL: <https://theses.hal.science/tel-01130635/document>
26. Cress D.M., Snow D.A. Mobilization at the Margins: Resources, Benefactors, and the Viability of Homeless Social Movement Organizations. *American Sociological Review*. 1996. Vol. 61. No. 6. P. 1089–1109. DOI: 10.2307/2096310
27. Daumiller M., Dresel M. Teaching and research: Specificity and congruence of university faculty achievement goals. *International Journal of Educational Research*. 2020. No. 99. Paper No. 101460. DOI: 10.1016/j.ijer.2019.08.002
28. Denisova-Schmidt E. The End of the Academic Profession in Russia? *Mir Rossii*. 2020. Vol. 29. No. 3. P. 86–95. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-86-95
29. Etzioni A. Mobilization as a Macrosociological Conception. *The British Journal of Sociology*. 1968. Vol. 19. No. 3. P. 243–253. DOI: 10.2307/588830
30. Jenkins C. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements. *Annual Review of Sociology*. 2003. Vol. 9. No. 1. P. 527–553. DOI: 10.1146/annurev.so.09.080183.002523
31. Heffernan T.A., Heffernan A. The academic exodus: the role of institutional support in academics leaving universities and the academy. *Professional development in education*. 2019. No. 45 (1). P. 102–113. DOI: 10.1080/19415257.2018.1474491
32. Kwiek M. Internationalists and locals: international research collaboration in a resource-poor system. *Scientometrics*. 2020. No. 124 (1). P. 57–105. DOI: 10.1007/s11192-020-03460-2
33. McCarthy J., Zald M. Resource Mobilization and Social Movements: a Partial Theory. *American Journal of Sociology*. 1976. Vol. 82. No. 6. P. 149–172. DOI: 10.1086/226464
34. *Resource mobilization for Universities: UVCF Bulletin 2015*. Accessed 15.12.2022. URL: https://ucudir.ucu.ac.ug/bitstream/handle/20.500.11951/100/Senyonyi_Resource%20mobilization%20for%20Universities_2015.pdf?sequence=1&isAllowed=y
35. Rogers T., Goldstein N.J., Fox C.R. Social Mobilization. *Annual Review of Psychology*. 2018. Vol. 69. P. 357–381. DOI: 10.1146/annurev-psych-122414-033718
36. Seltzer J.B. What is Resource Mobilization and Why is it so Important? *Management Sciences for Health*. 20 October 2014. Accessed 06.03.2023. URL: <https://healthcom-capacity.org/resource-mobilization-important/>
37. Staniland P. Cities on Fire: Social Mobilization, State Policy, and Urban Insurgency. *Comparative Political Studies*. 2010. Vol. 43. No. 12. P. 1623–1649. DOI: 10.1177/0010414010374022
38. Tauginiene L. Embedding Academic Integrity in Public Universities. *Journal of Academic Ethics*. 2016. No. 14 (4). P. 327–344. DOI: 10.1007/s10805-016-9268-4
39. Wangenge-Ouma G., Langa P.V. Universities and the mobilization of claims of excellence for competitive advantage. *Higher Education*. 2010. Vol. 59. P. 749–764.
40. Okeyo B.O. *Strategic stakeholder management and resource mobilization in the University of Nairobi*. 2015. Accessed 20.12.2022. URL: <http://hdl.handle.net/11295/93774>
41. Ylijoki O.-H., Henriksson L. Tribal, proletarian and entrepreneurial career stories: junior academics as a case in point. *Studies in Higher Education*. 2017. Vol. 42. No. 7. P. 1292–1308. DOI: 10.1080/03045079.2015.1092129
42. Zou T.X.P. Community-based professional development for academics: a phenomenographic study. *Studies in Higher Education*. 2019. No. 44 (11). P. 1975–1989. DOI: 10.1080/03075079.2018.1477129

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Garold E. Zborovsky — Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.
Phone: +7 (343) 375-48-22. **Email:** garoldzborovsky@gmail.com

Polina A. Ambarova — Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.
Phone: +7 (343) 375-48-22. **Email:** borges75@mail.ru

Received: 25.12.2022.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.5

EDN: OGCRAS

М.В. МАСЛОВСКИЙ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ком. 504.

АНАЛИЗ «ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ» СОВЕТСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОДЕЛЕЙ АЛЬТЕРНАТИВНОГО МОДЕРНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ Й. АРНАСОНА

Аннотация. В статье рассматривается анализ «переплетения» современных обществ, представленный в социологической и исторической литературе. Выделены различия между подходами к данной проблеме в работах Й. Терборна и Й. Арнасона. Характеризуется анализ динамики коммунистического модерна в работах Арнасона. Основным примером переплетения двух версий альтернативного модерна служит для этого социолога взаимодействие СССР и Китая. Как демонстрирует Арнасон, в 1920-е гг. советская модель государственного строительства служила для различных политических сил в Китае примером успешного воссоздания разрушенной империи. Кроме того, Арнасон выделяет роль связей с Китаем в политической жизни советского государства. В дальнейшем китайские коммунисты еще до своего прихода к власти в стране адаптировали советские методы тоталитарного контроля. После 1949 г. происходили дальнейшая адаптация и радикализация советской модели модерна в китайских условиях. В то же время усилилось противостояние СССР и маоистского Китая, в значительной мере обусловленное имперским наследием обоих государств. Согласно Арнасону, в постмаоистский период в Китае сочетание паттернов капиталистического развития, элементов марксистско-ленинской политической практики и идеологии, а также избирательного возрождения конфуцианского наследия в целом выходит за рамки советской модели. Этот социолог характеризует влияние на китайское руководство примера экономического развития других стран Восточной Азии, исторически принадлежавших к китайскому культурному миру. С позиций своей концепции он рассматривает также противостояние США и Китая в современном глобальном геополитическом контексте.

Ключевые слова: историческая социология; Й. Арнасон; переплетенные модерна; Советский Союз; Китай.

Для цитирования: Масловский М.В. Анализ «переплетения» советской и китайской моделей альтернативного модерна в исторической социологии Й. Арнасона // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 97–112. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.5 EDN: OGCRAS

Введение

Рецепция исторической социологии Й. Арнасона отечественными исследователями, начавшаяся с публикации перевода его статьи «Коммунизм и модерн» [1], постепенно выходит на новый уровень. Если первоначально обсуждался главным образом предложенный этим социологом анализ советской версии модерна, то в последние годы российскими учеными рассматривались различные стороны его теоретической деятельности. В частности, концепция Арнасона характеризовалась в общем контексте развития цивилизационного анализа как направления мировой исторической социологии [4], а также был рассмотрен его подход к изучению восточноазиатского модерна [13]. В последнем случае были выделены различия между СССР и Китаем [13, с. 85–86], но не особенности взаимодействия сложившихся в этих странах версий альтернативного модерна.

Между тем необходимо учитывать, что концепция Арнасона «имеет ярко выраженную трансцивилизационную и транснациональную направленность» [7, с. 787]. Австралийский исследователь Дж. Смит относит данную концепцию к «реляционному» направлению в современном цивилизационном анализе [20, р. 29], тогда как Р.Г. Браславский рассматривает ее как «интеракционную» [4, с. 22]. Но и в том и в другом случае акцент делается на межцивилизационных встречах (*intercivilizational encounters*) и их влиянии на историческую динамику различных обществ. При этом Арнасон не ограничивается анализом взаимодействия традиционных цивилизаций, но распространяет свой подход и на взаимоотношения современных обществ, в том числе взаимодействие СССР и Китая с 1920-х гг. до момента распада советской системы.

«Переплетенные» модерны: исторические и социологические подходы

Понятие «переплетенных» модернов (*entangled modernities*) первоначально использовалось для анализа взаимодействия Запада с незападными обществами в работах историков постколониальной ориентации [19]. Исследователями глобальной истории подчеркивалась, в частности, взаимозависимость развития Великобритании и колониальной Индии [10, с. 99]. С позиций социологической теории возможности использования понятия «переплетенных» модернов обосновал Й. Терборн [22], по мнению которого европейский путь выступает лишь одним из возможных вариантов модернизации. Как указывает этот социолог, следует выделить также особенности формирования

модерного общества в странах Нового Света, на колониальных территориях и в государствах, вставших на путь «реактивной модернизации» в ответ на внешнюю угрозу со стороны Запада. К указанным вариантам он добавляет «гибридные пути», представленные Россией и Китаем. В данном случае речь идет о странах, выбиравших две различные траектории модернизации или более.

Как полагает Терборн, по сравнению с Россией «Китай представлял собой более сложный случай гибридного пути к модерну, включавший элементы реактивной модернизации, идентификацию с колонизаторами и восстание против них, а также важное заимствование европейской классовой политики» [12, с. 100]. Согласно Терборну, с одной стороны, характер китайской модернизации во многом определялся «двусмысленным» государственным статусом, поскольку в конце XIX в. и в первые десятилетия XX в. Китай «не был ни независимым и суверенным государством, ни колонией; точнее говоря, он был и тем и другим одновременно» [12, с. 101]. С другой стороны, произошло заимствование советского типа политического режима. Однако Терборн, по-видимому, не учитывает в полной мере значение «переплетения» советской и китайской моделей альтернативного модерна для траектории развития Китая в коммунистический период.

Анализ особенностей «модернистского» подхода к изучению советской истории осуществил американский историк М. Дэвид-Фокс. Этот исследователь обращается и к социологической литературе, посвященной проблематике множественных модернов, выделяя теоретический вклад Ш. Эйзенштадта. С точки зрения Дэвид-Фокса, сторонники развивавшегося в 1990-е и 2000-е гг. «модернистского» направления в исследованиях советской истории «стали участниками методологического движения в сторону “множественных модерностей”, даже если Эйзенштадт и его концепция не привлекли их внимания» [6, с. 54]. Кроме того, концептуализация модерна в работах П. Вагнера «несправедливо осталась незамеченной» в исследованиях российской истории [6, с. 66].

Дэвид-Фокс использует понятия альтернативных и «переплетенных» модернов, ссылаясь на труды Эйзенштадта и Терборна. По его мнению, представление об альтернативном советском модерне, встречающееся в дискуссиях советологов, может быть соотнесено с концепцией Эйзенштадта [5, с. 36]. В то же время понятие «переплетенных» модернов позволяет рассматривать модерное общество не как упорядоченное целое, но выделять взаимодействие его составных частей в политической, экономической и культурной сферах. Общий вывод, который делает Дэвид-Фокс, заключается в том, что в многонациональном советском государстве существовал не целостный, единый модерн, но его различные переплетенные версии [5, с. 40]. Однако при обращении к этому примеру американский историк сближается

с пониманием переплетения модернов, характерного, скорее, для постколониальной теории. Ссылаясь на анализ «переплетенных коммунизмов» в СССР и Китае, проведенный Й. Арнасоном, Дэвид-Фокс не уделяет достаточного внимания предложенному этим социологом теоретическому подходу.

Следует отметить, что Арнасон характеризует различные контексты динамики множественных модернов. Он подчеркивает, что источником различий между типами модерна может выступать цивилизационное наследие, что представлено примером конфуцианской цивилизации, охватывающей Китай и другие страны Восточной Азии. Арнасон выделяет также альтернативные модерны, стремившиеся к преобладанию на мировой арене, что было характерно для коммунизма как особого типа современного общества. Советскую версию модерна он рассматривает как цивилизационный проект с глобальными амбициями, который был подорван внутренними противоречиями. С точки зрения этого социолога, сравнительное изучение коммунистических проектов и режимов является одним из наиболее многообещающих путей для включения проблематики множественных модернов в социологический цивилизационный анализ [16, р. 335].

Взаимное переплетение современных обществ исследовалось с двух точек зрения. С одной стороны, с позиций мир-системной теории подчеркивалась зависимость периферийных регионов от ядра системы. С другой стороны, критика ранней версии теории модернизации выделяла способность догоняющих обществ учиться на примерах более развитых стран. В то же время недостаточно учитывалась способность модернизирующихся обществ к новой интерпретации заимствуемых паттернов модерна. Институты обществ, которые считаются более развитыми, могут интерпретироваться таким образом, что «их интерпретация будет способствовать изобретению этих институтов заново, а не просто их трансферу» [3, с. 152]. В данном контексте Арнасон обращает внимание на взаимодействие Китая с Западом, а затем с советской версией альтернативного модерна. Однако он указывает, что «изобретение заново» определенных современных институтов не обязательно предполагает «прогресс» в каком бы то ни было смысле этого термина [16, р. 43].

С точки зрения этого социолога, модернизирующиеся общества переплетаются: 1) друг с другом; 2) с общими структурными проблемами, отличающими современные социальные трансформации; 3) со структурным наследием, связанным с определенными ограничениями, которые предполагают адаптацию этого исторического наследия к модерну; 4) с глобальным окружением, менявшимся «в ходе экспансии Запада и разворачивающихся ответов на нее» [3, с. 151]. Хотя взаимодействие советской и китайской моделей коммунизма относится главным образом к первому из указанных типов, в ходе анализа этого

взаимодействия следует учитывать и другие выделенные аспекты переплетения модерных обществ.

Переплетение советской и китайской моделей коммунизма

В своей книге «Несбывшееся будущее» Арнасон сфокусировал внимание на исторических предпосылках формирования советской версии модерна и ее внутренней динамике [15]. В данной работе был представлен «оригинальный сравнительно-исторический социологический подход к изучению стран Второго мира» [21, р. 32]. При этом Арнасон продолжал и развивал вебериянскую традицию в исследованиях обществ советского типа [11; 18]. В частности, он сопоставил сложившуюся в СССР модель альтернативного модерна с вариантами данной модели, которые сформировались в Восточной Европе и Китае. Этот сравнительный анализ был дополнен изучением глобального контекста распространения альтернативного модерна, включая рост мирового коммунистического движения, а также взаимоотношения СССР со странами Запада. Особый интерес с точки зрения рассматриваемой нами проблематики представляет статья Арнасона «Переплетенные коммунизмы», посвященная взаимодействию СССР и Китая [3, с. 151–181]. В его книге «Лабиринт модерна» выделяется геополитическое измерение феномена коммунизма, в том числе взаимосвязь изначальной советской версии коммунистического модерна и ее трансформации в Китае [17].

В трудах Арнасона характеризуются особенности межцивилизационного взаимодействия, обусловленные различиями западного и китайского «культурных миров». Как указывает социолог, «Китай был наиболее удаленным от Запада “другим” (как в отношении различных культурных основ, так и с точки зрения ограниченного количества исторических контактов), а также последним крупным цивилизационным центром из втянутых на орбиту западной экспансии» [3, с. 157]. Взаимодействие Китая с Западом, начавшееся в 1840-е гг., стало «возможно, самым значительным цивилизационным конфликтом в мировой истории» [3, с. 76]. Однако Арнасон акцентирует внимание не столько на военном столкновении Китайской империи с западными державами, сколько на последующем проникновении в страну и адаптации западных идеологий. В частности, он ссылается на тайпинское восстание 1850–1864 гг. В дальнейшем революционное движение в Китае стремилось, с одной стороны, к преобразованию социально-экономической структуры, а с другой – к укреплению государства, чтобы вернуть ему достойное место на международной арене. При этом «социальная реконструкция и геополитическое возрождение должны были быть определены с постоянной отсылкой к цивилизационному вызову Запада» [2, с. 198].

До прихода к власти большевиков российская революционная традиция не оказывала существенного воздействия на китайских

активистов. Однако после 1917 г. марксистские идеи начинают играть все более значительную роль в китайской политической жизни. При этом большевизм воспринимался в Китае как «уже апробированная успешная формула перестройки разрушенной империи» [2, с. 199]. В результате советское государство стало образцом для радикальных китайских политических сил. Советская модель «могла быть воспринята и адаптирована разными способами в разных частях китайской политической арены. В этом смысле китайские коммунисты и Гоминьдан представляли собой две части одного континуума со значительным пересечением» [2, с. 199].

Влияние СССР на развитие Китая было значительно сильнее, чем обратное влияние Китая. Тем не менее может быть выделена также и роль связей с Китаем в политической жизни советского государства. В частности, Арнасон обращается к периоду 1920-х гг., когда в глазах большевистского руководства Китай выступал перспективной ареной для революционного движения. Однако в этот момент советское руководство было расколото на непримиримые фракции, которые использовали динамику революционной борьбы в Китае для собственной идеологической легитимации. Если руководство ВКП(б) было вынуждено искать оправдание для своей китайской политики, то оппозиционное троцкистское течение настаивало на том, что «сталинский оппортунизм или предательство сорвали китайскую революцию» [3, с. 162].

В китайской политике ВКП(б) бросалось в глаза несоответствие «между ограниченными знаниями и огромными амбициями» [3, с. 163]. В конечном итоге у большевистского руководства «не было четкой программы действий относительно борьбы Гоминьдана, КПК и Японии в Китае» [9, с. 154]. Вместе с тем Арнасон считает правдоподобной интерпретацию, согласно которой в 1920-е гг. большевистское руководство утверждало, что китайские коммунисты могли бы захватить контроль над гоминьдановскими структурами. В таком случае Китай выступал своего рода полигоном «для испытаний воображаемого пути к власти, который позднее можно будет превратить в более эффективную тактику для использования в различных исторических обстоятельствах» [3, с. 163]. Хотя применение этой тактики в Китае завершилось провалом в 1927 г., в дальнейшем она стала более успешной в ряде стран, оказавшихся в сфере советского контроля.

Как подчеркивает Арнасон, фракционная борьба в ВКП(б) повлияла на политические процессы в Китае, но последние во многом определялись внутренними тенденциями. С его точки зрения, «первый взлет и первое падение» китайского коммунизма в 1920-е гг. следует сравнивать не с примером более успешной борьбы большевиков за государственную власть в России, а, скорее, с их «неудавшимся проектом мировой революции: изначальное стратегическое видение китайского

большевизма, как представляется, столь же расхожилось с китайскими условиями, сколь и ленинско-троцкистские надежды 1917 г. с европейскими условиями» [3, с. 173]. Арнасон следующим образом характеризует траекторию китайского коммунизма после 1927 г. (так называемый Яньаньский период): «Отступление в периферийные сельские области привело к созданию зародышевого государства, которое со временем стало самым жизнеспособным из государств — преемников Китайской империи, нацеленных на ее восстановление и военное воссоединение» [3, с. 174]. Особый акцент при этом Арнасон делает на использовании китайскими коммунистами потенциала ленинской партийной модели для государственного строительства. Он проводит аналогию между произошедшей в Китае мутацией революционного движения в «контргосударство» и принятой в СССР стратегией построения социализма в одной стране. По мнению Арнасона, в Яньаньский период истории китайского коммунизма «были адаптированы советские методы тоталитарного контроля» [3, с. 176].

Обращаясь к анализу «переплетения» советской и китайской версий альтернативного модерна после 1949 г., Арнасон не принимает распространенную точку зрения, согласно которой коммунистический Китай развивался по собственной траектории, не совпадавшей с советской моделью. Во время восходящего этапа маоизма этот процесс рассматривался рядом исследователей как «китаизация» марксизма. С точки зрения Арнасона, некоторые китайские инновации базировались на тенденциях, отличавших советскую модель, но они использовались более экстремальным образом. Кроме того, эти трансформации испытали на себе воздействие китайских традиций. Как справедливо отмечает в данной связи Д.Ю. Карасев, Арнасон продемонстрировал, что «Китай действительно адаптировал элементы советской модели, однако сделал это на рельсах собственного цивилизационного наследия, в том числе сформированного под воздействием отличающегося от российского паттерна межцивилизационного взаимодействия с Западом и внутренней борьбы» [9, с. 154].

После победы коммунистов в Китае советская модель была использована там в качестве «всеобъемлющей рамки социальных и экономических трансформаций», причем систематический трансфер институтов и практик «происходил без какого-либо внешнего воздействия со стороны Советов в атмосфере взаимного недоверия» [3, с. 177]. Как указывает Арнасон, советская модель представлялась китайскому руководству наилучшим путем развития, но вскоре выявились трудности ее применения в условиях более отсталой экономики. Кроме того, заимствованные идеи и практики столкнулись на китайской почве «с более древним и в целом более чуждым культурным миром, чем тот, в котором они зародились» [17, р. 3]. Это осложнялось геополитическим контекстом, поскольку китайское руководство,

по-видимому, изначально «стремилось быть наравне с другой коммунистической империей» [3, с. 179]. Арнасон расценивает политические инициативы Мао Цзэдуна с середины 1950-х гг. как поиски ответа на этот комплекс условий. В целом он характеризует китайский проект альтернативного модерна как «внутреннюю радикализацию» советской модели. «Ускоренное развитие, усиленная мобилизация и повсеместная интернализация идеологического контроля были центральными для маоистского проекта» [3, с. 180].

Следует отметить также, что основной чертой советской глобальной стратегии с конца 1940-х гг. стало создание единого «социалистического лагеря». Для этого две ведущие державы мирового коммунизма должны были объединиться в геополитически сплоченный блок. Однако такая сплоченность оказалась крайне недолговечной, что было во многом обусловлено имперским наследием Китая. Очевидно, основным разрушительным фактором стало имперское соперничество внутри бывшего блока. «Самый серьезный вызов был брошен единственной страной, которая могла стремиться стать альтернативным идеологическим и геополитическим центром» [1, с. 29]. Согласно Арнасону, Китай «слишком хорошо осознавал свою исключительную историю и себя как великую державу мирового уровня» [8, с. 13]. При этом советско-китайский конфликт может расцениваться как «вторая холодная война» [3, с. 164].

Траектория китайской версии модерна в постмаоистский период

Происходившее на протяжении последних четырех десятилетий экономическое и геополитическое возвышение Китая привлекло к себе внимание как историков, так и представителей исторической социологии. Особенно исследователи глобальной истории указывали на необходимость изучения эволюции китайского общества в длительной временной перспективе. Поскольку вплоть до XVIII в. ряд областей страны принадлежали к наиболее экономически развитым регионам мира, сегодняшний рост выглядит как «структурно предопределенное возвращение к “нормальному” для Китая статусу сильной державы» [10, с. 192]. Историки обращали внимание на тот факт, что правители из династии Цин с 1860-х гг. экспериментировали с различными стратегиями экономической модернизации, опиравшейся на государственный контроль над частным предпринимательством. Кроме того, выделялось наследие периода 1930-х гг., когда китайский капитализм быстро развивался в условиях слабых государственных институтов. Эта экономическая динамика получила продолжение в Гонконге и в среде китайских эмигрантов в странах Юго-Восточной Азии, а в дальнейшем оказала влияние на экономику континентального Китая.

Однако в данном случае характеристика исторических предпосылок возвышения Китая ограничивается лишь экономической сферой.

Очевидно, требуется больший акцент на роли культурных и политических факторов, что характерно для концепции Арнасона. С точки зрения этого социолога, особенностью Китая стало соединение мощного цивилизационного наследия с коммунистическим проектом альтернативного модерна. Как полагает Арнасон, взаимодействие Китая с советской моделью модерна может рассматриваться как наиболее значительное последствие Октябрьской революции 1917 г. в России. В долгосрочной перспективе воссоздание китайского государства на основе заимствования и адаптации советской модели может оказать большее влияние на ход мировой истории, чем формирование и динамика данной модели в российском контексте. «Воссоединение Китайской империи под коммунистическим правлением являлось ключевым фактором построения и реструктуризации государства развития; китайский опыт, следовательно, имеет решающее значение для оценки исторического наследия коммунизма» [17, р. 183].

В целом модернизационная траектория китайского коммунизма демонстрирует «особенно сложное сочетание антитрадиционализма, преемственности и возврата к традиционным истокам» [17, р. 3]. В качестве одного из примеров Арнасон упоминает развернутую в коммунистическом Китае после окончания «культурной революции» идеологическую кампанию против конфуцианского влияния. Однако вскоре после смены политического курса в конце 1970-х гг. некоторые элементы конфуцианской традиции были подвергнуты переоценке и заняли заметное место в официальном дискурсе. «Китайские интерпретаторы конфуцианства расходятся в том, какое значение ему следует придавать и какие темы выделять, а зарубежные аналитики обсуждают проблему подлинной преемственности либо искусственного заимствования, но вопрос о конфуцианстве в любом случае остается на повестке дня» [17, р. 145].

С точки зрения Арнасона, в постмаоистском Китае сочетание паттернов капиталистического развития, элементов марксистско-ленинской политической практики и идеологии, а также избирательного возрождения конфуцианского наследия и имперской традиции, по-видимому, является чем-то бóльшим, чем вариант советской модели. В официальной идеологии КПК используется такой термин, как «социализм с китайской спецификой». В данном случае понятие социализма подчеркивает преемственность истории Китая после 1949 г., а ссылка на соответствующую специфику может относиться «к традициям китайской цивилизации, современному китайскому национализму или усилению Китая на мировой арене» [17, р. 170]. Но в любом случае партия определяет, что именно должно считаться такого рода спецификой. Вместе с тем, как утверждает Арнасон, избранный Китаем путь «не является перспективной основой для претензий на альтернативный тип модерна» [2, с. 200].

В работах Арнасона характеризуются также внешние условия, в которых происходили трансформационные процессы в постмаоистском Китае. С одной стороны, перед глазами китайского руководства был пример успешного экономического развития Японии и других стран Восточной Азии, исторически принадлежавших к китайскому культурному миру. В целом значение опыта этих государств не могло сравниться с влиянием советской модели альтернативного модерна, но учет региональной динамики, безусловно, оказал влияние на смену курса китайской Компартии на рубеже 1970–1980-х гг. С другой стороны, существенную роль сыграли изменение структуры и все более широкий охват мировой капиталистической экономики, что создавало как новые возможности, так и проблемы для экономической стратегии Китая [17, р. 169]. Как отмечает Арнасон, возрождение в Китае капиталистической экономики широко комментировалось западными наблюдателями. Первоначально преобладала точка зрения, согласно которой развитие рыночной экономики рано или поздно приведет к демократизации политического режима. В дальнейшем получили распространение прогнозы неизбежности экономического кризиса или коллапса в Китае. Но и в первом и во втором случае присутствовал определенный экономический детерминизм.

Согласно Арнасону, происходившие в последние десятилетия в Китае экономические и социальные трансформации требуют изменения нашего восприятия коммунистического модерна. Прежде всего, следует пересмотреть события конца XX в., которые воспринимались как повсеместное крушение коммунизма или свидетельство неизбежности этого крушения. В частности, становится все более очевидным расхождение российского и китайского путей развития, поскольку в Китае сохранилась власть Коммунистической партии и не произошло «геополитического сжатия». В то же время наблюдается формирование «нового китайско-российского альянса с иным распределением сил и без проблемы общей, но все более порождающей споры идеологии» [17, р. 171]. Однако, по мнению Арнасона, предпринимаемые в западных странах «попытки сконструировать образ “евразийской автократии”, предположительно общей для России и Китая и бросающей вызов западной демократии, сумбурны и неубедительны» [3, с. 256–257].

Оценивая современное положение Китая, следует также в большей степени учитывать глобальный геополитический контекст. Как утверждает Арнасон, возвышение Китая «ставит крест на видении однополярного и, следовательно, стабильного миропорядка, которое получило распространение, когда холодная война, как казалось, закончилась» [3, с. 257]. В целом Арнасон не считает реалистичной идею, что Китай сменит Соединенные Штаты в качестве мирового гегемона. Однако он признает, что в обозримом будущем отношения между

Китаем и США будут находиться в центре международной политики. Во взаимодействии между ними, по мнению этого социолога, наблюдается блокирование с обеих сторон адаптационных механизмов, что может привести к катастрофическим последствиям.

В Китае произошел отход от идеологического эклектизма, который был характерен для начала XXI в. В то же время усиление власти верховного лидера заставляет вспомнить о традиционных для Китая паттернах имперского правления. Говоря о существующих в США взглядах на отношения с Китаем, Арнасон указывает, с одной стороны, на «пробуждение от иллюзий о кооптации младшего партнера посредством магии глобальных рынков» [14, р. 147]. Но, с другой стороны, с его точки зрения, в американской внешней политике сохраняется наследие как периода холодной войны, так и сменившего ее восприятия однополярного мира, что усугубляется последствиями «трампизации» этой политики.

В конечном итоге более адекватная оценка китайского опыта требует пересмотра преобладавших до недавнего времени взглядов на процессы глобализации. По мнению Арнасона, представления о том, что глобализация приведет к формированию единой мировой системы, являются несостоятельными. Динамика глобализации в действительности сопровождается процессами регионализации, а также дифференциацией на уровне цивилизаций и отдельных государств. Вместе с тем глобализация никогда не представляла собой единый процесс. Скорее, можно говорить о множественности глобализаций, одним из аспектов которой стало распространение на протяжении «краткого XX в.» коммунистической версии модерна.

Заключение

Концепция «переплетенных» модернов, представленная в современной социологической теории и использовавшаяся в исторических исследованиях, нуждается в определенной корректировке. Ряд авторов, обращавшихся к проблематике переплетения современных обществ, выделяли главным образом взаимоотношения Запада с колониями и зависимыми странами, в число которых включали Китай второй половины XIX — начала XX в. Й. Арнасон указывает на различия между западным и китайским «культурными мирами», которые обусловили особенности взаимодействия между ними. Вместе с тем, с точки зрения этого социолога, внутри коммунистического Второго мира также существовало своеобразное «переплетение» современных институтов. Наглядным примером этого служит взаимодействие СССР и Китая.

Арнасон характеризует различные аспекты советско-китайского «переплетения». В 1920-е гг. большевистский режим выступал ориентиром для китайских политических сил: не только для коммунистов, но в определенной степени и для Гоминьдана. В свою очередь, политиче-

ская борьба в Китае использовалась для собственной легитимации как руководством ВКП(б), так и оппозиционным троцкистским течением. Как демонстрирует Арнасон, после 1949 г. начался систематический трансфер в Китай институтов и практик советской модели модерна. Более того, произошла «внутренняя радикализация» этой модели. В то же время усилившееся соперничество СССР и Китая, который стремился стать альтернативным геополитическим и идеологическим центром, привело к расколу мирового коммунизма.

В постмаоистский период истории Китая «переплетение» с советской моделью сменилось более выраженным акцентом на собственном цивилизационном наследии и усилении взаимодействия с глобальным капиталистическим модерном. С одной стороны, в официальную идеологию правящей партии были включены элементы конфуцианской традиции. С другой стороны, экономическая открытость по отношению к внешнему миру сопровождалась обращением к опыту успешного развития стран Восточной Азии, принадлежащих к китайскому «культурному миру». Вместе с тем, как полагает Арнасон, не следует недооценивать сохраняющееся наследие переплетения советской и китайской моделей коммунистического модерна. Для социологии международных отношений значительный интерес представляет также предложенный этим социологом анализ взаимодействия США и Китая и возможных последствий их противостояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35. EDN: PBDTXN
2. Арнасон Й. Переосмысление восточноазиатского модерна // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 191–200.
3. Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы / Пер. с англ. М. Масловского, Д. Карасева, Ю. Прозоровой, А. Степанова. Сост., послесл. М. Масловского. М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 304 с. EDN: OMAUNS
4. Браславский Р.Г. Социологические модели современного цивилизационного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 5. С. 7–40. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.5.1 EDN: NINHCC
5. Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 19–44. EDN: ZCJGUR
6. Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе / Пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 464 с.
7. Йоас Х., Кнебель В. Социальная теория. Двадцать вводных лекций / Пер. с нем. К.Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2013. — 840 с.

8. Интервью с профессором Йоханом Арнасоном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 6. С. 7–17. EDN: SIZRDX
9. Карасев Д.Ю. Реляционно-цивилизационный подход Й. Арнасона и глобальное измерение советского модерна // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 151–156. DOI: 10.31857/S013216250016501-4 EDN: YHDGTQ
10. Конрад С. Что такое глобальная история? / Пер. с англ. А. Степанова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 312 с.
11. Масловский М.В. Исследования советского общества в неовеберийской исторической социологии // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 5–14. EDN: PZQLRZ
12. Терборн Й. Мир: руководство для начинающих / Пер. с англ. Е.М. Горбуновой, Л.Г. Титаренко; Под науч. ред. С.М. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 336 с.
13. Титаренко Л.Г. Восточноазиатский модерн в цивилизационной концепции Йохана Арнасона // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 2. С. 80–95. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.2.4 EDN: APVZKR
14. Adams S., Arnason J. A conversation on social imaginaries: Culture, power, action, world // International Journal of Social Imaginaries. 2022. Vol. 1. No. 1. P. 129–147. DOI: 10.1163/27727866-01010006
15. Arnason J. The future that failed: Origins and destinies of the Soviet model. London: Routledge, 1993. — 252 p.
16. Arnason J. Civilizations in dispute: Historical questions and theoretical traditions. Leiden: Brill, 2003. — 380 p. DOI: 10.1163/9789004405424
17. Arnason J. The labyrinth of modernity: Horizons, pathways and mutations. London: Rowman and Littlefield, 2020. — 230 p.
18. Maslovskiy M. The Soviet version of modernity: Weberian and post-Weberian perspectives // Russian Sociological Review. 2019. Vol. 18. No. 2. P. 174–188. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-2-174-188 EDN: UVQBQZ
19. Randeria S. Entangled histories of uneven modernities: Civil society, caste solidarities and legal pluralism in post-colonial India // Unraveling ties: From social cohesion to new practices of connectedness / Ed. by Y. Elkana, I. Krastev, E. Macamo, S. Randeria. Frankfurt: Campus, 2002. P. 284–311.
20. Smith J. Debating civilisations: Interrogating civilisational analysis in a global age. Manchester: Manchester University Press, 2017. — 205 p.
21. Spohn W. World history, civilizational analysis and historical sociology: Interpretations of non-western civilizations in the work of Johann Arnason // European Journal of Social Theory. 2011. Vol. 14. No. 1. P. 23–39. DOI: 10.1177/1368431010394506
22. Therborn G. Entangled modernities // European Journal of Social Theory. 2003. Vol. 6. No. 3. P. 293–305. DOI: 10.1177/13684310030063002 EDN: JRKXCX

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Масловский Михаил Валентинович — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (812) 316-34-36. **Электронная почта:** m.maslovskiy@socinst.ru

Дата поступления: 27.02.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 1. P. 97–112. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.5

Research Article

*MIKHAIL V. MASLOVSKIY*¹

¹ Sociological Institute of FCTAS RAS, St-Petersburg, Russian Federation.

Office 504, 25/14, 7th Krasnoarmeiskaya st., 190005, Saint-Petersburg, Russian Federation.

ANALYZING THE “ENTANGLEMENT” OF THE SOVIET AND CHINESE MODELS OF ALTERNATIVE MODERNITY IN J. ARNASON’S HISTORICAL SOCIOLOGY

Abstract. This article examines approaches towards analyzing the “entanglement” of modern societies in sociological and historical literature. Differences between G. Therborn’s and J. Arnason’s approaches are highlighted and Arnason’s perspective on “alternative” communist modernity is discussed. The interaction of the USSR and China represents an example of entanglement of alternative modernities. As Arnason demonstrates, in the 1920’s the Soviet model of state-building was seen by various political forces in China as a case of successful imperial restoration. In addition, he highlights the role of ties to China in Soviet politics. Chinese communists adapted Soviet patterns of totalitarian control before even coming to power. After 1949 there was a further adaptation and radicalization of the Soviet model in China. At the same time the rivalry between the USSR and China was largely a product of their imperial legacies. According to Arnason, in post-Maoist China a combination of patterns of capitalist development, elements of Marxist-Leninist political practices and ideology, as well as a selective revival of Confucian legacies all went beyond the Soviet model. Arnason characterizes how Chinese leadership was influenced by the example of economic development of other East Asian countries and examines the rivalry between the USA and China in the global geopolitical context.

Keywords: historical sociology; J. Arnason; multiple modernities; Soviet Union; China.

For citation: Maslovskiy, M.V. Analyzing the “Entanglement” of the Soviet and Chinese Models of Alternative Modernity in J. Arnason’s Historical Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 97–112. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.5

REFERENCES

1. Arnason J. Communism and Modernity. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2011. No. 1. P. 10–35. (In Russ.)
2. Arnason J. East Asian Modernity Revisited. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016. No. 1. P. 191–200. (In Russ.)

3. Arnason J. *Tsyvilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy*. [Civilizational Patterns and Historical Processes]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie publ., 2021. 304 p. (In Russ.)
4. Braslavskiy R. Sociological Models of Contemporary Civilizational Analysis. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2020. Vol. 23. No. 5. P. 7–40. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.5.1 (In Russ.)
5. David-Fox M. Russian-Soviet Modernity: None, Shared, Alternative or Entangled. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2016. No. 4. P. 19–44. (In Russ.)
6. David-Fox M. *Persekaya granitsy: modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soyuze*. [Crossing Borders: Modernity, Ideology and Culture in Russia and the Soviet Union]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie publ., 2020. 464 p. (In Russ.)
7. Joas H., Knoebel W. *Sotsial'naya teoriya: dvadtsat' vvodnykh lektsii*. [Social Theory: Twenty Introductory Lectures]. St-Petersburg: Aleteya publ., 2013. (In Russ.)
8. Interview with Professor Johann Arnason. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2012. Vol. 15. No. 6. P. 7–17. (In Russ.)
9. Karasev D.Yu. J. Arnason's Civilizational and Relational Analysis and Global Dimension of Soviet Modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. No. 9. P. 151–156. DOI: DOI: 10.31857/S013216250016501-4 (In Russ.)
10. Conrad S. *Chto takoe global'naya istoriya?* [What is Global History?] Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie publ., 2018. 312 p. (In Russ.)
11. Maslovskiy M.V. Studies of Soviet Society in neo-Weberian Historical Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2001. No. 4. P. 5–14. (In Russ.)
12. Therborn G. *The World: Beginners' Guide*. [Russ. ed.: *Mir: rukovodstvo dlya nachinayushchikh*. Transl. from Eng. by E.M. Gorbunova, L.G. Titarenko; Ed. by S.M. Gavrilenko. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2015. 336 p.]
13. Titarenko L.G. Eastern Asian modern in the civilizational concept of Johann Arnason. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 80–95. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.2.4 (In Russ.)
14. Adams S., Arnason J. A Conversation on Social Imaginaries: Culture, Power, Action, World. *International Journal of Social Imaginaries*. 2022. Vol. 1. No. 1. P. 129–147. DOI: 10.1163/27727866-01010006
15. Arnason J. *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*. L.: Routledge, 1993. 256 p.
16. Arnason J. *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden: Brill, 2003. 380 p. DOI: 10.1163/9789004405424
17. Arnason J. *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. L.: Rowman and Littlefield, 2020. 230 p.
18. Maslovskiy M. The Soviet Version of Modernity: Weberian and Post-Weberian Perspectives. *Russian Sociological Review*. 2019. Vol. 18. No. 2. P. 174–188. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-2-174-188
19. Randeria S. Entangled Histories of Uneven Modernities: Civil Society, Caste Solidarities and Legal Pluralism in Post-Colonial India. *Unraveling Ties: from Social Cohesion to New Practices of Connectedness*. Ed. by Y. Elkana, I. Krastev, E. Macamo, S. Randeria. Frankfurt: Campus, 2002. P. 284–311.
20. Smith J. *Debating Civilisations: Interrogating Civilisational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press, 2017. 205 p.
21. Spohn W. World History, Civilizational Analysis and Historical Sociology: Interpretations of Non-Western Civilizations in the Work of Johann Arnason. *European Journal of Social Theory*. 2011. Vol. 14. No. 1. P. 23–39. DOI: 10.1177/1368431010394506
22. Therborn G. Entangled Modernities. *European Journal of Social Theory*. 2003. Vol. 6. No. 3. P. 293–305. DOI: 10.1177/13684310030063002

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Maslovskiy — Doctor of Sociological Sciences, Lead Researcher,
Sociological Institute of FCTAS RAS.

Phone: +7 (812) 316-34-36. **E-mail:** m.maslovskiy@socinst.ru

Received: 27.02.2023.

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

В этом году исполняется 20 лет с тех пор, как с нами нет Геннадия Семеновича Батыгина (1951–2003) — основателя и бессменного главного редактора «Социологического журнала», известного методолога и историка социологии. В память о Г.С. Батыгине коллеги и друзья решили рассказать о нем в серии интервью, которые планируется опубликовать в течение года. Эти материалы позволят узнать о малоизвестных фактах профессиональной жизни Г.С. Батыгина, круге его научного общения, влиянии его личности на тех, кто оказывался рядом.

Начнем с воспоминаний доктора социологических наук Марии Владимировны Богдановой, бывшей аспирантки Г.С. Батыгина и участницы совместных проектов. Также публикуем письма Батыгина к Богдановой в пору ее работы над кандидатской диссертацией.

Интервью и публикацию писем подготовил Д.М. Рогозин, ученик и коллега Геннадия Семеновича.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.6

EDN: UJZHAU

М.В. БОГДАНОВА¹, Д.М. РОГОЗИН^{2,3}

¹ Тюменский индустриальный университет.
625000, Тюмень, ул. Володарского, д. 38.

² Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

³ Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).
119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82.

«ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЕТ НЕ СТОЛЬКО РАДИУС, СКОЛЬКО ОРБИТА»: О СТИЛЕ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРОФЕССОРА БАТЫГИНА

Аннотация. Интервью посвящено Геннадию Семеновичу Батыгину (1951–2003) — знаковой фигуре уже для нескольких поколений социологов в России. Его интеллектуальное наследие представлено научными статьями, книгами, учебниками по истории социологии и методологии социологического исследования, изданием коллективных монографий и переводов, одним из лучших в России журналов по социологии. А также системой ценностных установок, норм, правил производства социологиче-

ского знания, переданных Батыгиным своим ученикам, коллегам в личной коммуникации и воспринятых ими.

В интервью приводится опыт работы полевика-социолога под руководством Г.С. Батыгина в социологическом проекте исследования российского предпринимательства 1990-х гг. Рассказывается о взаимодействии с Геннадием Семеновичем как с научным руководителем в работе над кандидатской диссертацией по социологии. Обсуждается влияние профессионального и морального авторитета Батыгина на тех, кому представилась возможность у него учиться, и то, как внеличный этиос науки может находить выражение в личностях и передаваться следующим поколениям. Публикуемые письма Батыгина иллюстрируют уникальный стиль его взаимодействия с аспирантами. Этот стиль отличают: коллегиальность в работе, настраивание аспиранта на изучение специфических правил, усвоение норм социологического ремесла, вовлечение в свободную и одновременно ответственную саморегулируемую профессиональную деятельность.

Ключевые слова: Батыгин Геннадий Семенович; профессиональный авторитет; научное руководство; ремесло социолога; преемственность российской социологической традиции.

Для цитирования: Богданова М.В. «Значение имеет не столько радиус, сколько орбита»: о стиле научной коммуникации профессора Батыгина / Интервью и публикацию писем подготовил Д.М. Rogozin // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 113–129. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.6 EDN: UJZHAU

Марина Владимировна, когда Вы познакомились с Батыгиным, при каких обстоятельствах? Какое первое впечатление он на Вас произвел?

Я узнала о Батыгине в 1989 году, когда работала инженером в Лаборатории прикладной этики Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень). Один из проектов был посвящен гуманитарной экспертизе положения коренных народов Севера в условиях интенсивного освоения Тюменского региона нефтяниками, а также нравственной жизни российского общества в период перестройки. Не помню, как была причастна к текстам экспертов, возможно, на этапе предпечатной подготовки что-то делала. Содержательно они мне казались тяжелыми для восприятия, перегруженными специальной терминологией, поэтому особенно и не вникала в содержание. Но заинтересовало название одного текста — «Не судите...» Подумала: как такая экспертиза может быть связана с одной из десяти заповедей? Это был текст Батыгина. Прочитала. И подумала, что если я и буду продолжать работать в этой структуре, то чисто в этику точно «не пойду». Автор писал об этической экспертизе нравственного выбора, в том числе о невозможности стать свободным по указанию сверху, о фетише «идеального эксперта», наделенного правом оценивать действия людей,

прикладывая к ним «моральный эталон», а затем принуждать к благу. И — о заповеди «Не судите», помещающей моральную оценку в пространство внутренней рефлексии, тем самым сохраняющей человека от лжи морального осуждения и дающей шанс на покаяние. (Сейчас бы я сказала, что Батыгин говорил о рисках этических перекосов, но это было бы упрощением, скорее — о том, что человек — это великая тайна и форматирование его духовной сферы извне разрушительно.) Мне это было близко. Вот такое впечатление.

Встреча лицом к лицу с Батыгиным произошла в 1990 году в Москве, на его лекции о прикладных социологических исследованиях. В это время Советская социологическая ассоциация и Институт молодежи ЦК ВЛКСМ проводили очные семимесячные курсы повышения квалификации в сфере социологии. Геннадий Семенович рассказывал об эвристической и инженерной (работающей с инновациями, собственно, прикладной) социологии, объекте, оценках, прескрипторах. У него был какой-то особенный стиль: как будто показывал, с чем мы, будущие социологи, по сути будем иметь дело. Это было неожиданно и вызвало у некоторых слушателей почти возмущение. Я тоже задала вопрос, на какие принципы социологу ориентироваться, в чем его предназначение. Ответ был: «Добросовестно исполнять свое ремесло». Такого ответа я не ожидала. Окончание 1980-х — начало 1990-х было временем своего рода триумфа социологии у нас: появлялись интересные книги, лекторы, исследования, возрождалось социологическое образование. И вдруг — «ремесло»?¹ Я задумалась... продолжаю думать. Вот такое впечатление.

Вместе с тем Вы выбрали Батыгина научным руководителем своей кандидатской диссертации. Значимость ремесленной работы одержала верх, или на это повлияли какие-то другие обстоятельства? В кругу НИИ прикладной этики было много ярких исследователей, с куда менее эпатирующей позицией относительно профессии и призвания социолога. Почему Батыгин?

До появления в моих планах темы кандидатской диссертации я работала с Геннадием Семеновичем в научно-исследовательском проекте «Этика гражданского общества» (примерно 1990–1991 гг.)². Батыгин в этом проекте концептуализировал, разрабатывал, координировал

¹ О стиле социологической работы Г.С. Батыгин рассуждает в статье «Ремесло Пауля Лазарсфельда: введение в его научную биографию», впервые опубликованной в 1990 г. [4] и перепубликованной в «Социологическом журнале» (№ 2, 2003). — *Прим. ред.*

² В 1990-е гг. этот проект с постоянным участием Г.С. Батыгина проходил под руководством профессора В.И. Бакштановского в НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета. — *Прим. ред.*

социологическое исследование. Оно было сосредоточено на попытке понять и описать ситуацию распада нормативных образцов поведения, существовавших в советском обществе, и возникновения некоей рыночной этической альтернативы. Речь шла о предпринимательстве: какие люди выбирают предпринимательство как стратегию своей жизни, а какие — нет. Геннадий Семенович разработал подробную программу с описанием возможностей и ограничений социологического исследования феномена, который как бы еще «висел в воздухе», концептуального словаря, переменных, индексов, подробной инструкции интервьюеру. Задача, как говорил Батыгин, заключалась в том, чтобы при помощи «дырявой сети» социологических переменных попытаться поймать типы предпринимателей. Выборка, если не ошибаюсь, составляла 200 единиц. Я была интервьюером. В процессе интервьюирования возникало много вопросов. Но решения находились быстро, были четкими и обоснованными — Геннадий Семенович (хотя он был в Москве, а я в Тюмени), можно сказать, всегда был рядом, помогал, прояснял, обсуждал все вопросы.

Уже позднее, размышляя об этом опыте, спрашивала себя: на чем основывалась моя уверенность и решимость? С кем только мне ни приходилось беседовать тогда: от президента концерна «Гермес» с пятью охранниками, руководителей отделов в «Газпроме» до так называемых «темных частников». Теперь понимаю, что Батыгину удавалось настроить работу так, что интервьюер «в поле» был способен свободно и четко удерживать ролевую позицию, а также свою задачу в каждой коммуникации. К тому же, как оказалось, мне это было интересно. Вероятно, «ремесло социолога» как-то отозвалось.

Когда возник вопрос о работе над кандидатской диссертацией, у меня не было сомнений, что это будет не этика и не философия, а социология. Геннадий Семенович согласился быть моим соруководителем кандидатской диссертации (другим соруководителем был В.И. Бакштановский).

Марина Владимировна, спасибо, что упомянули об этом проекте. Я видел ссылки на обширный корпус публикаций Батыгина по его итогам. Например, «Этика дела и/или этика долга» в сборнике «На пути к гражданскому обществу» (1991) [5]; «Бизнес и/или мораль: некоторые результаты социологического опроса тюменских предпринимателей» в сборнике «Этика Севера» (1992) [1]; «Предпринимательский аскезис» в сборнике «Будь лицом: ценности гражданского общества» (1993) [3], «Деловая аскеза» в сборнике «Этика успеха» (1994) [2]. В суете все не доходят руки найти полные тексты и внимательно прочитать. Подскажите, что главное лично Вы вынесли из этого проекта? Какими увидели предпринимателей? Что Вас удивило, оказалось неожиданным? И в конце напишу прямо калькой: что в этом проекте открылось для Вас «научной новизной»? И какое место

в этом занял Батыгин? Очень хочется почувствовать хотя бы отчасти стилистику, прагматику, логику тех обсуждений, споров.

Проект «Этика гражданского общества» (точнее, его социологическая часть) для меня был своего рода полигоном освоения некоторых умений, навыков «ремесла социолога». Под руководством Батыгина. Как я уже отмечала, с ним можно было обсудить все: от вступительных слов интервьюера для внятного рассказа о цели встречи, особенностей визуального контакта с респондентом, адекватных для разных ситуаций форм завершения разговора до прояснения различий наблюдаемой и латентной переменных. При этом Геннадий Семенович не употреблял обороты типа «Вы должны...», «Вам не следует...», «Делайте так...», но говорил: «Нам предстоит выйти на...», «Наша задача...», «Это означает, что нам необходимо изменить...» Ему как-то удавалось при четкой функциональной субординации создавать и поддерживать ситуацию равенства в процессе работы. Работать было сложно и интересно. Тогда, в 1991 году, о генеральной совокупности предпринимателей в России было нечеткое представление, опрашивались работающие в частном секторе, который в то время только складывался; в госсекторе (но подрабатывающие в иной сфере); так называемые «теневые» предприниматели (что-то перепродавали и т. п.). Где только наши респонденты не размещались: в кабинетах нефтяных главков, административных зданиях; помещениях в «промзоне», домах частного сектора, цокольных этажах гостиниц и даже общежитий и т. п. Я увидела другой город Тюмень — можно сказать, его закулисье.

Батыгин выделял в качестве значимых критериев выборки род занятий и самоидентификацию с предпринимательством. Чем больше опрашивала, видела, что предпринимателями считают себя люди разных возрастов, занятые разными видами деятельности, имеющие различный уровень образования, тем очевиднее для меня становилось, что предпринимательство «осваивается» людьми, находящимися как будто на разных — возможно, противоположных — моральных полюсах, сопряженных с теми видами деятельности, которыми они занимались прежде.

Одни были озабочены тем, что их предпринимательство может восприниматься как «мошенничество», «обман», явление, морально осуждаемое в их окружении. (При этом, как оказалось, по результатам опроса общественного мнения в регионе, многие люди, не занятые предпринимательством, предполагаемое осуждение со стороны которых вызывало моральное напряжение у этой условной группы предпринимателей, были сосредоточены в тот период на попытках понять, как выжить им самим в резко изменившихся обстоятельствах жизни, и у них в отношении нарождающегося предпринимательства не было ни негативных, ни положительных оценок.) Для других респондентов

само наименование «предприниматель» было своего рода маркером легитимации в обществе их занятий.

Но эти мои наблюдения не относились к занятым в сфере административно-управленческого аппарата госучреждений.

Вспоминаю, можно сказать, дискуссию о схожести ценностных ориентиров этого становящегося предпринимательства и дореволюционного (в том числе в среде старообрядцев). Батыгин на это говорил: соотносить можно, но ценностная регуляция поведения у них различна. Также предостерегал от почти безосновательного стремления обнаружить общность ценностных ориентиров их деятельности и предпринимательского духа протестантов. И действительно, все оказалось значительно сложнее и запутаннее с точки зрения моральных и культурных процессов, которые происходили в этом символическом пространстве.

В поведении предпринимателей просматривались два типа действия: целерациональный и ценностно-рациональный. И сказать, какой из них был доминирующим в этот период, было сложно. Из сегодняшнего дня, наверное, элементами «научной новизны» в этом исследовании можно считать обнаружение смешанности ценностных ориентиров новых предпринимателей: склонности, интересы, личная свобода способствовали выстраиванию жизненной траектории в открывшемся для предпринимательства пространстве, а морально-этические регулятивы, этическая оправданность этого дела отсутствовали в культуре советского общества. Вероятно, неслучайно в работах Батыгина этого периода уделяется внимание таким понятиям, как «деловая аскеза», «этика долга — этика дела», «предписанная свобода» и т. п.

Мне думается, что в нашем обществе, испытавшем резкую смену своего устройства, и сегодня возникают ситуации смешанности ценностных ориентиров — например, при быстрой экономической перестройке извне профессиональных сфер, в которых саморегулирование имеет значение (сфера образования). Обнаружение таких ситуаций для социолога уже обладает определенным объяснительным потенциалом. И работы Геннадия Семеновича Батыгина по этой проблематике — в помощь.

Одна из самых нашумевших статей того времени написана Батыгиным в соавторстве с И.Ф. Девятко — «Миф о качественной социологии» (1994) [6]. Многие коллеги восприняли ее как категорический отказ от качественной традиции, что очень сильно расстраивало Геннадия Семеновича. А как Вы интерпретировали эту статью? Как в то время и сейчас подходите к методологической дилемме качественного и количественного?

Да, некоторые коллеги-социологи говорили о том, что в этой статье Батыгин и Девятко — позитивисты — в пух и прах раскритиковали качественную методологию. Мне эти разговоры казались несколько безосновательными — как будто они ранее не читали Батыгина. Например, в 1990 году в журнале «Вестник Академии наук СССР» вышла его статья «Ремесло Пауля Лазарсфельда (введение в научную биографию)» [4]. Как она попала мне в руки тогда — Геннадий Семенович поделился ею или коллеги показали, — уже не помню. Но после прочтения возникло ощущение, что я узнала не только об удивительном ученом П. Лазарсфельде и его профессиональном пути, но и о социологии как науке, ее ценностных основаниях, необходимости отличать науку от идеологии, ученого от пророка, несостоятельности противопоставления гуманитарного и технического знаний, об искусстве задавать вопросы. И все это было показано через биографию ученого.

Тогда я думала, что, возможно, возмущенные представители социологического сообщества усмотрели в статье «Миф о качественной социологии» посягательство на свободу выбора социологом методологии исследований. Однако авторы говорили скорее о другом — о дисциплинарных границах социологии, напоминая о ценностях, на основе которых производится научное знание, о рисках возникновения зависимости профессионала от клиента, рисках принятия идеи о неделимости знания, интересов и власти. Для меня тогда такие вопросы были острыми. Об этом, мне думается, и сегодня стоит нам, социологам, помнить.

Вероятно, я еще не достигла необходимой глубины погружения в социологическую методологию, чтобы что-то значимое сказать о методологической дилемме качественного и количественного. И тогда и сейчас меня больше занимали и занимают вопросы валидности применения в рамках одного исследования качественных и количественных методов. (Особенно после того, как начиталась З. Баумана.)

Сейчас не принято приглашать студентов домой, зачастую преподаватели стараются держать дистанцию, демонстрируя формальный, деловой стиль общения. Не знаю, насколько это видите Вы, но в Москве это очень заметно. Встречались ли Вы с Батыгиным неформально, вне Академии? Бывали ли у него дома? Каким он был за рамками академического письма? И насколько важно, на Ваш взгляд, показывать студенту не только аргументацию и логику, но и стиль научной работы, повседневность научного работника?

Дома у Батыгина я не бывала. Неформально вне Института социологии мы встречались в библиотеках. В Ленинской библиотеке (ныне — Российская государственная) Геннадий Семенович проводил настоящие экскурсии в мир хранилищ информации о научных публикациях всего мира. Мы заходили в разные отделы и секторы, он

показывал, как пользоваться поисковыми системами, тематическими каталогами. Он делился этими знаниями легко, просто и щедро на разных примерах — для меня тогда основным источником информации были преимущественно ежемесячные издания «Книжной летописи», а тут я увидела бесконечные возможности...

Запомнились встречи в чудесной библиотеке «Шанинки», и хотя мы обсуждали непростые вопросы, связанные с диссертационным исследованием, ее магическая атмосфера придавала силы и уверенность.

И в Институте социологии, и вне Института, и в переписке, и при личных встречах Батыгин был один и тот же — максимальное уважение к собеседнику, серьезный подход к предмету разговора, точность слов, невероятная легкость в общении при отсутствии намека на фамильярность.

Полагаю, что если держать дистанцию, демонстрируя преимущественно формальный, деловой стиль общения, вряд ли можно показать, как производится научное знание, и уж тем более вовлечь в это дело студентов. Однако для того, чтобы познакомиться со стилем научной работы и повседневностью научного работника, не обязательно приглашать студентов домой. Имеют значение сама коммуникация, ее цель, тон, личность, а пространством может быть и «третье место».

Вы упомянули о Зигмунде Баумане. А кто еще из социологов оказал на Вас большое влияние? Может быть, с кем-то Вы были знакомы лично? Или с кем-то Вас познакомил или рекомендовал познакомиться Геннадий Семенович?

Социологов, которые оказали на меня влияние, много (и российских, и из других стран). Особо могу выделить троих. Конечно же — Владимир Александрович Ядов. Я не была знакома с ним лично, впервые услышала его лекции на курсах (о которых говорила ранее), потом читала его учебник. Но понимание глубины и обоснованности его текстов о необходимости теоретико-методологических оснований социологического исследования, гипотез, продумывания методов и процедур, пилотажа полевых инструментов у меня появилось, когда в социологической лаборатории ленинградского завода «Светлана» в 1990 году увидела толстые отчеты Ядова и его коллектива по социологии труда, напечатанные на машинке. Посмотрев эти отчеты, подумала: как много (при правильной работе) может рассказать социология о том, что скрывает поверхность, казалось бы, очевидного. Позднее, помню, на одной из летних школ по социологии Ядов вдруг заговорил о социологическом исследовании кризиса социальной идентичности в российском обществе. Затем появились на русском языке работы таких социологов, как П. Штомпка, Э. Гидденс, У. Бек. Стало понятно, что эта социологическая проблема-задача — надолго, а теперь кажется — почти навсегда.

Не могу не выделить влияние Валентины Федоровны Чесноковой. Была знакома с ней не лично, а через ее работы. Исследования, которые я проводила или в которых участвовала, были связаны с феноменом «этоса» становления, трансформирования профессиональной общности, институции. Меня заинтересовало введенное ею понятие «социальный архетип» и то, как оно может помочь в работе с феноменом «этос университета». Конечно же, меня заинтересовала ее работа «Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века» [7] — то, как социологически корректно в ней были показаны возможности и пределы исследования такого рода предметов, как воцерковленность. А ее учебник по истории социологии (читала его главы сначала на «Полит.ру») — это вообще разговор «на троих»: классика от социологии, автора учебника и читателя, с соблюдением субъектности каждого участника коммуникации. Я бы сказала, что это тоже способ освоения ремесла социолога по Батыгину.

И — Александр Юрьевич Согомонов. С ним я лично знакома и рада возможности продолжать общение. Можно сказать, что с его легкой руки я и начала вникать в социологию, от него узнала о социологических курсах, организованных Советской социологической ассоциацией СССР. В 1995 году при Институте социологии был создан Центр социологического образования, его академическим директором был Согомонов. Летние, зимние школы в этом Центре были интересными, познавательными, просветительскими. Опытном исследований делились как мэтры-социологи, так и молодые исследователи — и российские, и из других стран. Тогда еще не на слуху было выражение «критическое мышление», но мне кажется, что именно формированию критического и одновременно эвристичного социологического видения происходящих процессов были посвящены занятия Согомонова — круглые столы, дискуссии, разработки социологических проектов, коллективные рефлексии.

Вы не думали поступать в «Шанинку»? Столько людей прошло через эту школу, в то время была очень хорошая грантовая поддержка, что даже удивительно, что Вы хотя бы на время не перебрались в Москву.

Когда Геннадий Семенович был деканом факультета социологии в Шанинке³, мне удалось несколько раз побывать там на его занятиях. В том числе на лекциях по редактированию научных текстов. Было интересно, познавательно, однако тогда подумала, что вообще-то это не совсем социология и заниматься этим не буду. И для чего такой ученый, как Батыгин, тратит на это свое время? Но, как оказалось, это тоже социология, и этим я тоже занимаюсь.

³ Г.С. Батыгин был одним из основателей Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинка»); с 1995 г. — деканом и преподавателем факультета социологии. — *Прим. ред.*

Иногда думаю, что упустила этот шанс, — Батыгин приглашал меня поступить в «Шанинку», говорил о грантовой поддержке, об условиях, о возможностях... Не решилась, вероятно, не вполне была готова к переезду в Москву.

Вспоминаю один разговор с Геннадием Семеновичем в его секторе. Там на стене была доска, на которой он размещал фотографии своих аспирантов, мне сказал, что я его тринадцатый аспирант и на этой доске должно быть мое фото. Ответила что-то типа: поскольку я географически далеко, то смогу ли в полной мере соответствовать этому почетному месту? Его ответ: значение имеет не столько радиус, сколько орбита, а Ваша профессиональная траектория теперь уже всегда будет находиться в системе с центром здесь (и указал на помещение сектора). Время показало, что он был прав.

Возможно ли взаимодействие Геннадия Семеновича Батыгина в качестве научного руководителя со мной на этапе кандидатской диссертации определить как дистанционную работу уже в то время? Скорее, это была какая-то смешанная форма коммуникации. Ее содержание и способы были важны, но главным в ней было влияние на соискателя личности Батыгина как наставника. Поэтому имели значение и переписка, и взаимодействие в исследовательских проектах, и встречи, обсуждения, и даже сопричастие без слов — возможность вместе помолчать и подумать...

Марина Владимировна, большое спасибо за ответы. Трудно завершить разговор о Батыгине, потому надеюсь, что продолжим и после этого интервью. Спасибо.

Дмитрий Михайлович, действительно, разговор о Батыгине сразу завершить не получается. Приходит на ум аристотелевское понятие энтелехия в связи с Батыгиным. Он не только осуществил свою жизнь, но и повлиял на осуществление жизни тех, кто с ним общался. Для меня возможность целенаправленного разговора о Батыгине очень важна — спасибо Вам. Как будто открывается пространство продолжающейся коммуникации с ним.

ПИСЬМА Г.С. БАТЫГИНА к М.В. БОГДАНОВОЙ

3 июня 1993 г.

Уважаемая Марина!

Прежде всего я вынужден предупредить Вас о недопустимости присылки мне конвертов с надписью «Уплочено».

Не делайте этого — не надо.

Делайте следующее:

1) Пришлите необходимые документы для зачисления Вас соискателем Института социологии РАН; заявление на имя Ядова В.А. и личный листок, заверенный Вашим начальством, плюс биографию.

2) Сообщите мне график кандидатских экзаменов — мы об этом, помнится, договаривались. Посылаю Вам для ориентировки вопросник по специальности.

3) Сейчас Вам надо реферировать все, что имеет отношение к теме. Речь идет о нормах предпринимательства, но фактически нам с Вами нужны сведения о том, какими мотивами и целями руководствовались люди в разных культурных этосах и какие средства для этого выбрали. Богатство, престиж и власть — не всеобщая схема. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» поп выбирает для анализа своей жизни триаду: покой, богатство, честь. И он прав.

Очень хорошо, что Вы прочитали А.Я. Гуревича, Мертонa. Читайте Оссовскую, Вебера, Хейзенгу. Смелсера читать не надо, а у Дюркгейма есть недавно изданный том в серии «Социологическое наследие».

Советую Вам не делать выписки из книг, а редактировать их, то есть излагать их содержание, ссылаясь на определенные фрагменты текста, анализировать идеи автора и сопоставлять их с другими концепциями. Обязательно давайте точное стандартное библиографическое описание цитируемых изданий со ссылками внизу страницы. Это нужно делать для того, чтобы у Вас получались разные по величине «кусочки». Пока мы не знаем целого, но когда кусочков будет много, мы их будем сортировать, переделывать и составлять большой текст. Чтобы не делать напрасную работу, сразу же все оформляйте предельно аккуратно, не забывайте указывать инициалы автора, издательство и страницы. Обязательно ведите личную картотеку книг и статей. Потом она составит список литературы в диссертации.

О большой концепции пока не размышляйте. Когда приходит мысль, записывайте ее связно и аккуратно, а лист кладите в папку. Главное сейчас — наработка объема. Научный сотрудник — курица. Он ищет зерна и клюет их, предварительно разглядывая. А яйцо по-является как бы само собой.

Марина! Я верю в Вас и надеюсь прославиться как Ваш научный руководитель. Жду писем и текстов не реже чем раз в месяц.

Привет Бакштановскому.

Ваш Батыгин.

Ноябрь 1994 г.

Уважаемая Марина Владимировна!

Спасибо за Ваше письмо. У Вас получился хороший реферат, и я надеюсь, что мало-помалу начнет прорисовываться текст диссертации. Все, что Вы сделали, я надеюсь, пойдет в первую (обзорную) главу. Пожалуйста, продолжайте реферировать публикации и посылать тексты мне. Если можно, постарайтесь сделать маленький обзор (страниц на семь-девять) только последних оригинальных, т. е. неперевожденных публикаций по предпринимательской этике. Это нужно для того, чтобы я смог опубликовать Ваш материал в журнале. Разумеется, это должны быть новейшие материалы (статьи и книги). Посылаю Вам выправленный мной текст до восьмой страницы. Остальные источники, в том числе Оссовская, Зомбарт, Вебер, Хайек, Мизес и Батыгин интереса не представляют. Они принадлежат истории⁴. Оставьте Радаева, Гимпельсона, Лапину, Шихирева, Бакштановского, Агеева, Чепуренко и поищите новых авторов (1994 года издания). Моей правки не пугайтесь — это обычная правка обычного научного текста. Продолжайте изложение в том же духе. Позволю себе несколько советов по поводу жанра реферирования. Цель работы в том, чтобы наши коллеги могли прочитать реферат вместо оригинального источника и узнать самое главное. Сначала нужно пройти по тексту книги или статьи с карандашом и отметить опорные пункты. Затем надо написать рассказ исходя из следующей композиции: 1) Кто, когда и в какой работе впервые поставил эту проблему (например, происхождение этики предпринимательства); 2) Кто, когда и где разрабатывал это направление, и какие основные теории существуют в настоящее время; 3) В чем основное содержание проблемы сегодня и почему; 4) Каков общий тематический репертуар работ по предпринимательской проблематике сегодня (переводы, «желтая» литература, публицистика, научные работы, в том числе чисто теоретические, результаты обследований, статистические данные и т. п.); 5) Переложение 5–7 наиболее интересных работ с двумя-тремя «релевантными» цитатами. Это композиция придуманная, и следовать ей буквально вовсе не обязательно. Пишите как пишется. Свой мысли выражать не обязательно — еще успеем.

Еще раз благодарю Вас за работу. Желаю Вам счастья, успеха и всего самого доброго.

Ваш Г.С. Батыгин.

P.S. Может быть, я уеду в Англию с февраля по апрель, но это зависит от того, займутся ли мной хирурги и если займутся, то что из этого выйдет. Очень много «если», но мы должны выполнять наши задачи сегодня. В любом случае жду Ваших материалов. Если Вас

⁴ В последних фразах угадывается не что иное, как дань свойственной Батыгину самоироничности. — *Прим. ред.*

не затруднит, высылайте почту на адрес института (117259, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, кор. 5, Институт социологии РАН, Г.С. Батыгину, тел. 120-82-57), поскольку, если меня не будет дома, то почту брать будет некому, а мои коллеги обеспечат немедленную связь и с границей, и с больницей — извините за нечаянную рифму.

9 мая 1994 г.

Уважаемая Марина Владимировна,

я был немного болен и не мог ответить на Ваше письмо своевременно, но зато у меня была возможность более тщательно прочитать рефераты Хейзенги и Вебера. Без каких-либо преувеличений я хочу сказать, что Вы работаете исключительно добросовестно и обладаете точным видением смысла реферируемого источника. Хочу только посоветовать Вам придерживаться аналитической манеры изложения, которой Вы хорошо владеете, и избегать «внутренних самооценок». Например, в реферате хейзинговской «Осени» Вы пишете, что пытаетесь понять, какими мотивами и целями руководствовались в тот период, «осознавая опасность неточной, неадекватной интерпретации текста книги» (с. 2). Такого рода рефлексии излишни. Ничего плохого здесь нет, кроме маленького нарушения правил жанра. Но нам с Вами пора переходить к выполнению диссертационных задач, и то, что Вы сделали, может быть успешно использовано в качестве материала для собственного анализа проблемы. Делается это обычно путем «раскрытия» и группировки изучаемых вопросов. Поэтому параллельно реферированию Броделя (не знаю, удалось ли Вам найти его трехтомник) прошу подготовить небольшие статьи по проблемам, остающимся неясными (во всяком случае, для меня): 1) в чем различия между выделяемыми Вебером типами социального действия и почему он отказывается в рациональности традиционным формам регуляции поведения; 2) чем отличается авантюрный капитализм от рационального хозяйствования? Я никак не возьму в толк, почему для Вебера и многих других торговля и обращение капитала отделены от производительного труда моральными критериями, в конце концов, почему торговля не является трудом — Маркс усматривал в этом сущность еврейства, а Вебер противопоставил аморальному иудею добродетельного протестанта. Так ли? Попытайтесь разобраться в этой каше и установить атеоретические допущения у Вебера. Эти статьи, мне кажется, можно сделать путем «раскрытия» рефератов — материал у Вас есть, и подготовка 7–9 страниц не займет много времени.

Далее. Мне бы хотелось, чтобы к сентябрю Вы сделали 20-страничный аналитический обзор российской литературы по социологии предпринимательства — возьмите «Книжную летопись» и посмотрите, что опубликовано за 1993–1994 годы. Я постараюсь напечатать Вашу работу в каком-нибудь из московских научных журналов.

Я догадываюсь, что Вам приходится нелегко, а я обременяю Вас заданиями. Могу утешить только тем, что со временем все это войдет в привычку. Сообщите мне, пожалуйста, каковы наши с Вами планы насчет кандидатских экзаменов — у меня, вероятно, выраженный склероз сосудов головного мозга, но я припоминаю, что этой весной надо было что-то сдавать.

Еще раз хочу заверить Вас, что работа с Вами доставляет мне большую радость. Желаю Вам всего доброго.

Ваш Г.С. Батыгин.

8 августа 1994 г.

Уважаемая Марина Владимировна!

Я прочитал выполненный Вами реферат Вебера и думаю, что Вам полезно прекратить, хотя бы на время, работу с его сочинениями. Потом, когда у нас появится исторический материал и опыта будет побольше, вернемся к веберовской теории рационализации. Но пока хочу заверить Вас, что у Вебера я не вижу убедительного обоснования тезиса о моральной мотивации протестантского «подвижничества». У Вас отчетливо показана сущность рациональной аскезы протестантского капитализма на фоне теории социального действия. Этого вполне достаточно. Пожалуйста, попробуйте «слепить» из того, что Вы наработали, черновую версию теоретической (или историографической) главы — нечто вроде расширенной аннотации на 2–3 страницы. Пора делать диссертацию (параллельно с чтением Броделя).

Спасибо за кандидатский экзамен по философии. Мне кажется, что протокол, копию которого Вы мне прислали, вполне настоящий, но в ВАК посылается не протокол, а удостоверение — по другой форме. К сожалению, наша заведующая аспирантурой сейчас в отпуске. Если все будет так, как я рассчитываю, в сентябре я этот вопрос выясню. Но и Вы попробуйте получить в ИПОСе⁵ удостоверение об экзамене — на всякий случай.

Пожалуйста, сообщите мне о том, что Вы думаете о своих публикациях. Вам пора выходить на нормальный режим работы научного сотрудника и писать для начала три хорошие статьи в год. Пока я редактор журнала, я бы очень хотел опубликовать обзор (хотя бы выборочный) по социологии предпринимательства в России. Простите, что вынужден оказывать на Вас давление, — хочется побыстрее видеть Вас кандидатом.

Надеюсь, что Вам удалось хотя бы немного отдохнуть. Желаю Вам удачи и всего доброго.

Ваш Г.С. Батыгин.

P.S. Возвращаю реферат Вебера.

⁵ Институт проблем освоения Севера СО РАН. — *Прим. ред.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батыгин Г.С.* Бизнес и/или мораль: некоторые результаты социологического опроса тюменских предпринимателей // *Этика Севера: Сборник научных трудов* / Под ред. В.И. Бакштановского, Т.С. Караченцевой. Томск: Издание ИПОС СО РАН, 1992. С. 57–68.
2. *Батыгин Г.С.* Деловая аскеза // *Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов, ЛПР. Вып. 1* / Под ред. В.И. Бакштановского, В.А. Чурилова. М.; Тюмень: Издание «Социологического журнала», 1994. С. 19–26.
3. *Батыгин Г.С.* Предпринимательский аскезис // *Будь лицом: ценности гражданского общества* / Под ред. В.И. Бакштановского, Ю.В. Согомонова, В.А. Чурилова. Т. 2. Томск: Изд-во Томского университета, 1993. С. 140–160.
4. *Батыгин Г.С.* Ремесло Пауля Лазарсфельда: введение в его научную биографию // *Вестник Академии наук СССР*. 1990. № 8. С. 94–108.
5. *Батыгин Г.С.* Этика дела и/или этика долга // *На пути к гражданскому обществу: Нравственные оппозиции: Материалы экспертного опроса* / Под ред. В.И. Бакштановского. М.: Прометей, 1991. С. 17–55.
6. *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Миф о «качественной социологии» // *Социологический журнал*. 1994. № 2. С. 28–42. EDN: TZKHOJ
7. *Чеснокова В.Ф.* Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. — 297 с. EDN: SULLZJ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богданова Марина Владимировна — доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник НИИ прикладной этики, Тюменский индустриальный университет.

Телефон: +7 (982) 776-29-05. **Электронная почта:** bogdanovamv@tyuiu.ru

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; директор, Научно-исследовательский центр полевых исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** rogozin@ranepa.ru

Дата поступления: 24.01.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.

VOL. 29. No. 1. P. 113–129. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.6

Research Article

MARINA V. BOGDANOVA¹, DMITRY M. ROGOZIN^{2,3}

¹ Industrial University of Tyumen.

38, Volodarskogo str., 625000, Tyumen, Russian Federation.

²Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

³ Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (RANEPA).

82, prosp. Vernadskogo, 119571, Moscow, Russian Federation.

“IT’S NOT SO MUCH THE RADIUS, BUT RATHER THE ORBIT THAT MATTERS”: ON PROFESSOR BATYGIN’S STYLE OF SCIENTIFIC COMMUNICATION

Abstract. This interview is dedicated to Gennady Semyonovich Batygin, a scientist renowned by several generations of sociologists in Russia. His intellectual heritage consists of scientific articles, texts of editorial introductions to scientific monographs, a textbook on the methodology of sociological research, and Russia’s leading sociological journal. His intellectual heritage also includes a system of values, norms, rules for the production of sociological knowledge, which Batygin passed on to his students and colleagues in personal communication and was absorbed by his students. The interview cites a sociologist’s experience working under the guidance of G.S. Batygin in a sociological research project on Russian entrepreneurship in the 1990’s. It speaks about collaboration with Batygin in working on a PhD dissertation in sociology with him as the academic advisor. The influence of Batygin’s professional and moral authority over those who had the opportunity to study with him is discussed, as well as how the scientific ethos can be expressed in personalities and passed on to the next generation. The letters show Batygin’s unique style of interaction with graduate students. This style is distinguished by: collegiality in work, teaching a graduate student a specific set of rules, the norms of the sociological craft, involvement in open and at the same time responsible self-regulating professional activity.

Keywords: Batygin Gennady Semyonovich; professional authority; sociologist’s craft; academic advisor; the continuity of the Russian sociological tradition.

For citation: Bogdanova, M.V. “It’s not so much the Radius, but rather the Orbit that Matters”: on Professor Batygin’s Style of Scientific Communication. Interview and publication of letters prepared by D.M. Rogozin. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 113–129. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.6

REFERENCES

1. Batygin G.S. Business and/or morality: some results of a sociological survey of Tyumen entrepreneurs. *Etika Severa: Sbornik nauchnykh trudov*. [Ethics of the North: Collection of scientific papers.] Ed. by V.I. Bakshtanovsky, T.S. Karachentseva. Tomsk: Izdanie IPOS SO RAN publ., 1992. P. 57–68. (In Russ.)
2. Batygin G.S. Business ascesis. *Etika uspekha: Vestnik issledovatelei, konsul’tantov, LPR*. [Ethics of success: Bulletin of researchers, consultants, decision makers.] Iss. 1. Ed. by V.I. Bakshtanovsky, V.A. Churilov. Moscow; Tyumen’: Izdanie “Sotsiologicheskogo Zhurnala” publ., 1994. P. 19–26. (In Russ.)
3. Batygin G.S. Entrepreneurial ascesis. *Bud’ litsom: tsennosti grazhdanskogo obshchestva*. [Be a persona: the values of civil society.] Ed. by V.I. Bakshtanovsky, Yu.V. Sogomonov, V.A. Churilov. Vol. 2. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta publ., 1993. P. 140–160. (In Russ.)
4. Batygin G.S. The craft of Paul Lazarsfeld: an introduction to his scientific biography. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1990. No. 8. P. 94–108. (In Russ.)
5. Batygin G.S. Ethics of business and/or ethics of duty. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu: Nравственные оппозиции: Materialy ekspertnogo oprosa*. [On the way to civil

- society: Moral oppositions: Materials of an expert survey.] Ed. by V.I. Bakshtanovsky. Moscow: Prometei publ., 1991. P. 17–55. (In Russ.)
6. Batygin G.S., Devyatko I.F. The myth of “qualitative sociology”. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 1994. No. 2. P. 28–42. (In Russ.)
 7. Chesnokova V.F. *Tesnym putem: protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka*. [In a close way: the process of churching the population of Russia at the end of the 20th century.] Moscow: Akademicheskii Proekt publ., 2005. 297 p. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Bogdanova — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Applied Ethics Research Institute (AERI), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Industrial University of Tyumen” (IUT). **Phone:** +7 (982) 776-29-05. **Email:** bogdanovamv@tyuiu.ru

Dmitry M. Rogozin — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Director, Field Research Center, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA). **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** rogozin@ranepa.ru

Received: 24.01.2023.

ИССЛЕДОВАНИЯ СМЕРТИ (DEATH STUDIES)

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.7

EDN: UPSWNN

В.В. СОЛОДНИКОВ¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет.
125047, Москва, Миусская площадь, д. 6.

ПОХОРОНЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ

Аннотация. Данная статья — вводная к публикуемому в этом номере переводу работы Т. Уолтера и Т. Бейли «Как похороны воплощают понимание семьи: данные массового наблюдения» (“How Funerals accomplish Family: Findings from a Mass-Observation Study”). Рассматриваются методы и методики изучения смерти и похорон представителями различных научных дисциплин. На этой основе обозначается место качественной исследовательской процедуры, примененной в публикации Т. Уолтера и Т. Бейли. Использование ими ритуала похорон для выявления социальных представлений о семье обнаружило доминирование критерия кровнородственной связи. Кроме того, в предпринятом исследовании не было выявлено феномена бесправного горя.

Ключевые слова: смерть; похороны; методы и методики изучения смерти и похорон; социальные представления о семье.

Для цитирования: Солодников В.В. Похороны и социальные представления о семье // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 130–140. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.7 EDN: UPSWNN

Смерть и сопровождавшие ее ритуалы похорон традиционно привлекали внимание исследователей различной специализации в рамках социально-гуманитарных наук. Междисциплинарный характер изучения смерти (*death studies*) по сей день актуализирует дискуссии о границах исследовательского поля этой предметной области [13, с. 213].

В связи с этим статья Т. Уолтера и Т. Бейли, предлагаемая вниманию читателя, представляет особый интерес в двух аспектах (помимо общей характеристики исследовательского интереса при изучении смерти и/или похорон представителями различных наук).

Во-первых, это анализ особенностей метода или методики, используемых представителями основных социально-гуманитарных дисциплин, для определения места в этом ряду методики авторов данной статьи.

Во-вторых, нетривиальное использование изучения похорон для лучшего понимания того, что является семьей в рамках повседневных представлений.

Рассмотрим кратко эти два аспекта.

Во-первых, мимо изучения смерти в своей профессиональной деятельности не могли пройти *археологи*, которые на основе исследования погребений стремятся реконструировать особенности образа жизни людей древних эпох. Некоторые авторы выделяют три группы методов археологии, заимствованных из других наук [9, с. 12]. При этом, помимо методов социальных и гуманитарных наук, а также методов математической обработки полученных данных, особый интерес представляют методы естественных наук (радиоуглеродный, трасология, геология, спектрографический метод и т. п.).

Представители *этнологии / социальной антропологии*, начиная от классиков Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна и заканчивая современными российскими исследователями, ориентированы на прояснение специфики повседневных практик и мировосприятия представителей различных культур в сравнительном анализе (более подробно см.: [12]). Особое внимание при этом уделяется исторической трансформации похоронной обрядности в России (см., например: [15]). В качестве методов исследования, помимо анализа специальной исторической литературы, используются архивные свидетельства очевидцев (информантов).

Обозначенная тема была артикулирована в традиции *русской религиозной философии* Н. Бердяева, В. Соловьева, Н. Федорова и др. Современные российские философы продолжают разработку этой темы [2; 9], стремясь «вписать» ее в современные социальные реалии и используя в качестве основного метода работу со специальной научной литературой, обращаясь к «широкому кругу социальных явлений... большой совокупности научных источников» [10, с. 13] или к теоретическим результатам осмысления «человеком своей смертности, зафиксированн[ым] в текстах русской философской культуры XIX–XX вв.» [2, с. 9].

В значительной степени интерес к этой теме присутствует у *историков*. Так, Ф. Арьес в одной из своих книг проследил понимание индивидом и обществом смерти и потустороннего мира, установок европейцев в отношении смерти от Средних веков до современности [1]. В СССР изучение этой темы не приветствовалось. Однако появлялись отдельные статьи известных советских историков, обобщающих данные зарубежной *исторической антропологии* (см., например: [5]).

В качестве источниковедческой базы для Ф. Арьеса выступали археологические данные о древних кладбищах, эпиграфика, иконография, гравюры, а также письменные документы (завещания, мемуарная и художественная литература).

В период перестройки и оживления книгоиздательского бизнеса для широкого круга читателей была издана объемная и богато иллюстрированная энциклопедия [8]. Кроме того, были переведены на русский язык (а впоследствии неоднократно переизданы) книги *врачей и психологов* Р. Моуди [11] и Э. Кюблер-Росс [7].

Специальное внимание *психологов* смерть привлекла в двух направлениях: 1) в рамках разработки научного направления (с выраженными прикладными аспектами) — трансперсональной психологии [4] и 2) для разработки мер и оказания психологической помощи в ситуации «острого горя» [3]. В качестве методов такой работы использовались специальные психологические методики, укорененные в определенной психологической теории (психоанализ, когнитивно-бихевиоральная теория, гештальт-терапия и т. п.).

Внимание *социологов* тема смерти привлекла относительно недавно (см., например: [14]). Отмечается, что предметным полем социологии смерти как научной дисциплины является представленность смерти в общественном мнении в трех аспектах: исключение себя из сообществ; потеря значимых близких; социальные нормы умирания. В качестве исследовательских методов наряду с включенным наблюдением и глубинными интервью используются результаты массового анкетного опроса [14, с. 110–111].

Наконец, предприняты попытки отразить место исследований смерти в дисциплинарном поле различных наук за рубежом [12; 13]. Так, вторичный анализ [13, с. 215–216] статей трех наиболее авторитетных зарубежных журналов рассматриваемого профиля — “Death Studies”, “Mortality” и “OMEGA” — за период с января 2010 г. по апрель 2020 г.¹ позволил выявить их доминирующую тематику преимущественно прикладного характера. Ключевыми темами публикаций, главным образом реализуемых в рамках *психологии и социальных аспектов медицины* (на них приходится больше половины всех наиболее цитируемых публикаций), оказались: горе и скорбь; отношение к смерти; суицид и паллиативная помощь [13, с. 220, 224, 228].

Сформулируем промежуточное резюме краткого обзора подходов различных наук к изучению смерти и используемых при этом методов. Речь идет только о тех методах, применение которых нам удалось обнаружить в исследовательской практике (табл. 1).

¹ С помощью программных алгоритмов было проанализировано 1839 публикаций.

Таблица 1

Исследования смерти/похорон: специфика научных дисциплин

№ п/п	Дисциплина	Тематика	Метод (методика)
1	Археология	Образ жизни представителей различных социальных страт древнего общества	Анализ продуктов деятельности (предметов материальной культуры, в том числе погребений), а также методов естественных наук
2	Этнология / социальная антропология	Повседневные практики и мировосприятие носителей различных культур	Традиционный анализ документов (в том числе фольклорных мифологических и архивных свидетельств), описывающих повседневную жизнь информантов
3	Философия	Смерть и бессмертие. Их место в системе ценностей индивида и общества	Традиционный анализ религиозных и философских текстов
4	История	Изменение социальных представлений о смерти в исторической перспективе	Традиционный анализ документов, в том числе произведений искусства
5	Психология	Феноменология умирания, переживания смерти, возможности оказания психологической помощи в ситуации «острого горя»	Анализ отдельного случая (свидетельств непосредственных участников). Обобщение психотерапевтической практики
6	(Социальная) медицина	Паллиативная помощь (в том числе медикаментозная)	Анализ отдельного случая (свидетельств непосредственных участников). Обобщение форм социально-медицинской помощи (хосписы и т. п.)
7	Социология	Представленность смерти в общественном мнении (исключение себя из сообществ; потеря значимых близких и социальные нормы умирания, в том числе планирование и проведение похорон)	Массовый анкетный опрос / интервью

Статья Т. Уолтера и Т. Бейли, посвященная анализу английских похорон, с точки зрения исследовательской техники органично вписывается в сложившиеся подходы в рамках различных научных дисциплин.

В качестве используемого метода исследования авторы неоднократно упоминают (начиная с названия статьи) массовое наблюдение (*mass observation*). В действительности же сами авторы отмечают, что их работа является частью долгосрочного крупномасштабного качественного письменного проекта, проводимого Университетом Сассекса. По-видимому, в очередной «волне» 2010 г. *корреспондентам* (на этом термине авторы настаивают) был задан открытый письменный вопрос с просьбой описать последние похороны, на которых они присутствовали. Таким образом, корреспонденты участвовали в похоронах (в разном качестве), то есть были наблюдателями, а потом в свободной форме описывали этот опыт. В социальных науках, говоря о наблюдении как методе исследования, обычно подразумевают, что в этой роли выступает сам исследователь. Авторы, обозначая перспективы исследования, в этом случае говорят о непосредственном (*direct*) наблюдении. Тогда используемая авторами исследовательская техника — анализ письменных документов, созданных по просьбе ученых, или формулирование открытого вопроса с последующим качественным анализом полученных ответов (письменный заочный опрос) — сближается с методами представителей различных научных дисциплин (см. табл. 1), прежде всего социальной антропологии, психологии, социальной медицины и социологии.

Во-вторых, новаторским аспектом статьи является использование ситуации похорон для «подсвечивания» темы социальных представлений о семье. В этом отношении актуальна мысль А.Я. Гуревича о том, что «изучение установок в отношении к смерти, которые заслуживают внимания и сами по себе, может пролить свет на установки людей в отношении к жизни и основным ее ценностям» [5, с. 114].

В российской академической социологии семьи существуют три ключевые дефиниции семьи (см. об этом более подробно: [16, с. 45]): А.Г. Харчева, С.И. Голода и А.И. Антонова (иногда в соавторстве с В.М. Медковым). Вместе с тем в зарубежной социологии семьи достаточно популярен «интерпретативный» в отличие от «объективного» подход к пониманию того, что является семьей (см., например: [19]). Именно в русле этого подхода выполнено исследование Т. Уолтера и Т. Бейли, которое апеллирует к житейским представлениям о том, что такое семья и кто является ее членом в ситуации похорон. При этом авторы делают акцент именно на повседневных практиках, используя оборот *doing family*. Ранее применительно к гендеру приводилась развернутая интерпретация аналогичного понятия. «Создание гендера (*doing gender*) включает комплекс социально контролируемых действий (по восприятию, микрополитике и взаимодействию), целью которых является выражение... “природы”» [18, с. 95]. Присоединимся к такому пониманию в отношении «создания семьи».

Однако нетривиальность результатов, полученных авторами, состоит в том, что при использовании «интерпретативного» подхода результаты оказались близки к положениям «объективистов». Так, в частности, было показано, что в архетипической нормативно-стрессорной ситуации похорон при определении круга лиц, рассматриваемых в качестве семьи (что в Англии определяют специфические практики и ритуалы), на первый план выходит критерий кровного родства. Аналогичные результаты нами были получены при сравнении социальных представлений американской и российской студенческих выборок, а также при изучении этих представлений у российских школьниц (более подробно см.: [17]).

Примечательно, что с таким положением дел согласны участники похорон (корреспонденты), не принадлежащие к семье и не испытывающие при этом бесправного (*disenfranchised*) горя, принимая свое бесправие при его переживании и выражении. Авторы предлагают три возможных объяснения полученных данных: методологическое, демографическое и символическое.

При дальнейшем изучении социальных представлений о семье перспективным будет расширить круг (не)нормативных семейных стрессоров и кризисов [6, с. 177], по возможности учитывая «стадию жизненного цикла семьи и ее биографические переменные», а также такие «контекстуальные переменные... как профессиональный статус, гендер, уровень образования, брачный статус... и принадлежность к возрастной когорте» [20, p. 352].

В заключение сведем в таблицу ключевые понятия, используемые при переводе статьи Т. Уолтера и Т. Бейли (табл. 2).

Таблица 2

**Основные понятия,
используемые при переводе статьи Т. Уолтера и Т. Бейли**

№ п/п	Исходное понятие	Перевод
1	accomplish	воплощать понимание
2	doing family	создание семьи
3	display(ing)	проявление
4	disenfranchised grief	бесправное горе
5	fluid(ity)	текучий/текучесть (от З. Баумана)
6	close family	близкие родственники
7	family-ness	семейность

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес; Пер. с фр. В.К. Ронина; Общ. ред. С.В. Оболенской; Предисл. А.Я. Гуревича. М.: Прогресс; Прогресс-академия, 1992. — 526 с. EDN: LGDJEC
2. *Варава В.В.* Смерть как проблема нравственной философии: На материале русской философской культуры XIX–XX веков: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.05. Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого. Тула, 2005. — 40 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 12.08.2022. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003026712?page=1&rotate=0&theme=white> EDN: NNV MIR
3. *Васильюк Ф.Е.* Пережить горе // О человеческом в человеке: Сборник / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. С. 230–247 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.06.2022. URL: <http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=158548>
4. *Гроф С., Халифакс Дж.* Человек перед лицом смерти / Пер. с англ. А. Неклесса. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та; Киев: Изд-во АО “Airland”, 1996. — 244 с.
5. *Гуревич А.Я.* Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей: человек в истории. 1989: Исследования по социальной истории и истории культуры. С. 114–135 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.06.2022. URL: <http://anthropology.rchgi.spb.ru/forum/gurevich.htm>
6. *Гурко Т.А.* Применение понятий теории семейного стресса в зарубежных исследованиях // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 3. С. 166–183. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9157 EDN: UTWCLC
7. *Кюблер-Росс Э.* О смерти и умирании / [Пер. с англ. К. Семенов, В. Трилис]. М.; Киев: София, 2001. — 316 с.
8. *Лаврин А.* Хроники Харона: Энциклопедия смерти. М.: Московский рабочий, 1993. — 509 с.
9. *Мельникова О.М.* Методология отечественной археологии: стихия традиции или интуитивный поиск обоснованного выбора? // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 6–13. [электронный ресурс]. Дата обращения 12.08.2022. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39614/1/978-5-903594-11-5_2008_03.pdf
10. *Минеев В.В.* Социальные аспекты смерти (философско-антропологический анализ): Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Сиб. гос. аэрокосм. ун-т им. акад. М.Ф. Решетнева. Красноярск, 2004. — 33 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 12.08.2022. URL: <https://rusist.info/book/1139770> EDN: NOEZGR
11. *Моуди Р.* Жизнь после жизни. Исследование феномена продолжения жизни после смерти тела / Пер. с англ. М.: Азбука-Атикус, КоЛибри, 2020. — 208 с.
12. *Мохов С.В.* Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 3. С. 171–188 [электронный ресурс]. Дата об-

- ращения 30.06.2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smert-kak-problema-issledovaniya-v-sotsialnoy-i-istoricheskoy-antropologii-genezis-idey/viewer> EDN: WWOXJT
13. *Мохов С.В., Миленина Д.А.* Death studies: особенности формирования дисциплинарного поля (2010–2020) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 2. С. 212–235 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.06.2022. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.2.8 EDN: РСРМКМ
 14. *Рогозин Д.* Социология смерти // Отечественные записки. 2013. № 5. С. 109–118 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.06.2022. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2013/5/socziologiya-smerti.html> EDN: RWIQAV
 15. *Соколова А.Д.* Похороны без покойника: трансформация традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187–202 [электронный ресурс]. Дата обращения 12.08.2022. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21507870_26837594.pdf EDN: REDTBP
 16. *Солодников В.В.* Семья и семейные группы: к уточнению понятий и перспектив исследования // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. № 1 (10). С. 43–56. EDN: NTMGPI
 17. *Солодников В.В., Солодникова И.В.* Социальные представления о семье девушек, не состоящих в браке // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности. Материалы XV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Пенза, 29 сентября – 2 октября 2022 г. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко. В 2-х ч. М.: ИЭА РАН, 2022. Ч. 2. С. 216–218.
 18. *Уэст К., Зиммерман Д.* Создание гендера // Гендерные тетради; Рос. акад. наук, Ин-т социол., С.-Петербург. фил. / Науч. ред. А.А. Клецин. СПб.: С.-Петербург. фил. Ин-та социол., 1997. С. 94–124.
 19. *Harris S. R.* What Is Family Diversity? Objective and Interpretive Approaches // Journal of Family Issues. 2008. Vol. 29. No. 11. Nov. P. 140–1425.
 20. *Wall K., Gouveia R.* Changing meanings of family in personal relationships // Current Sociology. 2014. Vol. 62. No. 3. P. 352–373 [online]. Accessed 30.06.2022. URL: <https://www.ics.ulisboa.pt/docs/publications/ChangingMeaningsOfFamily.pdf>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Солодников Владимир Владимирович — доктор социологических наук, профессор, кафедра прикладной социологии, Российский государственный гуманитарный университет. **Телефон:** +7 (910) 440-80-44.
Электронная почта: solodnikovv@mail.ru

Дата поступления: 01.09.2022.

Research Article

VLADIMIR V. SOLODNIKOV¹

¹Russian State University for the Humanities.

6, Miusskaya square, 125047, Moscow, Russian Federation.

FUNERALS AND SOCIAL REPRESENTATIONS OF THE FAMILY

Abstract. This article is an introduction to the translation of “How Funerals accomplish Family: Findings from a Mass-Observation Study” by T. Walter and T. Bailey published in this issue. It reviews methods and techniques used to study death and funerals invented by specialists from different fields of knowledge. The qualitative research procedure used by T. Walter and T. Bailey is placed into that research continuum. They used funeral rituals to study social representations of the family. The research revealed the dominance of the blood relation correlation criterion. The study failed to identify the phenomenon of disenfranchised grief.

Keywords: death; funerals; methods and techniques for studying death and funerals; social representations of the family.

For citation: Solodnikov, V.V. Funerals and Social Representations of the Family. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 130–140. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.7

REFERENCES

1. Ariès F. *Chelovek pered litsom smerti*. [The hour of our death.] Transl. from French by V.K. Ronin; Ed. by S.V. Obolenskaiya; Foreword by A.Ya. Gurevich. Moscow: Progress publ.; Progress-Academia publ., 1992. 526 p. (In Russ.)
2. Varava V.V. *Smert' kak problema нравstvennoi filosofii: Na materiale russkoi filosofskoi kul'tury XIX–XX vekov: Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.05*. [Death as a problem of moral philosophy (based on data of Russian philosophical culture of XIX–XX cent.). Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philosophical Sciences: 09.00.05.] Tula: Tula State Pedagogical University publ., 2005. 40 p. Accessed 12.08.2022. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003026712?page=1&rotate=0&theme=white> (In Russ.)
3. Vasiliuk F.E. Outwearing sorrow. *O chelovecheskom v cheloveke: Sbornik*. [About humanistic in human being. A collection of articles.] Ed by I.T. Frolov. Moscow: Politizdat publ., 1991. P. 230–247. Accessed 12.08.2022. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003026712?page=1&rotate=0&theme=white> (In Russ.)
4. Grof S., Halifax J. The Human Encounter With Death. [Russ. ed.: *Chelovek pered litsom smerti*. Transl. from Eng. by A. Nekless. Moscow: Transpersonal Institute publ.; Kiev: Airland publ., 1996. 244 p.]
5. Gurevich A.Ya. Death as a problem of historical anthropology: on new direction in foreign historiography. *Odissei: chelovek v istorii. 1989: Issledovaniya po sotsial'noi istorii i istorii kul'tury*. [Odysseus: A human in history. 1989: Research on social history and history of culture.] P. 114–135. Accessed 30.06.2022. URL: <http://anthropology.rchgi.spb.ru/forum/gurevich.htm> (In Russ.)
6. Gurko T.A. The application of ideas of family stress theory in foreign research. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 33. P. 166–183. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9157 (In Russ.)
7. Kübler-Ross E. On Death & Dying. [Russ. ed.: *O smerti i umiranii*. Transl. from Eng. Moscow; Kiev: Sofia publ., 2001. 316 p.]
8. Lavrin A. *Khroniki Kharona: Entsiklopediya smerti*. [Charon's Chronicles: The encyclopedia of death.] Moscow: Moscow worker publ., 1993. 509 p. (In Russ.)

9. Melnikova O.M. Methodology of Russian archeology: chaos of tradition or intuitive search for valid choice? *Voprosy arkheologii Urala: Sbornik nauchnykh trudov*. [Questions of Ural archeology: A collections of articles.] Yekaterinburg, Surgut: Magellan publ., 2008. Iss. 25. P. 6–13. Accessed 12.08.2022. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39614/1/978-5-903594-11-5_2008_03.pdf (In Russ.)
10. Mineev V.V. *Sotsial'nye aspekty smerti (filosofsko-antropologicheskii analiz): Avto-ref. diss. ... d-ra filos. nauk: 09.00.11*. [Social aspects of death (philosophical and anthropological analysis). Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philosophical Sciences: 09.00.11.] Krasnoyarsk: Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, 2004. 33 p. Accessed 12.08.2022. URL: <https://rusist.info/book/1139770> (In Russ.)
11. Moody R. Life After Life: The Investigation of a Phenomenon — Survival of Bodily Death. [Russ. ed.: *Zhizn' posle zhizni. Issledovanie fenomena prodolzheniya zhizni posle smerti tela*. Transl. from Eng. Moscow: Alphabet-Atticus publ., FlyBird publ., 2020. 208 p.]
12. Mokhov S. Death as a research problem in social and historical anthropology: the genesis of ideas. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2016. Vol. 10. No. 3. P. 171–188. Accessed 30.06.2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smert-kak-problema-issledovaniya-v-sotsialnoy-i-istoricheskoy-antropologii-genezis-idey/viewer> (In Russ.)
13. Mokhov S., Milenina D. Death studies: the formation of an interdisciplinary field (2010–2020). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 212–235. Accessed 30.06.2022. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.2.8 (In Russ.)
14. Rogozin D. Sociology of death. *Otechestvennye Zapiski*. 2013. No. 5. P. 109–118. Accessed 30.06.2022. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2013/5/sociologiya-smerti.html> (In Russ.)
15. Sokolova A.D. Funeral without the corpse: the transformation of the traditional funeral rites. *Antropologicheskii forum*. 2011. No. 15. P. 212–235. Accessed 12.08.2022. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21507870_26837594.pdf (In Russ.)
16. Solodnikov V.V. Family and family groups: to the concepts and research prospect specification. *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya: Teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniya*. [Modern social psychology: theoretical approaches and empirical research.] 2011. No. 1 (10). P. 43–56. (In Russ.)
17. Solodnikov V.V., Solodnikova I.V. Social perceptions of family by unmarried young women. *Proshloe, pamyat', narrativ: gendernoe izmerenie povsednevnosti. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN. Penza, 29 sentyabrya – 2 oktyabrya 2022 g.* [Past, memory and narrative: the gender dimension of daily life. Materials of the XV International conference RARFH and IEA RAS. Penza, Sept., 29 – Oct., 2, 2022.] Ed. by N.L. Pushkareva; Compilers A.I. Gromova, A.V. Zidchenko. In 2 parts. Part 2. Moscow: Institute of Ethnology & Anthropology of Russian Academy of Sciences publ., 2022. P. 216–218. (In Russ.)
18. West C., Zimmerman D.H. Doing gender. *Gendernye tetrad*. [Gender notebooks.] Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology, SPb branch. Ed by A.A. Kleotsin. St Petersburg: SPB branch of Institute of Sociology publ., 1997. P. 94–124. (In Russ.)
19. Harris S. R. What Is Family Diversity? Objective and Interpretive Approaches. *Journal of Family Issues*. 2008. Vol. 29. No. 11. Nov. P. 140–1425.
20. Wall K., Gouveia R. Changing meanings of family in personal relationships. *Current Sociology*. 2014. Vol. 62. No. 3. P. 352–373. Accessed 30.06.2022. URL: <https://www.ics.ulisboa.pt/docs/publications/ChangingMeaningsOfFamily.pdf>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Solodnikov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of applied sociology, Russian State University for the Humanities. **Phone:** +7 (910) 440-80-44.
Email: solodnikovv@mail.ru

Received: 01.09.2022.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.8

EDN: WMIKMX

Т. УОЛТЕР¹, Т. БЕЙЛИ¹

¹ University of Bath.
Claverton Down, BA2 7AY, UK.

КАК ПОХОРОНЫ ВОПЛОЩАЮТ ПОНИМАНИЕ СЕМЬИ: ДАННЫЕ МАССОВОГО НАБЛЮДЕНИЯ¹

Аннотация. Авторы статьи анализируют, как потенциально конфликтные фреймы горя и семьи проявляются в ряде английских похорон. Данные взяты из Директивы массового наблюдения «Посещение похорон» (Mass-Observation directive “Going to Funerals”) 2010 г., в котором группу корреспондентов попросили написать о последних похоронах, где они присутствовали. В их текстах горе демонстрируется через общепринятое понимание семьи. Опираясь на Рэндалла Коллинза, мы показываем, как похороны делят скорбящих на семью и не семью, и как само это деление осуществляется через внешние проявления и внутренние переживания. Описания похорон оказались связанными скорее с весьма традиционным представлением о семье, нежели с горем. Семья в описаниях превалировала по сравнению с горем или, по крайней мере, обеспечивала фрейм, посредством которого можно было описать горе. Способы восприятия семьи вызывали эмоции, которые, в свою очередь, определяли семью. Похороны описываются как определенная — преимущественно семейная — сфера, находящаяся над текучими и варьирующими личными привязанностями. Они рассматриваются как в терминах социологии личной жизни, так и с помощью понятия бесправного (*disenfranchised*) горя.

Ключевые слова: похороны; семья; скорбь; массовое наблюдение; переживание.

¹ Сокращенный перевод с английского языка выполнен А.А. Зайцевой и У.А. Ивановой (РГГУ) по работе: *Walter T., Bailey T. How Funerals accomplish Family: Findings from a Mass-Observation Study // OMEGA. Journal of Death and Dying. 2020. Vol. 82. No. 2. P. 175–195. DOI: 10.1177/0030222818804646* Вариант сокращения предложен Т. Уолтером.

Уолтер Тони (Walter Tony) — социолог, исследующий различные аспекты смерти в современных обществах, профессор эмеритус Университета Бата. Его последние книги: «Что означает смерть сейчас» (*What Death means now*, Policy Press, 2017); «Социальная смерть» (*Social Death*, ed. with Jana Králová, Routledge, 2016); «Смерть в современном мире» (*Death in the Modern World*, Sage, 2020).

Бейли Тара (Bailey Tara) — директор похоронного бюро на протяжении нескольких лет до защиты докторской диссертации в Университете Бата. В настоящее время — буддистская монахиня.

Для цитирования: Уолтер Т., Бейли Т. Как похороны воплощают понимание семьи: данные массового наблюдения / Пер. с англ. А.А. Зайцевой, У.А. Ивановой // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 141–160. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.8 EDN: WMIKMX

Введение

Современные англоязычные общества определяют горе через уникальную личную связь с умершим. При этом ожидается, что люди будут оплакивать одних членов семьи больше, чем других, либо больше, чем друзей, соседей или коллег. Только на похоронах все соответствующие участники, вероятно, окажутся физически в одном и том же месте, поэтому похороны представляют собой важную область для исследования этой амбивалентности. Агенты ритуальных услуг часто утверждают, что похороны — это повод выразить горе и разделить скорбь. При этом само мероприятие обычно контролируется близкими родственниками, которые готовятся к этому дню, независимо от чувств к покойному или их отсутствия. Организатор похорон заключает договор только с одним человеком в качестве клиента, который обычно является близким членом семьи умершего. Критики американских похорон середины XX в. порицали то, что похороны стали показной демонстрацией статуса семьи [4]. Более поздние критики также замечали, что похороны могут лишать «права на скорбь» человека вне семьи [12]. Единичные наблюдения английских скорбящих и специалистов по похоронам, а также более систематические наблюдения исследователей [19; 29] показывают, что близкие родственники всегда сидят в первом ряду. Таким образом, есть основания полагать, что британские и американские похороны могут быть связаны в равной мере с семьей и с личными чувствами.

Любопытно, что эта тематика не находилась в фокусе внимания исследователей после полемической критики Л. Боумана [4] расходов на американские похороны как показателя демонстрируемого семейного статуса. Недавние британские социологические исследования рассматривали то, как семьи определяют похороны [28], но не то, как похороны воплощают понимание семьи; иными словами, современные исследования похорон не проблематизируют понятие семьи. В обсуждении горя, семейных ролей и похорон А.Р. Хокшильд [26] анализирует внутреннюю работу, которую необходимо проделать, когда личное переживаемое горе не соответствует культурным ожиданиям. Она предполагает, что похороны должны помочь человеку выразить свое горе. Наши данные подвергают сомнению это допущение. Они заметно контрастируют с антропологическими данными, описывающими ритуалы во время или после похорон в Восточной Азии. В исследованиях ученые часто рассматривают эти ритуалы, как исходящие скорее из почитания предков, а не из христианского упования, легити-

мирующего и поддерживающего семейные структуры [2]. Восточные похороны, конечно, могут в большей степени касаться переживаемого горя, чем это показано в исследованиях. Но встает вопрос: не могут ли западные похороны в большей степени затрагивать семью, чем это отражают исследования? Соответственно, представленное в этой статье исследование того, как похороны определяют семью, можно считать инновационным.

Теоретические подходы

Ритуал

Главным содержанием знаменитого аргумента Э. Дюркгейма [14], что религия функционирует, чтобы символизировать и подтверждать существование (*affirm*) группы, был его анализ ритуалов похорон аборигенов. Это вызывает вопросы к анализу современных похорон: если похоронные обряды по-прежнему подтверждают существование группы, которая потеряла одного из своих членов, то является ли эта группа семьей (и если это так, то что такое семья?), или это объединение различных групп (коллег, кругов общения, соседских сообществ и т. д.), к которым принадлежал покойный и где о нем заботились, его уважали, любили или не любили? По мнению Э. Дюркгейма [14], ритуалы, не в последнюю очередь траурные, символизировать очертание группы в исследованиях простых аборигенных обществ, связанных воедино посредством недифференцированной «механической» солидарности. В более крупных и сложных обществах, характеризующихся тем, что Э. Дюркгейм [14] назвал «органической» солидарностью, по мнению Р. Коллинза [10], ритуал может выполнять функцию отделения одной группы от другой, инсайдеров от аутсайдеров. Тогда с большей вероятностью похороны могут обладать функцией разделения различных групп скорбящих, например, на семью и не семью. Такой подход формулирует главный вопрос нашего анализа.

«Новая» социология семьи

Что же такое семья? С одной стороны, семья остается социальным институтом с традиционными семейными структурами, прочно укоренившимися в социальной политике (*policy*), законодательстве и политической жизни (*politics*), независимо от того, как люди живут на самом деле [16]. С другой стороны, «новая» социология семьи рассматривает семью не с точки зрения структурированного родства, но как нечто, конструируемое на основе уникальных практик каждой семьи, отражающих разнообразные формы ее создания (*doing family*). Подход Д. Моргана [31] к «созданию» семьи через «семейные практики» предполагает, что семьи строятся скорее на основе повседневных практик, чем на структуре генеалогических отношений. Семья — это то, что она делает (*family is what family does*). Понятие «демонстрация

семьи», предлагаемое Д. Финч, — то, как индивиды и группы обозначают семью другим — предоставляет оптику, сквозь которую можно исследовать семьи на похоронах. Демонстрация семьи осуществляется «в первую очередь через прямое социальное взаимодействие с теми, с кем человек устанавливает семейные отношения» [17, с. 74], затем другие подкрепляют (или же оспаривают) эту «семейность». В число этих «других» входят иные члены семьи, друзья, коллеги, работодатели, государственные учреждения, которые обладают более или менее формальными средствами для одобрения семейных отношений.

Подход К. Смарта к «личной жизни» [39] рассматривает семью через более широкую понятийную рамку, охватывающую разнообразный спектр отношений, и следует подходу антрополога Д. Карстен [7], которая понимает родство не как структуру, а как согласованную (*negotiated*) родственность: родство постоянно создается и воссоздается в повседневном взаимодействии. Это акцентирование на личном значении отношений независимо от традиционных представлений о семье хорошо согласуется с концепцией танатологической философии «бесправного горя» (*disenfranchised grief*) [12], согласно которой глубокое чувство горя может ощущаться по отношению к любому, с кем человек чувствует тесную связь, независимо от официальных семейных отношений². Понятие «бесправное горе» широко используется практикующими врачами в США, которые утверждают, что любое горе имеет право быть «высвобожденным» (“*enfranchised*”), восприниматься всерьез и что личное горе человека не может быть выведено из его/ее официальных отношений с умершим.

То, как это проявляется на похоронах, может быть объяснено понятиями социальных правил выражения чувств и норм их демонстрации, которые были предложены американским социологом А. Хокшильд. Являются ли похороны поводом для выражения, переживания и демонстрации прежде всего скорби или же выражения, переживания и демонстрации самой семьи? Как должны себя вести и чувствовать посетители похорон? В терминологии А. Хокшильд [26], какие в этот момент работают правила чувств и их демонстрации? В частности, как демонстрируются семья и чувства? Что это говорит о том, как семья и горе реализуются и демонстрируются в современных обществах [17; 31]? С помощью анализа эмпирических данных о некоторых английских похоронах начала XXI в. в этой статье продолжается разговор о до сих пор недостаточно развитой коммуникации между

² Концепция бесправного горя является социологической, то есть она признает, что люди, потерявшие кого-то, подчиняются социальным нормам, но также является и асоциальной в том смысле, что ее идеал — индивидуалистическая утопия, в рамках которой каждый опыт переживания горя является освобождающим посредством устранения социальных норм [36].

социологией эмоций, в частности социологией горя, и социологией семьи.

Методы

Проект массового наблюдения (Mass-Observation Project³, далее — М-О) особенно хорошо подходит для получения разнообразных качественных данных о том, как люди переживают публичные мероприятия. М-О — это долгосрочный, крупномасштабный, качественный проект, проводимый и архивируемый Университетом Сассекса, в котором корреспонденты (участники проекта) отвечают на «директивы», высылаемые им три раза в год. Это открытые анкеты по «темам, которые охватывают как личные вопросы, так и более широкие политические и социальные вопросы и события». Наши данные взяты из заказанной нами «директивы» М-О 2010 г. «Посещение похорон», в которой корреспондентам было предложено написать о последних похоронах, где они присутствовали, скорее всего, не являясь их организаторами.

Эта формулировка призвана охватить широкий круг скорбящих, как близко, так и отдаленно связанных с умершим, включая семью, друзей, соседей, коллег, членов клубов и ассоциаций, медсестер, полицейских и т. д. В частности, она охватывает то, что пишут все присутствующие, а не только близкие члены семьи, о формировании (“*doing*”) эмоций и семьи. Предыдущие социологические исследования похорон были сосредоточены на агентах ритуальных услуг [8; 29; 34] или на очень близких родственниках [28; 40], в то время как мы хотели получить доступ ко всем участникам похорон. Формулировка вопросов о последних похоронах гарантирует, что корреспонденты не выберут особенно запомнившиеся, хорошие или ужасные похороны. Нашей целью были обычные скорбящие, описывающие обычные похороны.

Чтобы выявить особенно яркие мнения о похоронах, мы задали дополнительный вопрос о лучших и худших похоронах, на которых корреспонденты присутствовали, и о том, решали ли они когда-либо не идти на похороны, и почему.

Среди около 500 корреспондентов М-О больше женщин, чем мужчин; больше представителей среднего и низшего классов, чем рабочего класса, и лишь некоторые являются представителями этнических меньшинств. В целом представлены (но неравномерно) корреспонденты со всей Британии [38]. В итоге среди корреспондентов диспропорционально больше белых женщин среднего класса старше 50 лет, живущих в юго-восточной части Англии, которым нравится писать. На рассылку анкеты о похоронах откликнулся в общей слож-

³ См.: Mass-Observation. Recording everydaylife in Britain // The Mass Observation Archive 2011. — URL: <http://www.massobs.org.uk/> (дата обращения 31.01.2023).

ности 241 корреспондент, что является нормальным показателем доли ответивших в М-О.

Большинство похорон, описания которых были получены, состоялись в течение предшествующих двух-четырех лет. Лишь некоторые корреспонденты описывали похороны, прошедшие недавно. Все похороны, за исключением двух языческих, были христианскими или нерелигиозными, то есть гражданскими (*humanist*). Ответы различались по объему: в некоторых содержался лишь короткий абзац, в большинстве — текст от двух до шести страниц, иногда ответы были более развернутые.

Из 241 ответа 161 был написан от руки или напечатан на бумаге, а 80 получены в электронном виде. После исключения ряда ответов по разным основаниям основу нашего индуктивного тематического анализа [5] составили 173 документа (122 женских, 49 мужских и 2 без указания пола). Коды архива М-О (при цитировании корреспондентов) указаны для того, чтобы другие исследователи могли проконтролировать наши данные и интерпретации.

Английские похороны

Поскольку похоронные обряды, практики и обычаи значительно варьируются в западных сообществах и внутри каждого из них [44], прежде чем перейти к полученным результатам, необходимо кратко рассказать об английских похоронах. Описанные корреспондентами преимущественно христианские и гражданские похороны отличаются от похорон религиозных меньшинств в Англии и от похорон в других странах. Около 75% английских похорон — кремация, а примерно 25% — захоронения, причем эта цифра маскирует региональные, городские или сельские различия. Главный английский ритуал состоит в следующем: в случае кремации — служба или церемония в часовне либо в зале, который есть в каждом британском крематории; в случае погребения — служба в церкви или часовне, после которой часто не все скорбящие идут к могиле. В 2010 г. большинство похорон были проведены под руководством служителя церкви. Однако все больше похорон сейчас проводится священнослужителем независимой или любой другой религиозной организации. Сразу же после кремации или захоронения обычно проводится социальное мероприятие, называемое здесь похоронным чаепитием, в пабе, гостинице, общественном центре, частном доме или в другом месте.

Скорбящие обычно выбирают, посещать ли основную службу в церкви или крематории, если посещать — что надеть, где сесть и пойти ли потом на чаепитие, а также отправить цветы или сделать пожертвование. Принятые в Англии социальные нормы предоставляют значительную свободу в этом выборе, и это отражено в ответах М-О. В статье акцентируем внимание на посещении самих похорон, чаепи-

тия и на демонстрации эмоций. Затем — на том, как в своих описаниях этих аспектов корреспонденты «формируют» (“do”) семью и эмоции. Сначала рассмотрим семью, затем — эмоции.

Результаты

Демонстрация (displaying) семьи

Хотя в «директиве» не спрашивалось конкретно о семье, удивительно, как часто понятие «семья» фигурирует в описаниях корреспондентов. Многие из них идентифицируют себя через (не)принадлежность к семье умершего. Согласно их ответам, похороны определяются — и в значительной степени *должны* определяться — общепринятыми, а не расплывчатыми представлениями о семье или дружбе.

Посещение похорон. Один из важных способов, которыми люди демонстрируют семью покойного, — присутствие на похоронах. В большинстве своем поход на «семейные похороны» — это «создание» (“doing”) семьи [30]. Это не означает, что такое «создание» семьи является беспроблемным, поскольку близкие члены семьи могут чувствовать себя вынужденными присутствовать, не желая этого.

Когда мой муж вышел из крематория, он сказал, что не пошел бы, если бы это сошло ему с рук. Он пошел только ради его матери... Сказать, что вы на самом деле ненавидите, а не просто не любите своего собственного отца, — это такой огромный шаг, но именно так он и некоторые из его братьев относились к нему. (M2486, женщина, 58 лет)

Посещать похороны или нет — возможная дилемма для членов семьи, которые не любили покойного или не чувствовали себя близкими к нему. Как отмечает Д. Морган [31], «создание» семьи необязательно должно происходить в позитивном ключе (как можно видеть ниже).

Я чувствовала негодование, исходящее от дамы, стоявшей рядом со мной (у меня было четкое чувство, что она не хочет быть там, но была «делегирована» семьей в качестве единственного доступного представителя). (H1745, женщина, 59 лет)

Когда корреспонденты высказывали критику в адрес членов семьи в связи с их неявкой, замечания, по-видимому, сводились к тому, что ожидаемой демонстрации семейности на самом деле не произошло.

Мои племянники-близнецы (в возрасте 31 года на тот момент) не появились на похоронах бабушки, что, я думаю, тоже выглядело очень неправильно. (O3436, женщина, 56 лет)

Две двоюродные сестры, оказывается, «были слишком заняты», чтобы прийти, что не впечатлило мать Грэхэма. (P2957, женщина, 41 год)

В этих примерах речь идет не только о критике со стороны членов семьи, но и о критике от корреспондентов, описывающих мероприятие. Как правило, только корреспонденты, будучи родственниками, могли сказать, действительно ли все, кто «должен был» присутствовать на семейных похоронах, были там, и могли оценить обоснованность представленного оправдания [18]. Однако другие скорбящие могли также ожидать, что семья продемонстрирует свою связь с умершим посредством присутствия.

Было очевидно, что родственников не было, кроме меня. Я слышала бормотание, что моего брата нет. (M3476, женщина, 55 лет)

Таким образом, как сами члены семьи, так и другие скорбящие возлагали надежды на то, что эта связь будет реализована и продемонстрирована семьей. В то же время родственники, которые решили не присутствовать, по-видимому, отдали предпочтение личным чувствам, а не демонстрации единства семьи.

Но скорбящие ожидают увидеть демонстрацию *не только* семьи.

В общем и целом, это были «хорошие» похороны — все ее родные и друзья были там. (W3730, женщина, 43 года)

Тем не менее в основном разрешение на посещение и неодобрение отсутствия были направлены на родственников умершего, что отмечает важность демонстрации семьи на похоронах [25].

Несмотря на то что, как мы знаем, в других контекстах семья и горе имеют гендерную окраску, дифференциация, отраженная в ответах М-О, происходит не на мужчин и женщин, а скорее на «семью» и «не семью».

Посещение чаепития. Присоединиться ли к автомобильной процессии (с большей вероятностью на похороны, а не на кремацию) и остаться ли на похоронах после панихиды — на эти вопросы некоторые корреспонденты отвечают для себя в рамках того, воспринимают ли они себя как семью. В «директиве» задавался вопрос непосредственно о посещении чаепития после похорон. При этом многие корреспонденты отвечали на него, различая семью и не семью. Распространенными оказались представления о нежелании вмешиваться в процесс (похорон), что, вероятно, отражало характер среднего класса южной Англии.

...несмотря на то что семья позвала всех собравшихся в церкви после этого пройти в буфет, мы не хотели вмешиваться, так что мы пошли в бар и выпили пинту пива. (P2957, женщина, 41 год)

Я не пошла на поминки отчасти из-за собственной трусости, отчасти из-за того, что семье не нужен еще один повод для беспокойства, гость, которого нужно было бы поблагодарить за то, что он пришел, утешить и так далее. (A3434, женщина, 45 лет)

Корреспонденты действительно писали об отказе вмешиваться в других контекстах, включая отказ от посещения похорон тех, кого они не знали, и о предпочтении располагаться в дальней части зала. Тем не менее чаще всего о вмешательстве писали в контексте (не)посещения именно чаепития. О чем это говорит?

О похоронных чайных церемониях в Великобритании написано еще меньше, чем о самих похоронах, но для прояснения точек зрения других культур можно обратиться к работам К. Канна [6], Р. Грейнджера [23] и Л. Йодера [45]. Неизвестно, как часто скорбящим даются указания по поводу присутствия на чаепитии, но когда корреспонденты упоминают о таковых, в них всегда содержится приглашение, а не запрет на присутствие. Это контрастирует с четкими указаниями по поводу цветов: «Только члены семьи приносят цветы», — чтобы отделить семью от не семьи. Как видно из ответа P2957, даже если у скорбящих есть желание совместного времяпрепровождения, наличия приглашения не всегда достаточно для изменения их мнения по поводу неуместности посещения чаепития.

С точки зрения разделения скорби и поддержки семьи это может быть достойно сожаления. Т. О'Рурк и др. [31] отмечают, что наиболее ценимой частью американских похорон является не формальный ритуал, а неформальное взаимодействие между семьей и теми, кто знал умершего. Обычно это происходит на поминках перед похоронами, где ожидается большое количество присутствующих. В Великобритании это происходит во время чайной церемонии. Большинство корреспондентов М-О полагали, что их присутствие размывает семейные и несемейные границы и подрывает поддержку. Это заметно сокращает возможность нечленов семьи делиться с семьей историями об умершем, что является, пожалуй, значимой частью оплакивания умершего.

Демонстрация (displaying) любящей семьи

Факта присутствия членов семьи не всегда достаточно для ее демонстрации. Корреспонденты акцентируют внимание на демонстрации «правильной», «нормальной» или «хорошей» семьи и общих норм, касающихся этих проявлений [33], согласно Д. Финч [17, с. 70], чтобы «передать сообщение “это моя семья, и она нормальная”» [курсив Д. Финч. — *Прим. перев.*]. Поскольку исходя из ожиданий похороны должны быть персонализированы [28], может возникнуть конфликт между демонстрацией идеальной семьи (обеспечивающей счастливую жизнь — *lived by*) и той, в которой человек действительно живет (*lived in*) [22]. Так какую из этих семей, по мнению корреспондентов, необходимо демонстрировать на похоронах?

По данным исследований, формы семьи, не являющиеся общепринятыми, требуют наибольшей публичной демонстрации [1; 20; 44]. Однако только один корреспондент подтвердил это отноше-

ние к семейности. Он назвал похороны «веселыми» и указал как на стандартную семейную похоронную практику (выступления на похоронах), так и на общепринятую семейную традицию (быть вместе на протяжении многих лет). Более значимыми в ответах корреспондентов о демонстрации «правильной» семьи на похоронах являются ожидания, касающиеся *качества семейных отношений*. В следующем ответе описывается попытка матери потребовать от своей дочери определенной демонстрации семейности, или, точнее, настоять на том, чтобы *не допустить разрушительной (для образа семьи) демонстрации*.

Еще одними самыми худшими похоронами были похороны моего деда по материнской линии. Ему был 91, когда он умер в 2002 году в доме престарелых, но я не общалась с ним с 1985 года, потому что он домогался меня, моей сестры и моей матери с самого детства... Мои мать и сестра до сих пор находятся на разных стадиях отрицания этого... Моя мать сказала мне не приходить на похороны, если я собираюсь «вести себя отвратительно», чего я не поняла, но это меня все равно оскорбило... (P2957, женщина, 41 год)

Подразумеваемая «аудитория» для этой демонстрации — другие члены семьи, скорбящие или только мать — неизвестна, но дочь определенно почувствовала давление, чтобы сотрудничать с матерью в изображении «счастливой» семьи. Демонстрация семейного единства может быть важна не только для родственников умершего, но и для остальных скорбящих.

Основное чувство, которое у меня было на похоронах, — это некое ощущение празднования прожитой жизни, но при этом не хватало искренней, яркой, простой любви и близости. Из разговоров с К. и ее дочерью у нас сложилось впечатление, что между ними не было очень сильной близости и любви, а были, скорее, необходимость и желание сделать «правильно»... Все было немного плоским и безэмоциональным. (H1745, женщина, 59 лет, соседка умершего)

Таким образом, видим, что корреспонденты, как причисляющие, так и не причисляющие себя к семье, разделяют представления о том, как «хорошая» семья выглядит на похоронах. Во-первых, правильные члены семьи должны присутствовать независимо от того, хотят они этого или нет, скорбят они по умершему или нет; отсутствующие члены семьи порицаются. Во-вторых, между присутствующими членами семьи должны быть продемонстрированы гармония и привязанность.

Переживание

Согласно ожиданиям скорбящих, семья может быть определена не только через посещение похорон или определенную рассадку (присутствующих), но и через эмоции и способы их выражения. Для Р. Коллинза стратифицирующая функция обрядов, отделяющая ин-

сайдеров от аутсайдеров, строится на эмоциях: «опыт повышенного взаимного осознания и эмоционального возбуждения порождает групповые символы, маркеры групповой идентичности» [10, с. 36]. Несомненно, по данным М-О, демонстрация эмоций и внутреннее чувство реализуют семейное членство. Теперь последовательно рассмотрим каждый из этих компонентов.

Демонстрация правил. В приведенной ниже цитате корреспондента проявляется то, как по-разному на похоронах «создается» семья ее бойфренда и ее собственная:

Это были похороны бабушки моего парня... После церемонии в церкви мы поехали на машине на кладбище. Это был единственный раз, когда я видела, как мама моего парня плачет. Никто особо не говорил друг с другом... Я думала о том, что если бы это были похороны моей бабушки, то я была бы очень-очень грустной, и моя мама была бы очень вовлечена, и все разговаривали бы друг с другом. (J4505, женщина, 28 лет)

Еще один корреспондент продемонстрировал «заданность» (“givenness”) семейных практик, объясняя, что даже похороны (она описывала похороны тети) не являются причиной отклонения от того, как ее семья «создает» проявление эмоций.

Затем люди с каждого ряда подходили к гробу, чтобы попрощаться, что для меня оказалось очень сложным. Я не могла смотреть на гроб или на кого-либо и просто уставилась в пол. Я не хотела начинать плакать при всех, потому что никто не плакал. Мы не такая семья, которая показывает чувства какого-либо рода. Было бы неловко, если бы они увидели, как я плачу. (W3994, женщина, 38 лет)

Выражение эмоций также может быть элементом демонстрации, и опять же его отсутствие заметно аудитории.

Мы с моим мужем были в слезах, но странным образом оказалось то, что его сестра выглядела расслабленной и безразличной. Она не проявляла никаких эмоций. (R4365, женщина, 29 лет, описывая похороны деда ее мужа)

Этот автор оценивает, как скорбящие выражают связь с умершим через проявление эмоций. Она сравнивает сестру своего супруга, которая не плакала, с собственным мужем, который, наоборот, плакал, то есть именно муж вписывается в общепринятую норму. Не уточняется, что это за норма, но можно предположить, что это имеет отношение к культурным представлениям о том, что близкие эмоциональные отношения являются основой «правильных», «нормальных» и «хороших» семей.

Демонстрация норм варьирует от семьи к семье и является одним из способов того, как члены семьи создают свою семью. Но в условиях

эмоциональной напряженности и публичности, которые присутствуют на похоронах, это может быть достаточно сложно и является настоящей эмоциональной работой [26]. Она заметна как членам собственной семьи, так и членам других семей, которые придерживаются иных способов демонстрации норм.

Я помню, как очень старался держать себя в руках, так как все остальные делали то же самое, и было бы неуместно не следовать их примеру. (R4695, мужчина, 46 лет)

В интервью Д. Хоккей [27] с представителями духовенства говорилось об их действиях по управлению эмоциональными выражениями: контролировать и при необходимости поощрять проявление эмоций скорбящих на похоронах. Однако, по данным М-О, признанным ориентиром того, какое эмоциональное поведение считается приемлемым, являются не служители церкви или общепринятые культурные нормы, а именно семья умершего. Но могут возникнуть проблемы, если семьи умершего и корреспондента придерживаются несовместимых норм.

Чувство семьи. Скорбящие не только демонстрируют семью через публичное выражение эмоций, они также могут переживать их, и эти чувства играют ключевую роль в их описаниях.

Я думаю, весь тот день был пронизан глубокой печалью потому, что большая семья из семи человек сократилась до одной старой женщины (меня). Когда мне сообщили по телефону, что мой брат умер, я внезапно почувствовала себя одиноко. Эта большая ссорящаяся группа людей, которую ты всегда знал, исчезла. Моя любимая семья, конечно, сплотилась вокруг меня, поддержала меня, но теперь ты всегда видишь постаревшие лица — школьный знакомый, все еще узнаваемый, появляется в поле зрения! Но оставаться последней полезно. (F1560, женщина, 89 лет)

Этот корреспондент описывает, что это такое — потерять семью. Выражением «чувство семьи» мы хотим привлечь внимание именно к тому, что на похоронах другие скорбящие осознают это. Они осознают внутреннюю направленность семейных отношений [20] наравне с внешними проявлениями. Корреспонденты рассматривали утрату семьи с определенными последствиями, чтобы сохранить (ее) определенное качество, не всегда означающее утрату других отношений.

Мне жаль взрослых детей умершего, они будут сильно по нему скучать. (D826, женщина, 60 лет)

У нее остались муж и двое сыновей примерно десяти и двенадцати лет. Очень трогательно было видеть их там... Это была грусть от осознания того, что ее дети вырастут без такой потрясающей

женщины рядом. Она обожала своих детей, и именно боль от этого делала нахождение там таким тяжелым. (J2891, женщина, 46 лет)

Мне также было очень жаль, что мать умершего дожила до момента смерти своего сына. (B4672, женщина, 29 лет)

Корреспонденты, включая тех, кто был членом расширенной семьи, сопоставляли собственную печаль с чувствами близких родственников умершего, сочувствуя им больше, чем самим себе.

...моя тетя сыграла значительную роль в моей жизни, так что мне было грустно. Но еще я чувствовал печаль по поводу моего овдовевшего 91-летнего дяди, который должен был пережить окончание своего 64-летнего брака. (C3603, мужчина, 67 лет)

Когда корреспонденты выражали сочувствие нечленам семьи, они все равно указывали именно на семейную потерю.

Самыми грустными похоронами, на которых я был, оказались похороны моей двоюродной сестры — она умерла в 35 лет, оставив двоих детей, которым не было и десяти. И было печально не только с личной и семейной позиции, также тяжело было видеть горе на лицах ее друзей. (S4429, мужчина, 43 года)

Корреспонденты больше всего жалели членов нуклеарной семьи, совместно проживавших с умершим. Это естественное положение, но оно является решающим для понимания авторитетности, которой обладает семья для скорбящих на похоронах. Так как, по словам Д. Моргана, «любое описание семьи, которое исключает эмоции, будет неполным» [30, с. 123].

В отличие от близких родственников, которые, по их собственному мнению, должны следовать нормам демонстрации или придерживаться наблюдавшихся ими вариаций поведения различных семей, корреспонденты не писали о чувствах семьи, как подчиняющихся определенным правилам, тем более что они должны были бы выполнять внутреннюю работу, чтобы испытать эти чувства [26]. Скорее в своих высказываниях они описывали чувства, направленные на конструирование семьи, которые вызывались ритуальной обстановкой. Возможно, корреспонденты также вербализовали «чувство семьи» в неформальном социальном взаимодействии на похоронах или после них, однако они об этом не заявляют.

Э. Дюркгейм, М. Блок, Д. Дэвис [11] и Р. Коллинз писали об эмоциональной энергии, производимой во время обрядов, и о том, как эту энергию участники могут использовать при конструировании общества. Конечно, корреспонденты, которые не были близкими родственниками семье умершего, использовали эту эмоциональную энергию, чтобы почувствовать и сконструировать семью. Возможно, хотя у нас нет подтверждающих это данных, некоторые скорбящие,

особенно главные из них, воспринимают похороны как эмоциональное истощение.

Обсуждение результатов

Тенденция, прослеживаемая в науке и, возможно, в обществе, заключается в текучем (*fluid*) и персонализированном понимании как семьи, так и горя. Тем не менее данные нашего исследования противоречат этому тренду: британские корреспонденты отдают предпочтение структурированному, а не текучему восприятию семьи и горя. Помимо объединения всех, кто знал, уважал и заботился об умершем, похороны дифференцируют семью и не семью. Все гости, а не только члены семьи, производили и воспроизводили культурные конструкты семьи. Каждый участник похорон был «вместе с другими» не в дюркгеймовском представлении механической солидарности, а в совместной демонстрации эмоций и определении с их помощью, кто является или не является семьей, способами, которые — по крайней мере, для участников М-О — были достаточно общепринятыми. Похороны демонстрируют в большей мере стратификацию, чем солидарность, или, если точнее, стратифицированную солидарность. В социальном порядке, установленном на английских похоронах, социальная дифференциация представляется более важной, чем выражение личной привязанности к умершему или интенсивности горя. Попытки демонстрации привязанности или отчужденности, несоразмерные формальным отношениям, являются потенциально проблематичными.

Обозначая различия, лежащие в основе своих чувств, корреспонденты опирались на определенное понимание семьи, понимание, которое, по-видимому, не сильно варьировалось, если изменялось вообще. Для корреспондентов «семья» в контексте похорон представляла собой структуру из кровнородственных и супружеских отношений, склонных скорее к устойчивости, чем к текучести (*fluidity*) [16; 21]. Иначе говоря, корреспонденты опирались на общепринятое и нормативное [35] понимание семьи. Понятия, отклоняющиеся от общепринятого представления о семье, — такие, как семьи по выбору [44], «личные сообщества» [32], «культуры близости» [37] или бесправное горе [12] — в полученных ответах отсутствовали.

Почему так получилось? Мы приведем три возможных объяснения: методологическое, демографическое и символическое. Во-первых, выборка была смещена в сторону белых пожилых женщин среднего класса — тех, кто с большей вероятностью придерживается традиционных представлений о семье и горе.

Во-вторых, концепт «семей по выбору» был изначально разработан в рамках негетеросексуальных отношений, которые недостаточно отображены в данных М-О. Возможно, имеет место эффект когорты; уровень разводов в Великобритании существенно не повышался до

1970-х гг., а гомосексуальные отношения часто держались в секрете гораздо позже. С учетом того что половина разводов происходит в течение первых десяти лет брака, а также с учетом пожилого возраста большинства умерших может потребоваться одно или два десятилетия для того, чтобы иные формы личной жизни были в полной мере представлены на похоронах.

В-третьих, учитывая центральную роль символов рождаемости во многих незападных обрядах смерти, можем предположить, что корреспонденты фокусировались на общепринятом понимании семьи как единицы воспроизводства, помещающей умершего в непрерывный процесс, где смерть компенсируется рождением, а дети и внуки умершего являются символами новой жизни, которую не могут символизировать близкие друзья и коллеги. Данные М-О не подтверждают и не опровергают эту интерпретацию, хотя анекдотические истории, которые мы слышали о младших детях, которых не пускают на похороны, не подтверждают ее.

Согласно концепту бесправного горя акцент похорон на формальном родстве не только маргинализирует горе некоторых скорбящих, вызывая у них дистресс, но и означает провал таких похорон. Друзья, которые были рядом с умершим всю жизнь, но исключенные из похорон «только для семьи», присутствовали в нашем исследовании. Эти друзья чувствовали себя обманутыми, но ни один такой корреспондент не оспорил право семьи исключить их. Вопреки обширной литературе о бесправном горе, они принимали свое бесправие. Они смирились с тем, что похороны — это в основном демонстрация семьи, а не горя.

Заключение

В научной литературе игнорируется то, как западные похороны определяют семью. Это отражается в фокусировании психологов на горе, а не на семье. Но даже социологические и антропологические исследования о западных похоронах, которые, казалось бы, должны быть сосредоточены на семье и родстве, не делают этого. Авторы научной и некоторой массовой литературы утверждают, что современные западные похороны — это событие, направленное на выражение горя, совместное переживание скорби и/или объединение скорбящих в знак солидарности ради них самих или для поддержки семьи [19]. В проведенном Т. Уолтером анализе трендов в исследовании смерти [41] обсуждались меняющиеся авторитеты традиции, религии, профессионального опыта и личности, но игнорировался авторитет семьи. Напротив, корреспонденты описывали похороны, гораздо более побуждаясь традиционными проявлениями семьи, чем необузданным индивидуализмом.

Анализ похорон как символа групповой солидарности не выявил того, что современные похороны могут дифференцировать инсайдеров

и аутсайдеров, стратифицируя присутствующих на семью и не семью, тем самым (вос)производя правила, какие эмоции можно или нельзя демонстрировать. Но именно это отмечают корреспонденты, описывая правила проявления эмоций, основанные на такой дихотомии. Правила различаются в зависимости от группы, и, что удивительно, членство в этих группах не оспаривается, тогда как сама семейная классификация частично является результатом эмоций, возникших в процессе ритуала. Согласно Р. Коллинзу и, возможно, вопреки М. Дугласу [13], эта классификация не только является сугубо когнитивной, но и достигается через глубоко переживаемые эмоции. Проявление семьи на похоронах тесно переплетается с проявлением горя и чувством скорби, причем причинно-следственные связи существуют в обоих направлениях: восприятие «семьи» вызывает эмоции, а они, в свою очередь, определяют семью.

Корреспонденты демонстрируют свое понимание семьи при помощи того, что они пишут о горе, и конструируют собственный и чужой образы скорби в терминах семейных связей с умершим. В этом смысле семья превалирует над горем. Тот факт, что ни один корреспондент, не являющийся членом семьи, не пожаловался на то, что его горе оказалось маргинализированным, свидетельствует о том, что в нашем проекте корреспонденты довольствуются — по крайней мере в рамках похорон — правилами, согласно которым чувство горя отражает семейную связь, а не личную привязанность к умершему. Широко распространенное в американской танатологии [12] представление, что бесправное горе — это плохо при любых обстоятельствах, с ним нужно бороться, не разделяется нашими в основном пожилыми корреспондентами из среднего класса Великобритании. Они не описывают горе как неотъемлемое право, которое должно быть «признано» при любых обстоятельствах. Скорее они описывают похороны, на которых они присутствовали, где горе подтверждают формальные отношения с умершим [а не личная привязанность]. Вполне возможно, что представители менее стоических культур будут более непримиримы к бесправию горя. Вероятно также, что корреспонденты М-О могут критиковать бесправие горя в иных контекстах, помимо похорон.

Строго говоря, английские похороны не создают понимание семьи (*not accomplish family*), но его воплощает (*accomplish*) то, как похороны описывают корреспонденты. Если бы мы проводили интервью, то диалог корреспондента и интервьюера мог бы воплотить понимание семьи. Если бы мы наблюдали за похоронами, то могли бы истолковать наблюдаемое как создание семьи. В каждом случае встает вопрос: что именно воплощает семью — похороны или выбранная методология? В конце концов, появляется вопрос и о том, дадут ли другие методологии, такие как прямое наблюдение или интервью (будь то со скорбящими или с похоронным персоналом, который является квалифициро-

ваным наблюдателем за скорбящими), аналогичные интерпретации. Или же другие методологии просто приведут к выводу, что похороны связаны как с семьей, так и с горем без превалирования одного над другим и без *необходимости* артикулировать горе через связи кровного родства. Также возникает вопрос, какие данные будут получены при изучении других скорбящих в Великобритании или скорбящих в других западных обществах.

ЛИТЕРАТУРА⁴

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Уолтер Тони (Walter Tony) — социолог, профессор эмеритус, Университет Бата. Электронная почта: jaw34@bath.ac.uk

Бейли Тара (Bailey Tara) — в течение нескольких лет распорядитель похорон, затем исследователь в Университете Бата; в настоящее время буддистская монахиня.

Дата поступления: 01.09.2022.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 1. P. 141–160. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.8

Research Article

TONY WALTER¹, TARA BAILEY¹

¹ University of Bath.

Claverton Down, BA2 7AY, UK.

HOW FUNERALS ACCOMPLISH FAMILY: FINDINGS FROM A MASS-OBSERVATION STUDY

Abstract. This article analyzes how potentially conflicting frames of grief and family operate in a number of English funerals. The data come from the 2010 Mass-Observation directive “Going to Funerals” which asked its panel of correspondents to write about the most recent funeral they attended. In their writings, grief is displayed through conventional conceptions of family. Drawing on Randall Collins, we show how the funeral divides mourners into family or nonfamily, with such differentiation occurring through outward display and internal feelings. The funerals described were more about a very traditional notion of family than about grief; family trumped grief, or at least provided the frame through which grief could be described. Funerals were portrayed as a distinct arena privileging family over fluid and varied personal attachments. They are described both in terms of the new sociology of personal life and through the concept of disenfranchised grief.

Keywords: funerals; family; grief; Mass-Observation directive; feeling.

Funding: Tara Bailey was funded by Economic and Social Research Council (ESRC) doctoral grant ES/I900306/1.

⁴ См. список References. — Прим. ред.

For citation: Walter, T., Bailey, T. How Funerals accomplish Family: Findings from a Mass-Observation Study. Transl. from Eng. by A.A. Zaitseva, Yu.A. Ivanova. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 141–160. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.8

REFERENCES

1. Almack K. Display work. *Displaying families*. Ed. by E. Dermott, J. Seymour. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan, 2011. P. 102–118. DOI: 10.1057/9780230314306_6
2. Aveline-Dubach N. *Invisible population: The place of the dead in East Asian megacities*. Lanham, MD: Lexington Books, 2012. 250 p.
3. Bloch M. *Death and the regeneration of life*. Ed. by J.K. Parry. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1982. 248 p. DOI: 10.1017/CBO9780511607646
4. Bowman L. *The American funeral: A study in guilt, extravagance, and sublimity*. Westport, CT: Greenwood, 1959. 181 p.
5. Braun V. Using thematic analysis in psychology. Ed. by V. Clarke. *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3 (2). P. 77–101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa
6. Cann C. *Dying to eat: Cross-cultural perspectives on food, bereavement and afterlives*. Lexington: University Press of Kentucky, 2017. 208 p. DOI: 10.5810/kentucky/9780813174693.001.0001
7. Carsten J. *After kinship*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 194 p.
8. Caswell G. Personalisation in Scottish funerals: Individualised ritual or relational process? *Mortality*. 2011. No. 16. P. 242–258. DOI: 10.1080/13576275.2011.586124
9. Clark D. *Between pulpit and pew: Folk religion in a North Yorkshire fishing village*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 198 p.
10. Collins R. *Interaction ritual chains*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 464 p.
11. Davies D.J. *Death, ritual and belief*. L.: Continuum, 2002. 272 p.
12. Doka K.J. *Disenfranchised grief: New directions, challenges, and strategies for practice*. Champaign, IL: Research Press, 2002. 451 p.
13. Douglas M. *Purity and danger*. L.: Routledge, 2002. 272 p. DOI: 10.4324/9780203361832
14. Durkheim E. *The elementary forms of the religious life*. L.: Unwin, 1915. 456 p.
15. Durkheim E. *The division of labour in society*. L.: Macmillan, 1933. 439 p.
16. Edwards R. The politics of concepts: Family and its putative replacements. Ed. by R.J. McCarthy, V. Gillies. *British Journal of Sociology*. 2012. No. 53. P. 730–746. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2012.01434.x
17. Finch J. Displaying families. *Sociology*. 2007. No. 41. P. 65–81. DOI: 10.1177/0038038507072284
18. Finch J. *Negotiating family responsibilities*. Ed. by J. Mason. L.: Tavistock, 1993. 240 p.
19. Fulton R. The funeral in contemporary society. *Death and identity*. Ed. by R. Fulton, R. Bendiksen. Philadelphia, PA: Charles Press, 1994. P. 288–312.
20. Gabb J. Troubling displays: The affect of gender, sexuality and class. *Displaying families*. Ed. by E. Dermott, J. Seymour. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan, 2011. P. 38–57. DOI: 10.1057/9780230314306_3
21. Gilding M. Reflexivity over and above convention: The new orthodoxy in the sociology of personal life, formerly sociology of the family. *British Journal of Sociology*. 2010. No. 61. P. 757–777. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2010.01340.x
22. Gillis J.R. *A world of their own making: Myth, ritual, and the quest for family values*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 336 p.
23. Grainger R. Let death be death: Lessons from the Irish wake. *Mortality*. 1998. No. 3. P. 129–141. DOI: 10.1080/713685896

24. Harper S. Behind closed doors? Corpses and mourners in American and English funeral premises. *The matter of death: Space, place and materiality*. Ed. by J. Hockey, C. Komaromy, K. Woodthrope. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2010. P. 100–116. DOI: 10.1057/9780230283060_7
25. Heapy B. Critical relational displays. *Displaying families*. Ed. by E. Dermott, J. Seymour. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. P. 19–37. DOI: 10.1057/9780230314306_2
26. Hochschild A. *The managed heart*. Berkeley, CA: University of California Press, 1993. 340 p.
27. Hockey J. The acceptable face of human grieving? *The Sociology of Death*. Ed. by D. Clark. Oxford: Blackwell, 1993. P. 129–148. DOI: 10.1111/j.1467-954X.1992.tb03390.x
28. Holloway M. Funerals aren't nice but it couldn't have been nicer. The makings of a good funeral / M. Holloway, S. Adamson, V. Argyrou, P. Draper, D. Mariau. *Mortality*. 2013. Vol. 18. P. 30–53. DOI: 10.1080/13576275.2012.755505
29. Howarth G. *Last Rites: The work of the modern funeral director*. Amityville, NY: Baywood, 1996. 232 p. DOI: 10.2190/LRT
30. Morgan D. *Family connections*. Cambridge, MA: Polity, 1996. 224 p.
31. O'Rourke T. The good funeral: Toward an understanding of funeral participation and satisfaction. T. O'Rourke, B.H. Sptizberg, A.F. Hannawa. *Death Studies*. 2011. Vol. 35. P. 729–750. DOI: 10.1080/07481187.2011.553309
32. Pahl R., Spencer L. Personal communities: Not simply families of “fate” or “choice”. *Current Sociology*. 2004. Vol. 52. Iss. 2. P. 199–221. DOI: 10.1177/0011392104041808
33. Pahl R., Spencer L. Family, friends and personal communities. *Journal of Family Theory & Review*. 2010. Vol. 2. P. 197–210. DOI: 10.1111/j.1756-2589.2010.00053.x
34. Pine V.R. *Caretaker of the dead: The American funeral director*. N.Y.: Irvington, 1975. 219 p.
35. Reimers E. Primary mourners and next-of-kin — How grief practices reiterate and subvert heterosexual norms. *Journal of Gender Studies*. 2011. Vol. 20. P. 251–262. DOI: 10.1080/09589236.2011.593324
36. Robson P., Walter T. Hierarchies of loss: A critique of disenfranchised grief. *OMEGA — Journal of Death and Dying*. 2012–2013. Vol. 66. P. 97–119. DOI: 10.2190/OM.66.2.a
37. Roseneil S., Budgeon S. Cultures of intimacy and care beyond “the family”: Personal life and social change in the early 21st century. *Current Sociology*. 2004. Vol. 52. Iss. 2. P. 135–159. DOI: 10.1177/0011392104041798
38. Sheridan D. Using the mass-observation archive. *Researching ageing and later life: The Practice of Social Gerontology*. Ed. by A. Jamieson, C.R. Victor. Buckingham: Open University Press, 2002. Pt. 5.
39. Smart C. *Personal life*. Cambridge: Polity Press, 2007. 232 p.
40. Szmigin I., Canning L. Sociological ambivalence and funeral consumption. *Sociology*. 2015. Vol. 49. P. 748–763. DOI: 10.1177/0038038514552008
41. Walter T. *The revival of death*. L.: Routledge, 1994. 240 p.
42. Walter T. A new model of grief: Bereavement and biography. *Mortality*. 1996. Vol. 1. P. 7–25. DOI: 10.1080/713685822
43. Walter T. Three ways to arrange a funeral: Mortuary variation in the modern West. *Mortality*. 2005. Vol. 10. P. 173–192. DOI: 10.1080/13576270500178369
44. Weeks J. *Same sex intimacies: Families of choice and other life experiments*. J. Weeks, B. Heaphy, C. Donovan. L.: Routledge, 2001. 256 p. DOI: 10.4324/9780203167168_Introduction
45. Yoder L. The funeral meal: A significant funerary ritual. *Journal of Religion and Health*. 1986. Vol. 25. P. 149–160. DOI: 10.1007/BF01533245

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Walter Tony — Professor Emeritus, Centre Death and Society, University of Bath.

Email: jaw34@bath.ac.uk

Bailey Tara — a funeral director for several years before undertaking doctoral research at the University of Bath. She is now a Buddhist monk.

Received: 01.09.2022.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.9

EDN: XNKPMМ

*А. Ю. СОГОМОНОВ*¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

ИДЕЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР И ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОГО МОДЕРНА

(отклик на книгу: *Лаборатория понятий:*

Перевод и языки политики в России XVIII века /

Под ред. С.В. Польского и В.С. Ржеуцкого. М.: НЛЮ, 2022)

Аннотация. Авторы коллективной монографии исследуют переводческие практики в ранней российской империи в общем контексте социокультурных трансформаций, охвативших все сферы общественно-политической жизни страны в XVIII веке. Европа и Россия в эпоху Просвещения представляли собой разные семиотические системы, и именно группа переводчиков, осуществивших трансфер западных идей, теорий и понятий как совокупный актор совершили своего рода «культурную революцию», изобретая новые познавательные перспективы и социально-политический тезаурус. Многие представители русской элиты владели иностранными языками и знакомились с западной литературой в подлиннике, однако настоящий трансфер западной мысли полноценно совершался лишь как акт перевода, как прецедент выражения незнакомых смыслов на «русском». Развитие переводческой традиции в России куда красноречивее свидетельствует об эволюции общественно-политической мысли, чем оригинальные сочинения отечественных авторов того времени. И поскольку перевод в тогдашних условиях всегда сопровождался рождением чего-то лексически и семантически нового, не только в словах, но и в формах мышления, то научная метафора «лаборатория понятий» для обозначения процесса интеллектуального зарождения русского модерна представляется абсолютно оправданной.

Ключевые слова: переводческий поворот; гражданская наука; лексический и семантический трансфер; трансмиссия и адаптация языков политики; российский модерн.

Для цитирования: *Согомонов А. Ю. Идеино-терминологический трансфер и генезис российского модерна (отклик на книгу: Лаборатория понятий:*

перевод и языки политики в России XVIII века / Под ред. С.В. Польского и В.С. Ржеуцкого. М.: НЛЮ, 2022) // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 161–176. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.9 EDN: XNKPM

Взаимопритяжение истории и социологии научно обосновано и имеет давнюю познавательную традицию в нашей академической среде. Этот синтез успешно удавался П.Л. Лаврову, М.М. Ковалевскому, Н.И. Карееву, П.А. Кропоткину. В последнюю четверть прошлого века это движение вдобавок сопровождалось учреждением новых отраслей знания, подобно «культурным исследованиям», «исторической социологии», «истории понятий», «социальной истории» и др. Внутри них порой очень трудно различить, в рамках какой методологии выполнено то или иное исследование, и поэтому все чаще говорится о паритете «наук о культуре» во множественном числе и без уточнения их дисциплинарной идентичности. Сегодня историки уже гораздо чаще опираются на социологические теоретические концепты, чем поколение назад, а социологи, в свою очередь, конструируют аналитические объекты на базе эмпирических материалов исторических штудий.

В современной науке историко-социологический синтез получил популярность на закате советской эпохи благодаря работам таких ярких ученых, как Б.Ф. Поршнев и Б.Н. Миронов. В первое десятилетие нашего столетия этот союз обрел законченную институциональную форму, а кроме того, вошел самостоятельными дидактическими курсами в университетские программы, прежде всего благодаря усилиям и многочисленным публикациям замечательного тандема И.М. Савельевой и А.В. Полетаева.

В современной русистике междисциплинарный синтез двух подходов с недавних пор воспринимается как вполне ожидаемый, логичный и эвристичный. Особенно это характерно для исследований генезиса русского модерна в императорский период и его последующих трансформаций, в том числе в рамках большевистского проекта. Естественно, что эти темы, в принципе, не могут быть раскрыты без обращения к теориям модернизации и, конечно же, без опоры на большие исторические массивы данных.

Кроме всего прочего, первая треть XXI в. обострила актуальность исследований генезиса модерна и домодерновых состояний общества и политики своими поражающими воображение геополитическими «откровениями». Сегодня очевидно, что все долгосрочные прогнозы развития мировой цивилизации, которые ранее строились на допущении плавного развития «высокой современности» и ее якобы поступательного саморазвития, в буквальном смысле провалились. Взоры социальных ученых вновь обратились к истокам современности и альтернативным моделям модернизации, анализ которых никак

не поспособствовал ни оптимистическому видению будущего, ни его большей предсказуемости. Нынешняя гуманитарная и социальная науки разуверились в лонгитюдной стабильности модерна, а значит, подвергают сомнению его фундаментальный посыл — западный универсализм. И чтобы понять, почему провалился когнитивный проект «теория модернизации», взгляды социологов сегодня в большей степени обращены в весьма отдаленное прошлое, нежели в грядущее.

Среди немногочисленных и недавних работ на эту тему, безусловно, инновационной и научно очень интригующей можно назвать коллективную монографию «Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века», вышедшую под редакцией именитых социальных историков С.В. Польского и В.С. Ржеуцкого [2]. Книга стала итоговой публикацией материалов конференции «Перевод общественно-политической литературы и формирование языка “гражданских наук” в России (конец XVIII — начало XIX века)», проходившей в Москве в Германском историческом институте в феврале 2017 г. Она была организована в рамках проекта этого же института «Трансфер европейских общественно-политических идей и переводческие практики в России XVIII века». Мне не хотелось бы рецензировать эту книгу в традиционном формате, а, отталкиваясь от ее идей и главным образом от теоретического вступления соредкторов, показать, насколько синтез социологии и истории может оказаться плодотворным в производстве нового научного знания. Книга фундаментальна и проясняет многие стороны генезиса русского модерна, а посему знакомство с ней весьма желательно для нашей социологической аудитории.

Центральная категория монографии — «гражданская наука» — понятие сложное, двусмысленное и оттого довольно трудно определяемое академически, хотя, казалось бы, лексически оно крайне просто сконструировано, а его семантика легко считывается. Тем не менее «гражданская наука» как категория западного историзма относительно недавно стала популярной в современных социальных и гуманитарных изысканиях. Эта наука не является академической отраслью в строго классическом смысле, тем более институциональной университетской дисциплиной. Это особая форма рационального знания, проистекающая из философско-просветительского энциклопедизма, в известном смысле она была противопоставлена обыденному «здоровому смыслу» как на заре раннего Нового времени, так и в последующий период расцвета проекта Модерн.

Прообразы гражданской науки обнаруживаются в разных лексических вариациях в сочинениях Цицерона, всякий раз по-разному обозначающего навыки и умения, необходимые гражданам для участия в управлении республикой и, вероятно, напрямую восходящие к политической эпистемологии Аристотеля, который включал ее в учение об «общем благе». Несмотря на то что в античные времена мыслители

действительно всерьез задумывались о знаниевых основах гражданственности в условиях прямой демократии, подлинная гражданская наука в современном ее понимании получила свое полное выражение лишь в эпоху Просвещения и посему является сугубо модернистским концептом, включающим аутентичный социально-философский тезаурус и базовый набор идей общественно-политической направленности, равно как и способы познания и толкования модернистской политики, ее институтов свободы и власти в целом.

Если в ареале западной цивилизации гражданская наука складывалась и активно развивалась вслед за меняющейся социальной реальностью (или, по крайней мере, шла с ней параллельно, нога в ногу), то за географическими пределами Запада все происходило в обратной исторической последовательности: привнесенная извне в чужой, хотя и не чуждый социально-политический контекст западная гражданская наука сперва способствовала необратимым переменам в общественной мысли и публичном языке, а затем инициировала трансформации собственно в социальной реальности. И хотя в такой откровенной форме читатель не обнаружит этого тезиса в рецензируемой книге, тем не менее именно он напрашивается из всей логики научного повествования «Лаборатории понятий».

С. Польской и В. Ржеуцкий во вступлении оговаривают, что предмет их книги — «это перевод как культурная практика и способ присвоения знания, в данном случае знания о власти и об устройстве общества» (с. 12). Но в таком случае логично встает вопрос: применительно к какой власти и какому обществу происходило присвоение нового знания в России XVIII в.? Разумеется, в ранней империи шли прямые заимствования в первую очередь универалистских основ политического и социального знания раннего европейского модерна. То есть в русскую культуру через систематические переводы и прямую лексическую трансляцию осуществлялся трансфер «основы основ» и «языков» западной социальной философии и политической науки. Иными словами, шла телепортация не столько аналитических инструментов, методов и способов общественного самопознания и социально-философского мышления, сколько набора нормативных представлений о политическом управлении и гражданской культуре, выраженных соответствующими языковыми средствами. Что в совокупности стало идейно-лингвистической первоосновой модернизационного «поворота» в России.

Обнаружить российских «двойников» разных проявлений западного универализма по понятным причинам было весьма затруднительно, и поэтому проще было их «сконструировать» в виде той «желательной» реальности, которая могла бы хоть как-то корреспондировать идеям западной гражданской науки. Или, еще проще, закрыть глаза на любые несоответствия между нормативным и реальным модерном.

В результате социальная практика и обновленный общественно-политический язык уже в XVIII столетии научились жить независимо друг от друга, как бы бок о бок, в параллельных «вселенных». И это впоследствии станет своего рода культурным мейнстримом русского пути в современность: подданные империи мыслили и говорили в одном смысловом поле, а действовали в другой системе координат.

С. Польской и В. Ржеуцкий отталкиваются от новомодных в современной западной теории и науках о культуре понятий «культурный поворот»¹, «культурный трансфер» и «культурный перевод», адаптируя их в своих исследовательских интересах. В деятельности русских переводчиков они обнаруживают намеренность (стратегическую интенцию) и обращение к разным «техникам» перевода и работы со словом и смыслами. Что само по себе и неплохо, но не гарантирует корректности этих переносов. А кроме того, не всегда понятно, уясняли ли сами творцы российской «переводческой революции» свои широкие и узкие культуртрегерские задачи, понимали ли долгосрочные последствия своей деятельности. Очевидно лишь одно: переводческий трансфер в России стал для ранней империи базовым способом присвоения нового социально-политического знания и формирования новаторского публичного языка.

Зонтичным понятием «гражданская наука» соредакторы тома объединили все те переводные стратегии, с помощью которых транслированное знание вспомоществовало политике и государственной деятельности вообще. Понятно, что западноевропейский XVIII в. еще не ведал дисциплинарного разделения наук об обществе и власти, которое сформируется лишь столетие спустя; более того, мыслители Просвещения еще и не отличали научный текст от художественного, что в некотором смысле облегчало работу русским переводчикам. Их намеренность воспринималась как нечто очевидное: новое знание не столько было необходимо для познавательных целей (хотя и не без этого), сколько выступало фундаментальной составляющей государственной программы политического образования. Для этого иностранные тексты надлежало сперва вывести за скобки их исконных контекстов, а затем ре-контекстуализировать в отечественную культуру. Эта задача была далеко не из простых. По мере ее решения случались разные откровения и казусы, тупики и интересные находки, множественные семантические «непопадания» в исходные смыслы, причем не всегда понятно, случайно или сознательно.

Переводческое проектирование XVIII в., вначале весьма стихийное и случайное, осуществлялось в русле развития нового российского властно-административного дискурса, или, как писали в то время, во

¹ Прежде всего, в интерпретации Д. Бахманн-Медик (см. ее книгу «Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре» [1]).

имя утверждения «статского вежества». Эта совместная деятельность переводчиков, издателей и заказчиков предполагала работу не только с идеями и смыслами, но и с устаревшей лексикой. Для «правильных» понятий крайне не хватало аналогов в старорусском словаре, это затрудняло буквалистские переводы «слово в слово», что и подталкивало переводчиков, а вслед за ними властные и культурные элиты к курьезным передачам смыслов, к примеру, с помощью побуквенной транслитерации западной терминологии или через сохранение ее исконно иностранного написания. Это облегчало работу, но не способствовало лучшему усвоению. Отсюда параллельное хождение терминов, конкуренция между словами, накопление множественных коннотаций и прочие причудливые феномены становления публичного языка, стремившегося прежде всего к отражению в обновленном русском словаре западных универсалистских сущностей, при этом, безусловно, и к властно-элитному дистанцированию от обиходного простонародного языка средних слоев и низов. Правители ранней империи были удивительно чуткими к этому лингвистическому макропроцессу. Екатерина Великая, как хорошо известно, самолично принимала активное участие в формировании, очищении и легитимации новой общественно-публичной и культурной лексики.

С. Польской и В. Ржеуцкий открывают много интересных особенностей в становлении российского модерна, которые по-прежнему известны лишь узкому кругу специалистов по истории русского Философского века, а для широкой аудитории представляют собой *terra incognita*. К примеру, тезис о слиянии властных режимов и способов мышления, ставший трюизмом в современной социологии благодаря работам М. Фуко, находит интересное книжно-лингвистическое подтверждение. Дело в том, что слово «политика» в русской культуре эпохи Просвещения имело два семантических уровня: наука управления обществом и наука управления самим собой. И оба уровня утвердились в нашем культурном наследии благодаря ранним переводам, с одной стороны, книг для статского научения государственных чинов, а с другой — книг по гражданскому воспитанию подданных империи для обретения ими верного понимания своих должностей — партикулярных, гражданских и социальных. Книги эти были весьма разными по формату и тональности. Наряду с сочинениями, которые можно отнести к разряду теоретических трактатов, публиковалась литература увещательная, информационная, иллюстративная, морализаторская да и просто художественно-просветительская. Издание этих книг имело долгосрочные последствия с точки зрения не только «цивилизационного процесса» (по Н. Элиасу это — освоение нового этикета, светских манер, надлежавшей публичной речи и проч.), но и способов социального познания. А от себя к этому добавлю: еще и опыта социального конструирования, а точнее, искусственного приведения

российских реалий к соответствию с западными универсалистскими конструкциями в общественном сознании. В книге достаточно фактического материала для иллюстрации этого тезиса. В частности, на примере эволюции таких понятий, как деспотизм и абсолютизм, легко разглядеть «переводческую» траекторию раннего русского модерна.

Важно подчеркнуть, что для всех авторов монографии переводной текст вовсе не является простым посредником между разными социо-семиотическими системами, а всегда есть сотворение нового. Мысль эта может показаться довольно банальной, но это не так. Если в более поздние времена перевод хотя и оставался актом творческим, все же совершался между относительно близкими социокультурными системами. Россия по-прежнему оставалась страной довольно своеобразной, но в политико-культурном смысле все же уже была европейской. Когда речь идет о переводах в эпоху русского Просвещения, нельзя не признать за первыми русскими переводчиками роли креаторов, причем не только слов и понятий, но также интерпретаций, образов, символов и даже отчасти идентичности раннего модерна. Именно русским языком, к рождению которого эти люди имели самое прямое отношение, они впервые стали выражать смыслы и идеи, в течение Философского века насытив ими последующую культурную традицию России. В этом плане они могут считаться творцами не только новых возможностей в ранней империи, но и отчасти смысловой «колеи истории»; мы и по сей день пользуемся учрежденным ими общественно-политическим словарем с адекватно или искаженно переданной семантикой западного универсализма. Даже нашим сегодняшним социологическим воображением, базовыми категориями и расхожими образами мы по-прежнему во многом обязаны первым русским переводчикам европейской общественно-политической литературы.

«Переводчик» в трактовке С. Польского и В. Ржеуцкого — это социальный актор, «создающий свой текст и внедряющий его в культуру на основании определенных стратегий и практик» (с. 42). Но кто были заказчики этих переводов и каковы были их намерения? На рубеже XVII–XVIII вв. заказчиком чаще всего выступала московская элита, тогда еще не владевшая ни иностранными живыми языками, ни мертвой латынью, но желавшая познания и утилизации западных моделей политического участия во власти. И ее вполне устраивали переводы на языке старорусской книжности. Впрочем, уже тогда и, конечно же, несколько позднее приходит время «творчества»: путем простых транслитераций (прямое транскрибирование иностранных понятий кириллицей) или с помощью доместикации (то есть объяснения неизвестных социальных феноменов через поиск внутренних аналогов). Так русская культура раннего Просвещения становилась не просто пассивной «принимающей» стороной, но и «активным агентом межкультурного обмена» (с. 44). Нам остается лишь предположить, что

именно поэтому элита в партнерстве с переводчиками заметно отошла от исконных смыслов западного универсализма, не приняла его совокупно. В это время складывается двойственность в заимствованиях, формируется устойчивая реакция в риторической вилке между «этому надлежит учиться» и «а это нам неприемлемо». Причем российские цари, в том числе и Екатерина Великая, равно как и многие представители властного бомонда, играли в «двойственный» универсализм абсолютно открыто и сознательно.

Наверное, такое социальное поведение не следует считать сугубо российским феноменом. Об этом в книге мы находим отдельный пассаж. В целом культура европейского Просвещения во многом строилась вокруг переводов; большинство авторов стремились не столько написать собственные сочинения, сколько выработать свой критический взгляд в переводах, комментариях, переизданиях, компиляции. Разумеется, создавались и аутентичные авторские тексты, но даже в знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, передававшей сам «дух» Просвещения, многое вращалось вокруг переводов. Как в Европе, так и в России, приходят к любопытному выводу С. Польской и В. Ржеуцкий, перевод выступает самостоятельным фактом культуры и, возможно, в не меньшей степени отражает эволюцию общественно-политической мысли, чем оригинальные сочинения. Весьма красноречиво на это указывает казус скорректированного в русском переводе фрагмента из «Энциклопедии». Французское довольно устойчивое выражение «любовь к свободе» переводчик заменил русским, видимо, как ему показалось, более корректным смысловым эквивалентом «любовь к Отечеству». Подобная семантическая подмена совершалась регулярно и, естественно, переводила всю общественную мысль совершенно в другое русло (с. 108). Примеры таких переводческих «поправок» можно приводить до бесконечности, благодаря им совершалась легитимация удобной, если не сказать выгодной, версии русского модерна, освященная авторитетом западной философии. Ведь сказанное (корректнее: переведенное и напечатанное) принадлежит мыслителю с мировым именем и признанием.

Теперь несколько слов о статистике. Поскольку книжный рынок в России в XVIII в. был на порядок меньше, чем в крупнейших центрах Европы, то в нем доля переводной литературы всегда казалась крайне внушительной — в разные периоды она варьировалась от четверти до половины от всех изданий. Это в разы больше, чем, к примеру, во Франции. Причем, судя по имеющимся данным, объем переводной литературы в России неизменно возрастал и достиг своего апогея ближе к концу столетия, а удельный вес переводов на русский, в частности, французской социально-философской и историко-географической литературы, составлял около 20% в общей совокупности переводов с французского, что, конечно же, довольно высокий показатель.

Вольтер по понятным причинам неизменно занимал первое место среди самых популярных для русских изданий писателей. Что, однако, не свидетельствует о лидерстве его идей и мыслей в русском общественно-политическом пространстве. Переводы сочинений Монтескье издавались куда меньшим числом, но их цитирование было запредельным. Отчасти оттого, что моду на Монтескье задавала сама верховная власть, но и, очевидно, потому, что европейская мысль в середине века параллельно осваивалась и на оригинальных языках, хотя оценить эти эпистемологические «квоты» вряд ли возможно.

Ю.М. Лотман в свое время писал о «множественности языков» в русской культуре Философского века. Эта идея получает интересное раскрытие в разных главах книги «Лаборатория понятий». Повествование в них идет не только о том, как в «мастерских» переводчиков шла работа с языками (разумеется, чаще всего методом проб и ошибок), но и о том, как впоследствии складывались конкурирующие языки политики, общественного познания, воспитания и самовоспитания, многие специализированные дискурсы. В кратком отклике на монографию нет возможности осветить все заслуживающие внимания авторские статьи, поэтому упомяну лишь те, которые мне показались наиболее провоцирующими и полезными для социологической аудитории. Всем же заинтересовавшимся этой книгой рекомендую осваивать ее самостоятельно с ориентацией на анализ частных сюжетов.

Самый значительный «куст» статей в книге посвящен развитию сферы «политического». Уже в петровскую эпоху исследователи обнаруживают сосуществование по крайней мере двух политических дискурсов — монархического и республиканского, что в дальнейшем непосредственно повлияло на властный режим, формы политического мышления и, разумеется, публичное говорение. В конце же концов на русском властном небосклоне воцарилась Екатерина II, «республиканец» на монаршем престоле. На протяжении всего XVIII в. обновленный политический язык в гораздо большей степени зависел от «переводов» и категориально-понятийного трансфера из европейских культур, чем от реально переживаемого ранней империей аутентичного исторического опыта. Власть жила и осуществлялась в двух измерениях. И поскольку работа со словарем шла весьма интенсивно, то и не удивительно, что очень многие издания того времени сопровождались внушительными по объемам глоссариями, кросс-языковой переключкой и т. п. Европейская терминология заимствовалась чаще всего в оригинальном виде, но нередко ей подбирались русские аналоги, что, правда, очень часто приводило в замешательство русского читателя, поскольку семантика подобного лексического «импортозамещения» не проясняла, а скорее, напротив, затуманивала смыслы.

И. Ширле (Университет Тюбингена) в своей статье «Понятия “народ” и “нация” в русских переводах второй половины XVIII века»

показывает всю сложность процесса семиотического трансфера на примере распространения в публичном дискурсе двух взаимно пересекающихся понятий. Она исходит из методологического постулата о том, что, в принципе, переведенный термин отражает лишь частичное значение содержащегося в нем исходного социокультурного опыта, однако таким образом оттачиваются переводческие практики и обновляется политический язык. Прогресс был в том, что переводы создавали для известных слов новые контексты (с. 113).

Европейское понятие “nation” чаще всего в русских изданиях передавалось через функционально схожие слова-эквиваленты (отечество, государство, общество, отчизна и т. д.), а переводчики так и не нашли нужного лексического способа выразить семантику его исходного значения. И хотя само слово «нация» уже встречается в русском словаре с начала Философского века, тем не менее, по разным соображениям, им предпочитали не пользоваться, даже у Фонвизина мы встречаем его в качестве прилагательного. Думаю, интуитивно русская мысль чего-то опасалась и посему избегала обращения к понятию «нация». В итоге эта центральная социологическая категория для всего модерна обретает в русском языке путаную полисемию, позволившую в более поздние времена «играть» во фразеологизмы, подобные «национальному духу» и «национальному характеру». Считалось, что они понятны каждому и их объяснять не надо, что и по сей день на руку многим нашим писателям.

С понятием «народ» происходила несколько иная метаморфоза, с его помощью описывались разные слои населения и разные общественные феномены. В итоге и оно лишилось «возможности» социологической операционализации. В русском общественно-политическом словаре XVIII в. мы обрели туманную многозначительность «народа» без какой-либо терминологической строгости, которая каждый раз прояснялась лишь *ad hoc*, то есть исключительно контекстом использования слова. Между тем в европейской культуре французское “*peuple*” и немецкое “*Volk*” в эпоху Просвещения, по мнению Ширле, обрели идентичное социологическое измерение, обозначавшее низшие слои общества («простой народ»), которые и выступали у философов первичным объектом просвещения (с. 124). В России же в знаменитой формуле Уварова возникает именно «народность», хотя в своих черновиках, выполненных им по-французски, граф все же употребил слово “*nationalité*”. И я думаю, что, размышляя про себя по-французски, министр просвещения имел в виду все же «цивилизованную народность» (что и есть «нация» для раннего модерна), но опустив во имя краткости и емкости слогана важный для уточнения его смысла предикат, тем самым подарил русскому консерватизму легитимную мистику извечной духовной неразрывности власти и населения.

Судьбу понятия «гражданское общество» в русской культурной среде того времени анализирует в статье «Понятия политической философии Адама Фергюсона в русских переводах конца XVIII – начала XIX века» Т. Артемьева (Санкт-Петербург, Педуниверситет имени А.И. Герцена). Этот термин довольно часто мелькал в периодике и государственных бумагах того времени. Екатерина активно им пользовалась, в частности в своем «Наказе», не утруждая себя никакими разъяснениями. Мы встречаем это понятие в сочинениях Н.И. Новикова и Н.М. Карамзина. Казалось бы, вполне удачный пример лексической трансмиссии. Однако трудно избавиться от сомнения, почему, если русская и шотландская интеллектуальные традиции существенно различались, толкования гражданского общества в них не были диаметрально противоположными. И те и другие видели в нем прежде всего «жизнь в обществе, уклад общественной жизни», а не коллективного субъекта модернистского образца. Проще говоря, использовали это понятие как тождественное «обществу» в раскрытии — «гражданское общежитие». Главный пафос шотландского Просвещения, который состоит в понимании общей намеренности гражданского общества на общественное, государственное и нравственное «улучшение» (improvement), так и остался «вещью в себе» для его разума русской мыслью. С принятием же нейтральной версии «гражданского общества» как уклада жизни потерялся на пути трансляции идей Фергюсона и его шотландских коллег его универсалистский смысл — как инструмента и одновременно результата социально-нравственного прогресса. Хочется обратить внимание на то, что этот философский гордиев узел не распутан и поныне: нашему политическому мировоззрению вполне достаточно архаичной версии европейского понятия «гражданское общество» и отождествления его с «общественностью», словом, внедренным еще Карамзиным и в наше время социологически поддержанным В. Волковым в статье «Общественность: забытая практика гражданского общества» (1997).

Анализ, важный для социологического осмысления генезиса русского модерна, проведен Н. Плавинской (Москва, Институт всеобщей истории РАН). В статье «Политическая лексика в русских переводах Монтескье и Беккариа» она обращается к разным переводам сочинений этих мыслителей и их вкладу в формирование обновленного русского языка. Екатерина II свой «Наказ» строит на их постоянном цитировании, и поскольку тот монарший манифест имел громадное значение для формирования русского общественно-политического мышления и говорения в целом, не будет большим преувеличением сказать, что слова и образы этих двух мыслителей невольно становились некоей оптикой для рассмотрения социального мира. А самой монархине было важно держать под своим властным контролем познавательные инструменты раннего социологического воображения.

Ее интересовала не столько сама реальность, сколько монопольное право управлять тем, как надлежит «видеть» и «понимать» отечественную реальность глазами и разумом этих европейских просветителей. Государство, общество, свобода, гражданство, рабство как публичные лексемы и научные понятия включаются в российский социально-политический дискурс благодаря им. И даже если переводчики все еще использовали архаизмы, наподобие «вольности», «самовластия» или «безначалия», «избранных представителей» или «поверенных», тем не менее модернизация политического мышления шла своим чередом благодаря этим переводам, и новые представления о политических формах и институтах проникали в русскую культуру, пусть еще и в неосовремененном лексическом облики. Большая часть старой терминологии не сохранилась в русском языке и сейчас воспринимается устаревшей, отчего их универсалистская субстанция практически не изменилась.

И еще один авторский текст, на который хотелось бы обратить особое внимание, стал для меня большим открытием. В статье С. Польского (Москва, ВШЭ) «Рукописный перевод и формирование светского политического языка в России (1700–1760-е)» повествуется о параллельном книгоизданию хождении рукописных переводных текстов. Представление о политическом дискурсе этого времени ранее строилось на допущении о весьма поверхностном знакомстве русской элиты с европейской социально-политической литературой. Переведенные на русский язык западные издания можно было пересчитать по пальцам. Достоверно известно, что читающая публика с легкой руки Петра I была знакома с идеями С. Пуфендорфа по русской версии его сочинения «О должности человека и гражданина по закону естественному» (1726), а остальных европейцев знала больше понаслышке. Но откуда тогда такая осведомленность о европейской политической мысли у русских мыслителей и некоторых представителей высшей аристократии, как, к примеру, у В. Татищева, Д. Голицына и В. Долгорукова?

Благодаря титаническому по объему исследованию С. Польского мы открываем для себя любопытную страницу русской интеллектуальной истории. Теперь нет необходимости гадать: раннее русское Просвещение было хорошо знакомо с западной мыслью Нового времени благодаря рукописным переводам. Составленный Польским каталог рукописей поражает воображение, он содержит более сотни переводов, из которых чуть меньше половины — европейские трактаты на политические темы. Рукописные переводы вплоть до екатерининского правления всегда численно опережали печатные издания. Русский читатель первой половины XVIII в. открывал для себя рациональный дискурс европейской политической мысли благодаря именно рукописным текстам, которые передавались из рук в руки, переписывались

и отчасти даже сохранились до нашего времени. И в этом наилучшим образом проявлена роль русских переводчиков как трансляторов идей и понятий, напрямую повлиявших не только на сознание элит, но и на их политические вкусы и поведение. Усвоенные частью русской аристократии знания постепенно сотворили иную политическую культуру.

Европейские политические трактаты позднего Возрождения и раннего Нового времени представляли большую сложность для переводчиков и в первую очередь терминологическую. Во-первых, они изобиловали понятиями, для истолкования которых в русском историческом опыте не было ничего аутентичного. Реальности не корреспондировали друг с другом. Это был серьезный вызов, чаще всего такие иностранные слова калькировались или транслитерировались, хоть и не всегда удачно. Собственно, наш сегодняшний политический тезаурус частично был введен в оборот именно тогда. Во-вторых, сложные абстрактные понятия нуждались в толковании, для которого требовалась академическая компетентность, и ее катастрофически не хватало. В-третьих, переводчики очень часто сами сомневались в адекватности своего же восприятия чужого текста, ругали европейцев за «темноту высказываний» и, как пишет С. Польской, смело «улучшали» их тексты. Разумеется, не всегда это у них получалось успешно и тем более корректно. Да и дело было не только в массовых искажениях смысла. Переводческая деятельность, как каторжный труд, изнуряла и без того немногочисленную группу людей. Известный переводчик петровского времени Борис Волков, однажды осознав невыполнимость порученной ему царем работы, покончил жизнь самоубийством (с. 242).

Но и это еще не вся история. Если более или менее легко представить себе, насколько непосильной была задача достичь категориальной точности в переносе смыслов и терминов, а также создать при этом «дельный текст», то гораздо сложнее вообразить, с какими муками сталкивался высокопоставленный читатель этих рукописей, осваивавший непривычное знание, да еще и на непривычном языке. Однако потребность в политико-правовой фундированности все же была выше возникавших трудностей, и процесс переводов продолжался с нарастающей быстротой. Трудно оспорить основной посыл С. Польского, что понять природу и механизмы главной в истории русского модерна семантической и языковой трансформации стало возможным прежде всего именно на малоизученном историками и филологами материале русской рукописной переводной практики.

Почему аристократия отдавала предпочтение рукописным переводам? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Возможно, из-за страха цензуры, нежелания связываться с издательской волокитой. Но, скорее всего, я думаю, в силу «приватного» характера раннего русского Просвещения. Переводы делались по заказу вельмож, для

ближнего круга пользователей, на потребу заказчика, для укрепления его сословной репутации и, конечно же, для «совместного» с переводчиками освоения чужестранных идей и ответственной работы с обновляемым русским языком. В этом смысле рукописные переводы гораздо лучше укладываются в модель русского «авантюрного» Просвещения раннего XVIII века, чем обращение к массиву тиражируемых книг. Публичность в ту эпоху лишь только зарождалась, а салонная культура придет гораздо позже. В этом «междучарствии» рукописный перевод европейского сочинения гарантировал адресность, контроль, безопасность и накопление символического капитала у «продвинутой» части элиты, которая, как правило, владела иностранными языками, но тем не менее заказывала переводы. Безусловно, рукописные переводы рассказывают нам больше о «принимающей» стороне и весьма красноречиво повествуют о том, в каких условиях «кулуарно» зарождался русский модерн.

Рациональная политико-правовая мысль Европы предназначалась для весьма узкого круга «потребителей», широким же кругам читающей публики доставались отфильтрованные пересказы, сделанные именитыми писателями и первыми русскими публицистами с «правильными» комментариями, то есть преподносилось уже хорошо «упакованное» знание с «правильными» акцентами и нюансировкой. Примером тому может служить беллетристика В.Н. Татищева. Одним словом, благодаря проделанной социальными историками работе академические исследователи получили интересную историческую фактуру для понимания того, как именно в ранней империи закладывался чуть ли не самый главный механизм российской модернизации «сверху» — контролируемое и властно направленное Просвещение, изначально допускавшее при трансмиссии европейской гражданской науки любое редактирование и коррекцию западного универсализма.

К сожалению, в небольшом отзыве нельзя откликнуться на все идеи, которыми богата коллективная монография «Лаборатория понятий». Внимательное знакомство с ней показывает, что слово «лаборатория» выбрано не случайно, перед читателем открывается интересный горизонт раннего русского модерна, в котором именно Слово имело чрезвычайное значение в выстраивании нового социального порядка. Разумеется, генезис российского модерна был гораздо более сложным процессом, чем простое идейно-терминологическое «заимствование». И, социологически постигая этот процесс, приходится все время проводить различие между смыслами европейского универсализма, адекватно понятыми и принятыми, и теми, что, скорее, были искажены или отвергнуты. Более того, нам еще надлежит понять характер различий между культурным и институциональным опытом, глубоко прочувствованным и прожитым, и тем, что был лишь «прочитан» в переводных изданиях. Но это уже исследовательская задача на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 504 с.
2. *Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века /* Под ред. С.В. Польского и В.С. Ржеуцкого. М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 576 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Согомонов Александр Юрьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (903) 966-07-44. **Электронная почта:** sogi@mail.ru

Дата поступления: 01.03.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 1. P. 161–176. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.9

Review

*ALEKSANDR YU. SOGOMONOV*¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

CONCEPTIONAL TRANSFER AND EARLY RUSSIAN MODERNITY

(REFLECTION ON: LABORATORY OF CONCEPTS: TRANSLATION AND LANGUAGES OF POLITICS IN RUSSIA IN THE 18TH CENTURY.

ED. BY S.V. POL'SKOY AND V.S. RZHEUTSKIY. MOSCOW: NLO PUBL., 2022)

Abstract. The authors of the book investigate the practices of translation in the context of socio-cultural transformations in the early years of the Russian Empire. Europe and Russia in the Age of Enlightenment were radically different semiotic systems, so the interpreters of western philosophy and political literature sparked a sort of “cultural revolution” in terms of the transfer of ideas and concepts, the genesis of a new public language. Early Russian interpreters introduced the world of western thought and the languages of politics and social thinking to the elites and to the emerging civil society. And as such the corpus of Russian interpretations is a more eloquent reflection of intellectual evolution than the original writings of Russian thinkers of that time. And given the fact that in those times translations would always involve the inception of new lexical and semantic elements, the “laboratory of concepts” scientific metaphor used in the book to denote the intellectual origination of Russian modernity is absolutely justified.

Keywords: translation turn; civilis scientia; lexical and semantic transfer; transmission and adaptation of languages of politics, Russian modernity.

For citation: Sogomonov, A.Yu. *Conceptional Transfer and Early Russian Modernity (Reflection on: Laboratory of Concepts: Translation and Languages of Politics in Russia in the 18th Century.* Ed. by S.V. Pol'skoy and V.S. Rzheutskiy. Moscow: NLO publ., 2022). *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal.* 2023. Vol. 29. No. 1. P. 161–176. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.9

REFERENCES

1. Bakhmann-Medik D. Cultural turns. [Russ. ed.: *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture*. Transl. from Germ. by S. Tashkenov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2017. 504 p.]
2. *Laboratoriya ponyatii: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka*. [Laboratory of Concepts: Translation and Languages of Politics in Russia of 18th Century.] Ed. by S.V. Pol'skoy and V.S. Rzhetskiy. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2022. 576 p. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr Yu. Sogomonov — Candidate of Historical Sciences, Lead Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (903) 966-07-44. **Email:** sogi@mail.ru

Received: 01.03.2023.

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.10

EDN: ZUHFEU

С. В. КОЗИН¹, Т. П. ЖИДЯЕВА²

¹ Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет».

344082, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42.

² Алатырский филиал федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова».

429820, Алатырь, ул. Первомайская, д. 70.

ОТ ПРЕКАРНОЙ ЗАНЯТОСТИ К ПРЕКАРИЗАЦИИ ЖИЗНИ / ПОД РЕД. Ж. Т. ТОЩЕНКО. М.: ВЕСЬ МИР, 2022. — 364 С.

Аннотация. В коллективной монографии под редакцией Ж. Т. Тощенко «От прекарной занятости к прекаризации жизни» (2022) на обширной базе репрезентативных всероссийских социологических исследований 2014–2021 гг. ставятся две основные цели: а) обосновать предположение, что прекаризация имеет выраженную тенденцию к проецированию неустойчивости и нестабильности труда на другие сферы жизни и прежде всего — на социальную и культурную; б) раскрыть потенциал понятия «прекаризация жизни» применительно к формирующемуся протоклассу прекариата. Авторы рецензируемой книги уделяют внимание истокам зарождения и развитию прекариата в обществе. Показано, что прекаризацию не следует рассматривать через призму только трудовой сферы, так как неустойчивое положение человека на рынке труда приводит к деформациям в иных жизненных сферах. Прекаризация проникает в здравоохранение, культуру, образование, политику, экономику, то есть в публичную и приватную жизнь россиян. На вопрос, может ли процесс прекаризации остановиться, однозначного ответа в книге нет, однако отмечается тенденция ее роста. Данная монография вносит значимый вклад в изучение проблематики прекариата и прекаризации жизни. Рецензенты кратко приводят основные положения книги, при этом указывают на слабые, по их мнению, и дискуссионные ее стороны, которые требуют дальнейшей проработки.

Ключевые слова: прекариат; прекарная занятость; прекаризация жизни; отсутствие социальных гарантий; город; село; сельское хозяйство; социально-психологическое состояние; трудовой договор.

Для цитирования: Козин С. В., Жидяева Т. П. [Рец. на кн.] От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022 // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 177–191. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.10 EDN: ZUHFEU

В сентябре 2022 г. в издательстве «Весь мир» вышла коллективная монография под редакцией члена-корреспондента РАН Ж. Т. Тощенко

«От precarious занятости к прекарнизации жизни» [9]¹. В числе авторов — Р.И. Анисимов, Н.И. Белова, М.Б. Буланова, Н.М. Великая, И.В. Воробьева, А.В. Кученкова, Д.А. Лиферов, М.Ю. Милованова, Г.В. Ниорадзе, И.А. Полякова, Г.В. Тартыгашева, Г.А. Тосунян, Ж.Т. Тощенко, М.С. Цапко, И.О. Шевченко.

В 2021 г. данным научным коллективом была издана монография «Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности» [10], которая получила довольно высокую оценку коллег. Однако были высказаны и критические замечания, а также рекомендации по развитию и расширению научных горизонтов в изучении данной тематики [5; 8].

По сравнению с предыдущей монографией Ж.Т. Тощенко и вышедшими под его редакцией двумя коллективными монографиями в рецензируемой работе были детально проанализированы центральные черты и особенности жизненного мира прекариата. Дан целостный и аргументированный анализ его трудовой, обыденной, общественной, политической и даже культурной жизни. Положительным фактом является то, что в новой монографии сделана попытка комплексного описания жизненного мира сельского прекариата, а также врачей.

Структурно новая монография состоит из предисловия (Г.А. Тосунян), введения (Ж.Т. Тощенко); трех больших частей — «Характеристика основных сфер жизни прекариата», «Облик труда и качества жизни прекарных общностей и групп», «Особенные грани труда и жизни прекариата», объединяющих 13 глав; заключения (где собраны опубликованные ранее рецензии С.Г. Климовой, И.И. Осинского, М.И. Добрыниной, С.В. Козина, посвященные монографиям авторского коллектива по проблематике прекариата за 2018–2021 гг.); трех приложений (Н.И. Белова) и именного указателя.

Для представления более полной картины прекарнизации жизни авторы используют данные целого ряда всероссийских исследований, а также анализ высказываний ученых, экспертов, респондентов. В эмпирическую базу включены данные «ВЦИОМ-Спутник» (2019–2022, N=1600), ВЦИОМа (2017, N=1600), Института социологии ФНИСЦ РАН (2018, N=700), Левада-Центра (1995–2021, N=1600), Министерства образования и науки РФ совместно с РАНХиГС (2020, N=33 987), МИФИ (2020, N=700), МОТ (2017), РМЭЗ НИУ ВШЭ (2019), РГГУ² (2016, N=1350; 2018, N=1200; 2019, N=900; 2020, N=900;

¹ Книга издана благодаря финансовой поддержке ООО «АРБ-Форум М». Авторы благодарят анонимных рецензентов «Социологического журнала» за замечания и ценные советы.

² Исследования прекариата в РГГУ проводились под руководством Ж.Т. Тощенко в рамках выполнения гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества».

2021, N=800), Росстата РФ (1990–2021), ФОМа (2020, N=1000) и ряда региональных социологических подразделений.

В предисловии академик РАН Г.А. Тосунян признает, что проблема бедности в российском обществе не станет решаемой ни в настоящее время, ни в ближайшей перспективе. Он отмечает: «...неуменьшающаяся бедность — это прямой результат таких просчетов в экономической и социальной политике, как пенсионная реформа, низкий уровень прожиточного минимума, слабая поддержка уязвимых слоев населения, среди которых основное место принадлежит прекарным слоям» [9, с. 12].

В первой части книги «Характеристика основных сфер жизни прекариата» приводится расширенное определение термина «прекаризация жизни»: это «снижение жизненной активности в разных областях человеческой деятельности вследствие перегрузки в сфере трудовой занятости, уменьшения свободного времени и недостатка доходов, сопровождающееся сокращением доступа к социальным и культурным благам и изменениями в образе жизни»; «это нестабильность, неустойчивость жизненной ситуации... невозможность решить некоторые жизненные проблемы и, как следствие, преобладание негативных оценок своей жизни, формирование социальной аномии» [9, с. 54].

Ж.Т. Тощенко приводит перечень разработанных его научным коллективом критериев принадлежности к прекариату (которые, возможно, будут дополняться и уточняться) [9, с. 21]. Общественная (публичная) и личная (приватная) жизнь прекариата является одним из «ярких показателей *социального расслоения по всем основным характеристикам жизни человека* — по гарантиям трудовой занятости, по оплате труда, по использованию его интеллектуального и профессионального потенциала, по устойчивости его повседневной жизни», как подчеркивает Тощенко [9, с. 36].

На качество трудовой жизни оказывает влияние и такой «экономический инструмент, который имеет одновременно и моральное значение, — это *оплата труда “в конверте”*». Если даже среди официально оформленных сотрудников данная практика наблюдается в промышленности у 35% и в строительстве — у 50%, то у представителей прекариата она доходит до 70% и более [9, с. 33].

Ж.Т. Тощенко констатирует: «В конечном счете, все эти проблемы концентрируются вокруг главной проблемы — *проблемы социального неравенства*», характеризующегося выраженным ростом, особенно в России [9, с. 37] (курсив наш. — С. К., Т. Ж.).

В главе 2 И.О. Шевченко приводит также обстоятельную оценку прекаризации важнейших сфер жизни — труда, социальной сферы, общественной, политической, культурной жизни. На основе полученных ранее социологических данных автор констатирует, что российский прекариат претерпевает значительные изменения, причем они имеют

отнюдь не положительную динамику. Особенно ярко это обозначилось в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19). Прекаризация жизни проявляется также в понижении «уровня доверия к “дальному” социальному кругу, куда входят коллеги, руководители организации, в которой работают люди, профсоюзная организация» [9, с. 48].

В заключение главы делается важный вывод. Работодатели молодых представителей прекариата, оформленных у них без официального договора, но получающих достаточные денежные средства, не производят уплату взносов за них в Пенсионный фонд России. При достижении пенсионного возраста эти работники, скорее всего, останутся без государственной социальной помощи, поскольку в законодательство уже внесены изменения, касающиеся пенсионного обеспечения работников, не имевших официального трудоустройства [9, с. 54–55].

Интерес представляет глава 4 «Прекаризация занятости как фактор ухудшения материального положения», где А.В. Кученкова рассматривает источники доходов прекарного труда. Независимо от формы занятости и социально-демографических характеристик работающих главным источником доходов на российском рынке труда является заработная плата на основном месте работы. Однако работающие без оформления трудового договора, помимо зарплаты на основном месте работы, отмечают и доходы, получаемые в виде помощи родственников, пенсий и т. п. [9, с. 75–77]. К такой категории работников преимущественно относятся молодые специалисты и пенсионеры, которые наиболее подвержены рискам прекаризации.

На низкую оплату труда указывают 50,3% всех занятых [9, с. 76], поэтому подработка и совместительство — это следующие по популярности источники дохода после основного заработка. Автор предлагает не рассматривать вторичную занятость саму по себе как признак прекарности. Она становится таким признаком, если имеет вынужденный характер из-за нехватки, нестабильности, негарантированности средств, получаемых на основном месте работы, для покрытия всех необходимых жизненных нужд.

Для прекариата жизненно важным вопросом является не несправедливость оплаты труда, появляющаяся по причине «эксплуатации, а сама трудовая деятельность. <...> Прекариат не будет иметь средств к существованию вследствие системных ограничений на труд», — заключает Р.И. Анисимов [1, с. 23].

Чтобы компенсировать недостаток финансовых средств, представители прекариата вынуждены искать разного рода подработки. Согласно данным исследования РГГУ («Прекариат-2019»), в 2019 г. доля респондентов, работающих без трудового договора, в сфере строительства составила 38,2%, на транспорте — 35,8%, в торговле, бытовом обслуживании — 17,9%. По данным исследования

«Прекариат-2020», в 2020 г. эта доля составляла в промышленности — 35,1%, в сельском хозяйстве — 34,7% [9, с. 77].

Как отмечается в монографии, примерно четверть опрошенных респондентов в качестве источника дополнительного дохода рассматривают подсобное хозяйство [9, с. 75]. Однако данная точка зрения, на наш взгляд, представляется спорной, так как доход от подсобного хозяйства является основным только в сельской местности. Для городских жителей затраты на выращивание сельскохозяйственной продукции (семена, удобрения, транспортировка урожая) не окупаются. Поэтому для них дачи и огороды являются источником получения более качественных продуктов, а не дополнительного дохода.

При рассмотрении зависимости заработной платы от вида занятости [9, с. 78–81] отмечается, что номинальная заработная плата в России при прекарнизации труда имеет тенденцию к снижению. Это связано с тем, что те, кто работает у индивидуального предпринимателя, получают, как правило, «серую» зарплату, которая меньше реальной зарплаты персонала, работающего на крупных предприятиях (см.: [7]). Таким образом, между видом занятости и размером заработной платы существует определенная зависимость. Прекарии как работники до такой степени фрустрированы, что в значительной степени не доверяют своему руководителю и даже считают такой труд формой угнетения³.

Авторы рецензируемой книги провели анализ социального самочувствия работников в зависимости от степени прекарнизации и уровня дохода [9, с. 89–90] и пришли к выводу, что зачастую работники, получающие небольшую заработную плату, но оформленные в соответствии с Трудовым кодексом РФ, в большей степени удовлетворены своим положением, чем прекарные работники с высокой «серой» зарплатой. В качестве примера можно привести ситуацию, возникшую в связи с пандемией COVID-19 (см.: [4]), когда в первую очередь пострадали именно работники с неофициальным трудоустройством. Прекарная занятость сказывается неблагоприятно на социальном самочувствии сотрудников даже с высокими заработками [15].

Во второй части монографии «Облик труда и качества жизни прекарных общностей и групп» приведен анализ социальных настроений и условий деятельности представителей новых групп — преподавателей и медицинских работников, у которых имеются признаки прекарнизации. В настоящее время их включают в «кандидаты» в прекариат [16]. Несомненный интерес представляет глава 9 «Социальное настроение сельских жителей как фактор изменений в общественной жизни: гендерные аспекты». Ее автор М.Ю. Милованова раскрывает такую тему, как комплексное освещение гендерных аспектов трудовых ресурсов

³ См. об этом нашу статью «Прекариат — новый угнетенный класс XXI века?» [6].

сельских жителей России. В результате проведенного анализа были отмечены сокращение рабочих мест, предприятий (и полное истощение материальной базы и ресурсов, созданных во времена СССР), а также бедность на селе и динамика стремительного старения населения (которые подтверждаются ежегодными всероссийскими социологическими опросами населения).

Импонирует, что автор признает проблему снижения численности «занятых собственно в сельском хозяйстве — с 4,212 млн человек в 2017 г. до 4,196 млн человек в 2020 г.» (по данным Минсельхоза за март 2021 г.) [9, с. 176]⁴. В монографии указывается на слабость «подушки безопасности», то есть финансовой помощи индивидуальным предпринимателям и гражданам сельских территорий, зачастую вынужденно находившимся на самоизоляции в период пандемии COVID-19. Проблема возрастающей «трудоустройственной прекаризации» острее наблюдается в сельской местности. Однако в отличие от городов, где «трудоустройственная прекаризация» связана с возрастающей ролью цифровизации, в сельской местности (поселки городского типа, райцентры, села, хутора) она связана с сокращением (закрытием) организаций и должностей (относящихся в большей мере к государственному сектору). По данным исследований «Прекариат-2018» и «Прекариат-2020», в 2018 г. доля сельских жителей, полностью или частично не удовлетворенных низкой оплатой труда, отсутствием позитивных перспектив в работе, условиями труда, составляла 22,1%, а в 2020 г. — 38,5% [10, с. 122]. Следует отметить, что эти результаты стали особенно явными в период так называемой «оптимизации» (2016–2022 гг.), которая в настоящее время разными исследователями (в том числе Института социологии ФНИСЦ РАН) оценивается не столь позитивно, как предполагалось ранее. Для развития сельских территорий в 2019 г. Правительством РФ была принята Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020–2025 гг. (объем выделенных средств составил около 2,3 трлн руб.). В ней поставлены следующие цели, которые планируется достигнуть к 2025 г.: повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населенных пунктах до 43,2%; достижение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 75,5%; сохранение доли сельского населения в общей численности населения Российской Федерации на уровне не менее 25,1%.

⁴ Здесь уместно, в частности, вспомнить слова отечественного историка, исследователя российской деревни А.М. Большакова (1887–1938) из его неоправданно забытой монографии «Деревня 1917–1927», в которой он еще в первые годы становления советского хозяйства предупреждал: «Россия — страна земледельческая, поэтому сельское хозяйство обладает великой ценностью не только для самого крестьянина, но и для всей экономики государства» [2, с. 17].

О результатах проведенных мер Госпрограммы говорить пока рано. Однако неудовлетворенность сельчан своей жизнью возрастает. Так, по данным социологических исследований, проведенных РГГУ, «Прекариат-2018» и «Прекариат-2020», в мае – июле 2018 г. не удовлетворенных своей жизнью было 7% сельчан, а в октябре 2020 г. — уже 22%. Таким образом, за два года количество не удовлетворенных сельской жизнью возросло в 3 раза [9, с. 178]. Представители старшей возрастной группы на селе считают, что во времена СССР было больше позитивных факторов. Чаще всего отмечались такие качества сельчан, как сплоченность, взаимовыручка. На селе создавались условия для развития молодежи. Данная тематика подробно освещена в трудах таких отечественных исследователей, как В.В. Карачаровский, В.Г. Виноградский, Г.С. Широкалова, Е.Д. Вознесенская, О.П. Фадеева, П.П. Великий и др.

Немаловажной проблемой является миграция молодежи в города. Об этой тенденции свидетельствуют данные социологического опроса «Сельская жизнь-2015», проведенного под руководством Ф.Э. Шереги. Желание уехать из села изъявляют 45,7% респондентов в возрасте до 24 лет и 37% — в возрастной группе от 25 до 29 лет [11, с. 80]. Причинами такого решения чаще всего называют невозможность развития своего потенциала, низкие заработки (63,2% респондентов), а то и отсутствие работы для себя (41,9%), а также возможностей проведения культурного досуга (33,8%) и т. п. [11, с. 309].

Весьма интересна по раскрытию проблематики глава 10 «Жизненный мир врачей: социально-профессиональное положение и социальное самочувствие», написанная И.А. Поляковой. Она показывает общую картину состояния отечественного здравоохранения и обозначает тенденции его развития, отмечает специфику трудовой занятости российских врачей. Кроме того, была дана оценка вероятности (не) участия врачей в принятии важных решений по различным проблемам — от государственных до местных; проанализированы личное благополучие (достаток) и социальное самочувствие российских врачей, в том числе в период пандемии COVID-19.

В частности, И.А. Полякова отмечает снижение в России как количества стационаров (с 6,3 тыс. в 2010 г. до 5,2 тыс. в 2019 г.), так и численности врачей (с 715,8 тыс. в 2010 г. до 714,1 тыс. в 2019 г.) [9, с. 193]. Было установлено, что главным фактором благополучия для врачей государственных учреждений и частных организаций является оплата труда (70,8% и 56% соответственно) [9, с. 200].

Пожалуй, самой интересной в книге является третья часть «Особенные грани труда и жизни прекариата». В ней проводится сопоставление бедности и прекарности как таковой, освещаются малоизученная в отечественной науке шеринг-экономика и ее связь с прекаризацией. Затем акцентируется внимание на таком понятии,

как «клиентоцентричность», которую, по мнению М.С. Цапко, можно рассматривать как один из потенциальных способов минимизации роста прекариата.

Глава 12 третьей части «Шеринг-экономика и ее связь с прекаризацией» написана Г.В. Ниорадзе. При шеринг-экономике (sharing economy) люди выбирают не владение каким-либо предметом, а его аренду на бесплатной или платной основе (см., например: [14; 17; 18]). Создание концепции шеринг-экономики принадлежит Р. Ботсман и Р. Роджерс. В книге 2010 г. «Что мое — твое: рост совместного потребления» (“What’s Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption”) [13] они представили новую модель совместного потребления товаров и услуг. Однако прообраз экономики совместного потребления появился намного раньше. Например, в СССР действовали публичные библиотеки, и люди предпочитали брать книги именно там, а не приобретать их, если были проблемы с хранением книг дома. Аренда библиотечного фонда была бесплатной, финансирование учреждений культуры было государственным. Существовали пункты проката, где можно было взять в пользование различные предметы хозяйственного и культурного обихода.

Одним из отличительных факторов шеринг-экономики являются цифровые технологии и Интернет. Экономика совместного потребления в основном возможна только при наличии Интернета.

По мнению Г.В. Ниорадзе, основными причинами образования шеринг-экономики являются [9, с. 230]: рост численности населения и, как следствие, развитие неустойчивых форм занятости; развитие научно-технического прогресса и, как следствие, устаревание или исчезновение некоторых профессий, перевод сотрудников из разряда постоянных в сезонные либо временные; уменьшение числа промышленных предприятий и появление новых профессий и форм занятости. Например, в настоящее время популярностью пользуются профессии в сфере красоты: нейл-мастера, лешмейкеры, бровисты. Их отношения с государством зачастую оформляются самозанятостью — новой формой налогового режима, когда налогоплательщик фиксирует выручку в виде чеков в специальном приложении с указанием клиента, и сумма налога на профессиональный доход рассчитывается автоматически.

По мнению Т.П. Жидяевой и А.Ю. Хазова, «прекариат и шеринг-экономика не только сосуществуют в одной плоскости... развитие шеринговой экономики привело к появлению форм прекарной занятости» [3, с. 171–172]. Очень часто понятия шеринг-экономики и аренды отождествляются. По мнению Г.В. Ниорадзе [9, с. 233], существуют следующие отличия: шеринг — как правило, краткосрочное явление; в некоторых случаях при шеринге нет необходимости возвращать товар владельцу; нормативное регулирование отношений, возникающих при шеринге, не всегда регламентированы, в отличие от аренды. Кроме

этого шеринг-отношения могут заключаться и без личного общения собственника и арендатора.

Г.В. Ниорадзе описывает прекарные черты шеринг-экономики [9, с. 239–241]. По его мнению, одной из ее проблем является непостоянная занятость. Самозанятые испытывают психологические проблемы именно в период поиска работы. А работодателя такое положение дел устраивает — фриланс является способом минимизации затрат на социальную поддержку сотрудника. Из этого вытекает еще одна проблема — возможная неоплата выполненной работы.

Другой негативной чертой шеринг-экономики является сверхэксплуатация [9, с. 240]. Неформально занятые самостоятельно определяют свой рабочий график, зачастую не обращая внимания на значительную переработку по времени.

По мнению Г.В. Ниорадзе, шеринг-экономика определенным образом может смягчить проблемы прекарности [9, с. 242]. Шеринг-экономика может предоставлять материальные блага в пользование без их оплаты. Например, снижение доходов вследствие потери занятости или перевода на сезонные работы может частично компенсироваться тем, что рынок С2С-продаж⁵ предполагает невзимание средств за обмен: с одной стороны, для людей, отдающих свои вещи, они, хотя и имеют определенную стоимость, являются ненужными; с другой стороны — принимающим эти вещи они необходимы.

Кроме этого, в условиях шеринг-экономики можно работать и без трудоустройства на предприятиях. Для этого достаточно оформить в налоговых органах. Поэтому сокращение штата или перевод сотрудников на прекарные работы не являются фатальными для сотрудников.

Таким образом, шеринг-экономика автором рассматривается как сложный, многоплановый процесс, который при некоторых условиях требует определенной поддержки.

Вместо традиционного заключения авторы приводят в сокращенном виде три рецензии — С.Г. Климовой, И.И. Осинского, М.И. Добрыниной, С.В. Козина, которые «взяли на себя труд высказать свои суждения по этой тематике и определить значимость проведенной авторским коллективом работы», — пишет Ж.Т. Тощенко [9, с. 259]. Рецензенты рассматривают монографии Ж.Т. Тощенко или под его редакцией в 2018–2021 гг. В предыдущей авторской монографии «Прекариат: от протокласса к новому классу» Тощенко приходит к выводу (и мы разделяем его точку зрения), что *«жизненный мир прекарных слоев — это мир ущемленных в социально-экономическом и правовом отношении людей»* [12, с. 211], мир узкого функционирования человеческих возможностей.

⁵ От англ. consumer-to-consumer, «потребитель для потребителя» — торговля, при которой обычные люди, не предприниматели, продают товары или услуги друг другу.

Рассматриваемая коллективная монография вызвала у авторов этой рецензии лишь незначительные критические замечания.

Первое. В работе утверждается, что пандемия COVID-19 внесла существенные изменения в жизнь общества. «Сельский образ жизни стал олицетворять реальную возможность деурбанизации... безопасное существование в условиях именно загородной жизни, в деревне, где “все свое” и нет требований социальной дистанции» [9, с. 181]. Данное высказывание М.Ю. Милованова является ошибочным, так как в сельской местности в период пандемии, как и в городах, в общественных местах соблюдался режим ношения масок, перчаток, соблюдения социальной дистанции и преимущественного нахождения граждан в самоизоляции (особенно прибывших из-за границы). В случае нарушений этих требований сельские жители подвергались штрафу.

Второе. В рецензируемой работе имеются незначительные стилистические и орфографические погрешности, которые можно было бы устранить в случае ее переиздания.

В качестве пожелания отметим следующее. В настоящее время прекариат еще нельзя назвать «социально опасным классом», как пишут зарубежные ученые. Он проходит длительную стадию становления из «класса в себе» в «класс для себя». Хотелось бы узнать мнение авторов данной монографии о том, насколько российский прекариат близок к «социально опасному классу» и какие последствия для страны повлечет его появление.

Несмотря на эти замечания, научному коллективу под руководством Ж.Т. Тошенко удалось избежать крайностей в суждениях и выстроить исследовательскую работу должным образом. Считаем, что данное исследование — это честный и аргументированный, хотя и не бесспорный, анализ проблем прекариата (который должен вызвать оживленную дискуссию среди коллег, авторов и читательской аудитории «Социологического журнала»).

Проблема разрастания и укрепления позиций прекариата становится объектом пристального изучения уже не только институтов РАН (как это было еще пять лет назад), но и ведущих университетов, и даже обычных вузов и филиалов, которые только вливаются в изучение данной тематики. Необходимо признать, что исследователи перестают «откладывать в долгий ящик» свои наработки, имеющие прямое или косвенное отношение к изучению прекариата. И ярким тому подтверждением служит возросшее количество отечественных научных работ в eLIBRARY.ru, Web of Science, Scopus, как теоретического (которые, безусловно, преобладают), так и эмпирического характера.

Следует отметить, что численность представителей прекариата будет расти вследствие сокращения или закрытия предприятий, а также в связи с усилением роли новых профессий (например, таких, как 3D-проектировщик, аналитик Big Data, архитектор «умного дома»,

флейворист) и ликвидацией некоторых старых профессий (например, сплавщик леса, телефонист, фонарщик). Не следует отрицать также роль информационных технологий и искусственного интеллекта в увеличении прекаризации. Будущее прекариата выглядит довольно туманным, о чем свидетельствуют спорные мнения ученых, но в одном они сходятся — прекариат растет, и количество проблем вследствие этого неминуемо увеличивается.

Рецензируемая коллективная монография имеет междисциплинарный характер, в ней используется методология не только социологии, но и истории, политологии, экономики, а в ряде случаев и социальной психологии. Надеемся, что книга (изданная, к сожалению, тиражом лишь в 300 экземпляров) займет достойное место среди известных научных работ данной тематики, а разработки ее авторов внесут значимый вклад в изучение прекаризации жизни (в частности, прекаризации труда).

Книга будет интересна профильным специалистам, студентам-социологам, историкам, экономистам, аспирантам, а также полезна для работников сферы социальной защиты населения, муниципальных служащих, управленцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимов Р.И.* Прекариат — как новый социальный класс в контексте марксистской теории // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 1. С. 10–27. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.1.7842 EDN: EXWQYZ
2. *Большаков А.М.* Деревня 1917–1927. М.: Изд-во «Работник просвещения», 1927. — 472 с.
3. *Жидяева Т.П., Хазов А.Ю.* Научная конференция глазами участников: XV Ковалевские чтения. (Санкт-Петербург, СПбГУ, 25–27 ноября 2021 г.) // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 4 (40). С. 171–174. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.4.9289 EDN: JGBBXW
4. *Козин С.В.* Общество в период COVID-19. Рецензия на коллективную монографию. «Пандемия COVID-19: вызовы, последствия, противодействие» (под ред. А.В. Торкунова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова) // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 306–319. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-3-306-319 EDN: KVZCZZ
5. *Козин С.В.* Прекариат: от становления нового класса к прекарной занятости. (Рецензия на монографию. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021 // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 2 (38). С. 134–138. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9033 EDN: PTVVEN
6. *Козин С.В., Закиева Р.Р., Жидяева Т.П.* Прекариат — новый угнетенный класс XXI века? // Философия хозяйства. 2021. № 3 (134). С. 199–213. EDN: DZYOLJ

7. *Кученкова А.В.* Прекаризация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 1. С. 101–120. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8840 EDN: FSNBZJ
8. *Осинский И.И., Добрынина М.И.* [Рец.] Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021 // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 2. С. 159–166. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8991 EDN: RPZDHJ
9. От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022. — 364 с. DOI: 10.55604/9785777708861 EDN: VOKUSY
10. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021. — 400 с. EDN: ECFBVH
11. Смыслы сельской жизни. (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ, 2016. — 366 с. EDN: VMKTCT
12. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. — 350 с. EDN: VKRCMM
13. *Botsman R., Rogers R.* What's Mine is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. New York: Harper Collins Publishers, 2010. — 304 p.
14. *Daglis T.* Sharing Economy // Encyclopedia. 2022. Vol. 2. No. 3. P. 1322–1332. DOI: 10.3390/encyclopedia2030088
15. *Kinsun S., Kinsun A.* Classified Transformation from Proletariat to Precariat // International Journal on Engineering, Science and Technology. 2022. Vol. 4. No. 2. P. 143–149. DOI: 10.46328/ijonest.82
16. *Sulprizio C., Rader R.* Classics and the Precariat // TAPA. 2022. Vol. 152. No. 1. P. 7–14. DOI: 10.1353/apa.2022.0003
17. *Tan T.M., Makkonen H., Kaur P., Salo J.* How do ethical consumers utilize sharing economy platforms as part of their sustainable resale behavior? The role of consumers' green consumption values // Technological Forecasting and Social Change. 2022. Vol. 176. 121432. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121432 EDN: JTEJND
18. *Tóth Z., Nemkova E., Hizsák G., Naudé P.* Social capital creation on professional sharing economy platforms: The problems of rating dependency and the non-transferability of social capital // Journal of Business Research. 2022. Vol. 144. P. 450–460. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.01.090 EDN: SBNHAO

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Козин Сергей Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет».

Телефон: +7 (863) 218-40-00, доб. 21024.

Электронная почта: mister.svk92@yandex.ru

Жидяева Татьяна Павловна — старший преподаватель, Алатырский филиал федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». **Телефон:** +7 (835) 312-20-75. **Электронная почта:** tanya21_84@mail.ru

Дата поступления: 19.12.2022.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 1. P. 177–191. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.10

Review

SERGEY V. KOZIN¹, TATYANA P. ZHIDYAEVA²

¹ Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Southern Federal University”. 344082, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42.

² Alatyр branch of the Federal State Educational Institution of Higher Education “Chuvash State University I.N. Ulyanova”. 429820, Alatyр, Pervomayskaya str., 70.

FROM PRECARIOUS EMPLOYMENT TO PRECARIZATION OF LIFE.

ED. BY Zh.T. TOSHCHENKO. MOSCOW: VES' MIR PUBL., 2022. 364 P.

Abstract. This article is a review of the recently published collective monograph edited by corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor Zh. Toshchenko, titled “From precarious employment to precarization of life” (2022). The publication of the reviewed book was made possible thanks to financial assistance from “ARB-Forum M”. It is based on an extensive database of representative all-Russian sociological research conducted between 2014 and 2021. The two main goals of the book were: (a) to substantiate that “precarization of labor” has a pronounced tendency to project instability onto other areas of life; (b) to identify a creative and applied concept of “precarization of life” in relation to the emerging proto-class — the precariat. According to the reviewers, the author’s team managed, as usual, to give the reader a good understanding of the origins of how the precariat came about and its further development in society. At the same time, the authors of the work note that precarization is a complex phenomenon that should not be viewed through the prism of a single scientific discipline or sphere, as it was clearly illustrated to us in the book that precarization has already found its way into such spheres as healthcare, culture, education, politics, economics, household needs, i.e. into the public and private life of Russian people. But perhaps the most significant question is whether precarization can cease? The authors do not give the reader their own unambiguous answer to this question, but recognize that it is on the rise all around the world. In the reviewers’ opinion, this collective monograph makes a worthy contribution to the study of the precarization of life (and the precariat in general). At the end of the article, its authors summarize the main propositions of the book, briefly mentioning them, and also point out the weak and rather contradictory (controversial) sides of the reviewed monograph that require much more thorough study in the future.

Keywords: agricultural industry; city; employment contract; lack of social guarantees; precarious employment; precarization of life; socio-psychological state; village.

For citation: Kozin, S.V., Zhidyayeva, T.P. [Rev.] From Precarious Employment to Precarization of Life. Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir publ., 2022. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 177-191. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.10

REFERENCES

1. Anisimov R.I. The Precariat as a New Social Class in the Context of Marxist Theory. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 1. P. 10–27. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.1.7842 (In Russ.)
2. Bol'shakov A.M. *Derevnya 1917–1927*. [Village 1917–1927]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya publ., 1927. 472 p. (In Russ.)
3. Zhidyaeva T.P., Khazov A.Yu. Scientific Conference through the eyes of participants: XV Kovalev Readings. (St. Petersburg, St. Petersburg State University November 25–27, 2021). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2022. Vol. 10. No. 4 (40). P. 171–174. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.4.9289 (In Russ.)
4. Kozin S.V. Society in the period of COVID–19. Review of the collective monograph “Pandemic COVID-19: challenges, consequences, counteraction” (edited by A.V. Torkunov, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya*. 2022. Vol. 28. No. 3. P. 306–319. DOI: DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-3-306-319 (In Russ.)
5. Kozin S.V. Precariat: from the formation of a new class to precarious employment (Review of the monograph. Precarious employment: origins, criteria, features. Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir publ., 2021. 400 p.). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2022. Vol. 10. No. 2 (38). P. 134–138. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9033 (In Russ.)
6. Kozin S.V., Zakieva R.R., Zhidyaeva T.P. Precariat — the new oppressed class of the XXI century? *Filosofiya khozyaistva*. 2021. No. 3 (134). P. 199–213. (In Russ.)
7. Kuchenkova A.V. Employment Precarization and Subjective Well-Being of Employees in Different Age Groups. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 1. P. 101–120. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8840 (In Russ.)
8. Osinskii I.I., Dobrynina M.I. [Rev.] Precarious Employment: Origins, Criteria, Features. Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir publ., 2021. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 159–166. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8991 (In Russ.)
9. *Ot prekarnoi zanyatosti k prekarizatsii zhizni*. [From precarious employment to precarization of life.] Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir publ., 2022. 364 p. DOI: 10.55604/9785777708861
10. *Prekarnaya zanyatost': istoki, kriterii, osobennosti*. [Precarious employment: origins, criteria, features.] Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir publ., 2021. 400 p. (In Russ.)
11. *Smysly sel'skoi zhizni. (Opyt sotsiologicheskogo analiza)*. [The meanings of rural life (The experience of sociological analysis).] Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: TsSPiM publ., 2016. 366 p. (In Russ.)
12. Toshchenko Zh.T. *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu*. [Precariat: from Protoclass to a New Class.] Moscow: Nauka publ., 2018. 350 p. (In Russ.)
13. Botsman R., Rogers R. *What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption*. New York: Harper Collins Publishers, 2010. 304 p.
14. Daglis T. Sharing Economy. *Encyclopedia*. 2022. Vol. 2. No. 3. P. 1322–1332. DOI: 10.3390/encyclopedia2030088
15. Kinsun S., Kinsun A. Classified Transformation from Proletariat to Precariat. *International Journal on Engineering, Science and Technology*. 2022. Vol. 4. No. 2. P. 143–149. DOI: 10.46328/ijonest.82
16. Sulprizio C., Rader R. Classics and the Precariat. *TAPA*. 2022. Vol. 152. No. 1. P. 7–14. DOI: 10.1353/apa.2022.0003
17. Tan T.M., Makkonen H., Kaur P., Salo J. How do ethical consumers utilize sharing economy platforms as part of their sustainable resale behavior? The role of consumers'

- green consumption values. *Technological Forecasting and Social Change*. 2022. Vol. 176. 121432. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121432
18. Tóth Z., Nemkova E., Hízsák G., Naudé P. Social capital creation on professional sharing economy platforms: The problems of rating dependency and the non-transferability of social capital. *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 144. P. 450–460. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.01.090

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Kozin — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Southern Federal University”. **Phone:** +7 (863) 218-40-00, ext. 21024. **Email:** mister.svk92@yandex.ru

Tatyana P. Zhidyayeva — Senior lecturer, Alatyр branch of the Federal State Educational Institution of Higher Education “Chuvash State University I.N. Ulyanova”.

Phone: +7 (835) 312-20-75. **Email:** tanya21_84@mail.ru

Received: 19.12.2022.

Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 – 72185 от 24.01.2018

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова

Оригинал-макет: И.М. Ситдиков

Журнал «Социологический журнал» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется
в международных базах данных Scopus, WoS RSCI, ERIN PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.journal-socjournal.ru>
- на сайте издателя: <https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя и редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79

Электронная почта редакции: LarissaKozlova@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57

2023. Том 29. № 1. Подписано в печать 21.03.2023.

Формат бумаги 70x100 1/16. Печать офсетная.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86306.

Усл. печ. л. 12. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

ООО «Галлея-Принт»

Адрес: 111024, Москва, 5-я Кабельная, 2Б